

АКТУАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПИДЖИНЫ И КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.Ф. Михеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье идет речь о возникновении новых разновидностей языков — пиджинов и креольских языков, об их статусе, различиях и перспективах развития.

Ключевые слова: разновидность языка, пиджин, креольский язык, язык-лексификатор, базилект, стандартизация.

Так же, как и многие страны сегодня могут быть описаны как «развивающиеся», подразумевая, что они бурно развиваются в сфере экономики и образования, обычно по западному стилю, многим языкам на планете сегодня можно присвоить статус «развивающихся языков». Это означает, что они еще должны реализовать полностью свой «лингвистический» потенциал.

При этом нам бы хотелось подчеркнуть, что, несмотря на часто негативную реакцию со стороны даже самих говорящих на этих пиджинах и креольских языках, у них есть потенциал выполнить полный объем функций, присущих «развитым» языкам. К сожалению, во многих странах, где большинство населения говорит на креольском языке, все функции государства выполняются на других языках. Конечно, это резко ограничивает возможности большинства населения участвовать в принятии решений на государственном уровне. Х. Девонш, старый приверженец использования креольского языка в качестве официального в Карибской зоне, писал еще в 1986 г.: «...демократия не может быть сведена к трем минутам голосования у избирательных урн каждые 5 лет. Демократия, как это часто бывает в этих странах, „блокирует“, при многообразии языков, доступ носителей креольских языков к информации относительно политических событий и решений, от которых зависит их жизнь... Политическая элита в этих странах не полностью отдает себе отчет в существовании „лингвистических“ проблем, которые существуют при их общении с народом. Вероятно, они осознают коммуникативную „брешь“ и манипулируют этим в своих собственных интересах».

Обратимся к рассмотрению пиджинов и креольских языков.

Пиджины и креольские языки почти всегда имеют низкий статус, даже когда они являются языками большинства. Обычно в обществах, в которых говорят на пиджине или креольском языке, присутствует ситуация диглоссии. В диглоссных ситуациях один язык («высший») будет выполнять все «важные» функции: государственное управление, образование и «высокая» культура (включая художественную литературу). «Низший» язык — в нашем случае пиджин или креольский язык — будет использоваться для других функций, связанных с общением в семье и церкви. При этом элита может сузить даже эти функции пиджина / креольского языка, отдавая предпочтение «высокому» языку во всех функциях. Общество целиком способно рассматривать пиджин или креольский язык как язык низших стратов и прибегать к нему лишь в редких случаях, что резко ограничивает его в функциональном отношении.

Безусловно, вопрос статуса тесно связан с вопросом, кто властвует в отдельно взятом обществе, где говорят на пиджине или креоле. Это те люди, у кого в руках власть и кто определяет, что является «стандартом», а что — низшей формой. В колониальные времена колонизаторы и местная элита определяли стандартный язык страны-завоевателя как норму, а местные языки, включая пиджины и креолы, — как низшие или субстандартные языки. Завоеванная многими странами независимость «смела» прежние элиты, но в большинстве случаев это никак не повлияло на статус пиджинов или креолов. Даже там, где появились положительные изменения в статусе развивающихся языков, часто это не приводило к практическим результатам, что могло быть благодаря власти, поддерживаемой новой элитой, которая могла «комфортно» использовать стандарт как язык-лексификатор. Они вполне могли иметь интерес в том, чтобы большинство населения было безграмотным, что позволяло первым контролировать доступ последних к национальным достижениям и институтам.

Перейдем к анализу проблемы дистанции.

Под дистанцией здесь мы понимаем восприятие двух языков как отдельных единиц, с «расстоянием» между ними, о чем свидетельствуют существенные различия в словаре и грамматике. Например, голландский и немецкий, хотя тесно связаны (достаточно дистанцированы друг от друга), признаются разными самостоятельными языками.

С другой стороны, значительные совпадения, особенно в словаре, типичны для креольских языков, которые тесно контактируют со своими языками-лексификаторами.

При этом можно встретить точку зрения на креол как на диалект языка-лексификатора; однако по причине его ассоциации с более бедными социоэкономическими классами и теми, у кого нет власти в обществе, креол неизменно рассматривался как разновидность языка-лексификатора, находящаяся по сравнению с ним на более низкой ступени развития. По причине того, что до 90% лексического состава может быть общим в креольском языке и языке-лексификаторе, противникам признания креольского в качестве самостоятельного языка легко за-

являть, что это вовсе не отдельный язык, а лишь «плохая» форма языка-лексификатора, что, на наш взгляд, представляется абсолютно неприемлемым.

Известно, что классическая модель стандартизации предполагает стадию «выбора диалекта», на которой один диалект являет собой основу для стандартного языка. В большинстве случаев там, где это исторически произошло (исключая недавние случаи стандартизации, которая вовлекала «интервенцию» лингвистов и государственных служб, имевшую место в некоторых развивающихся странах), «специальный» диалект является единственным, на котором говорят в «центре власти и авторитета».

«Королевский английский» — это не условность, то же самое можно сказать о «королевском кастильском», представленном А. де Небрихой в 1492 г.

Креольские языки и пиджины не вписываются в эту систему. Во-первых, они обычно не представлены в «центрах власти», в которых узурен стандартный язык или язык-лексификатор. Во-вторых, число разновидностей, присутствующих в ситуации, когда контактируют пиджин/креольский язык и их лексификатор, создает сложности в выборе подходящего варианта для стандартизации. На первый взгляд базилект — разновидность, в наименьшей степени похожая на стандарт, — идеален для выбора, так как его нормы значительно отличаются от лексификатора. Остановившись на этой разновидности, мы, кажется, близки к решению проблемы дистанции. Однако это лишь создает новый клубок проблем: как идентифицировать «истинный базилект»? Тем более учитывая тот факт, что, как правило, большинство населения в любой стране не говорит на базилекте, как мы можем выбрать язык меньшинства в качестве базиса или стандарта?

Остановимся более подробно на анализе некоторых особенностей китайско-английского пиджина.

Китайско-английский пиджин — одна из самых «древних» разновидностей английского пиджина — лексификатора. Английский язык появился в Китае с открытием торговых путей между Китаем и Англией в 1664 г., и здесь «незамедлительно возникла разновидность английского пиджина — лексификатора» [2; 8]. Согласно точке зрения Р.А. Холла, англичане определили китайский язык как неизучаемый, в то время как китайцы не хотели учить язык иностранцев, но были готовы учить «упрощенную» форму английского языка. Таким образом, пиджин английского служил интересам обеих сторон, которые «хотели держать друг друга на расстоянии вытянутой руки» [2; 8]. Дж. Холм отмечает, что китайцам было запрещено учить своему языку иностранцев, «ибо для них считалось удобным иметь возможность общаться во время торговых сделок друг с другом по-китайски, чтобы иностранцы ничего не поняли» [3. С. 512].

Китайско-английский пиджин может уходить корнями в «ранний португальский пиджин», который использовался в португальской колонии Монако приблизительно в 1555 г., так как «некоторые из ранних отрывков китайско-английского пиджина... похожи больше на португальский, чем на английский» [3. С. 514].

Китайско-английский пиджин употреблялся в основном в Китае приблизительно до 1843 г., когда Британия выиграла войну с Китаем и заставила китайцев

открыть несколько портов для иностранной торговли. Так китайско-английский пиджин распространился вдоль побережья Китая в XIX в. Его расцвет или «классический период» продолжался вплоть до 1900 г.; с этой даты начинается его закат, ибо китайско-английский пиджин приобрел к этой дате статус «позорного пятна», что часто происходит с пиджинами, и китайцы стали учить стандартный английский. К. Винном [4] утверждает, что в Гонконге, последней британской колонии на китайском континенте, китайско-английский пиджин стал лингва франка среди китайцев с различной лингвистической основой. Китайский относится к языку с единой, древней системой письменности, но несколькими разговорными языками. Гонконг как «правильный тигль», который привлекал китайцев из различных частей, преимущественно — Кантон-говорящий, но здесь проживают и говорящие на других языках Китая. Следует подчеркнуть, что китайско-английский пиджин сейчас уже вышел из употребления даже в Гонконге. Можно констатировать, что он прошел полный «жизненный цикл» — от появления до исчезновения — около 300 лет.

Объем функций, который выполнял китайско-английский пиджин, был значительно сокращен. А. Бауэр [1] отмечает, что лексикон, состоящий из 750 слов, был достаточным для большинства говорящих на нем жителей. Дж. Холм [3] говорит о том, что абсолютное большинство слов пиджина было заимствовано из английского языка, но ассимилировалось к китайским фонотактическим правилам, т.е. к нормам китайской слоговой структуры.

Грамматически некоторые конструкции могут быть отнесены к китайским корням, например, использование *-pisi* ('piece') после числительных и указательных местоимений, которые повторяют употребление классификаторов числительных в китайском языке. Известно, что в китайском числительные и указательные местоимения непосредственно не предшествуют слову, которое они определяют. Взамен должен находиться классификатор. Какой классификатор должен использоваться, зависит от семантики существительного, которое он определяет: таким образом, один классификатор служит для «называния» листьев, бумаги и оконных стекол и рам, другой — карандашей, дудочек и дирижерских палочек. Китайско-английский пиджин не призван создавать семантику этой системы, но сохраняет применение *-pisi* при обозначении числительных и указательных местоимений.

Приведем пример китайско-английского пиджина (пример взят из книги А. Бауэра «Меланезийско-и-китайско-английский пиджин» [1]):

Foreigner. — Chin-chin fookkee?

F. — How do you do, John Chinaman [or friend]?

Chinaman. — Belly well, belly well. Chin-chin: whafo my no hab see taipan sot langim?

C. — Quite well, thank you, sir. How is it that I have not had the honour of seeing you for so long?

F. — My wanchee wun pay soo belly soon. Spose fookkee too muchee pigeon: no can maykee.

F. — I want a pair of shoes soon. But I fear you are too busy to make them for me now.

C. — Cando cando: whafo no can: no cazon feeloo: my sabbee belly well: can fixe alla popa.

F. — Wanchee maykee numba wun ledda: feeloo no hab eulop ledda?

C. — No cazon feeloo. Can skure hab numba wun popa ledda

F. — Patchee wun piece sulek insigh all popa; wanchee finis chopchop; can do?

C. — Can see, can sabee; skure you day afoo mollo: taipan can sen wun piece cooly come my sop look see.

F. (seeing a woman in the back part of the shop) — High ya, fookkee: my see insigh wun piecee wifoo. Dat you wifoo? My no sabee fookkee hab catchee wifoo. Tooloo?

C. — So fashion tooloo. Beefo tim wun moon, countee alla popa day, my catch dat piece wifoo.

C. — Most certainly I can. Why not? Don't be afraid of that. I am sure I can make them all right.

F. — I want a pair made of the best leather; but perhaps you are out of European leather?

C. — Don't be afraid of that. I can guarantee the leather to be the very best.

F. — Well, line them with silk nicely. I want them at once, if you can.

C. — I'll see. I promise you them the day after tomorrow. Please, sir, to send a servant to my shop for them.

F. — Well, friend, who is that woman inside there? Is that your wife? I did not know that you had got married. Is it so or not?

C. — Yes, sir, quite true. Last month, on the most auspicious day I could select, I married her

Изучение пиджинов и креольских языков у нас в стране только начинается. Безусловно, данная тема, в том числе относительно китайско-английского пиджина, требует специальных многочисленных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bauer A.* Das melanesische und chinesische Pidginenglish. — Regensburg: Verlag Hans Carl, 1974. — 255 p.
- [2] *Hall R.A.* Pidgin and Creole Languages. — London: Cornell University Press, 1966. — 179 p.
- [3] *Holm J.* Pidgins and Creolles. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — Vol. II. — 530 p.
- [4] *Whinnom K.* 'Linguistic Hybridization and the 'Special Case' of Pidgins and Creolles' // Pidginization and Creolization of Languages. — Cambridge: Cambridge University Press, 1971. — Pp. 91—116.

PIDGINS AND CREOLLE LANGUAGES: PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

N.F. Mikheeva

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted the issues of new language variety occurrence — pidgins and creolle languages, its status, differences and development perspectives.

Key words: language variety, pidgin, creolle language, language-lexificator, basilect, standardization.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

А.Р. Бекеева

Кафедра иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению и анализу географических названий Новой Зеландии. Экстралингвистические факторы определяют своеобразие и неповторимость новозеландской топонимии. В статье обращается внимание на формирование топонимической системы Новой Зеландии, связанной с исследовательской деятельностью британского мореплавателя Д. Кука и голландского открывателя А. Тасмана; анализируется обширная группа топонимических названий Новой Зеландии, которая носит имена великих мореплавателей, ученых и колониальных реформаторов. Автор статьи подробно описывает географические названия из языка маори, содержащие в себе комплекс культурной, исторической и мифологической информации о народе маори.

Ключевые слова: новозеландский национальный вариант английского языка, национально-культурная специфика, топонимическая система, заимствования, имена собственные, маори, лингвокультурологический потенциал.

Выход английского языка за пределы первоначального распространения создал условия для формирования его отдельных разновидностей. В силу различных экстралингвистических факторов, влияющих на становление и развитие разновидностей английского языка, их состояние и функциональные системы могут не совпадать. Огромный вклад в разработку языковой вариативности как в аспекте социолингвистики, так и лингвистики внес Г.В. Степанов, создавший, в частности, концепцию «национального варианта», под которым им понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [5].

Английский является государственным языком Соединенного Королевства Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии и Канады, одним из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. Таким образом, в условиях полинациональных форм существования английский язык обслуживает несколько языковых коллективов.

В настоящий момент английский язык — это система национальных вариантов, диалектов и пиджинов, каждый из которых характеризуется определенным функциональным своеобразием, национально-культурной спецификой функционирования языковых единиц, социальной и территориальной дифференциацией.

На наш взгляд, особый научный интерес представляет новозеландский национальный вариант английского языка. Социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии мы определяем как новозеландский национальный вариант английского языка, так как он является государственным языком страны, на нем говорит абсолютное число жителей государства, он обладает националь-

ной литературной нормой, выполняет полный объем общественных функций, обладает национально-культурной спецификой. В Новой Зеландии государственным является также язык маори.

В топонимах присутствуют лексические единицы, в которых заключен огромный объем национально-культурной информации. Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается богатством культурных ассоциаций, особой страноведческой репрезентативностью. Спецификой географических названий является высокая степень концентрации в них экстралингвистической информации. Известно, что национально-культурные ассоциации можно разделить на следующие компоненты:

— лексема (звуковая оболочка, план выражения); топоним соотносится с называемым объектом не напрямую, а через понятие о нем. Это подтверждается существованием различных объектов, имеющих одинаковое название, и существованием различных имен;

— адресно-указательный компонент, являющийся аналогом понятия, который предлагает соотнесение данного имени с конкретным географическим объектом, выделение последнего среди других однотипных объектов и определение его локализации в сознании людей;

— лексический фон топонимии, состоящий из совокупности непонятных семантических долей, одна из частей которых включает этимологическое значение. Этот компонент лексического фона замкнут. Другая же часть лексического фона представляет собой комплекс исторических, национально-культурных, социальных и других ассоциаций [3].

Топонимия Новой Зеландии представляет собой своеобразную совокупность географических названий. Ее развитие происходило в условиях отдаленности и изолированности островов, с одной стороны, и непосредственных контактов языка маори — с другой. Лингвистические и экстралингвистические факторы определяют своеобразие и неповторимость новозеландской топонимии. К особенностям топонимической системы Новой Зеландии относятся:

— прозрачность внутренней формы топонимов (Bay of Plenty — Залив изобилия; White Island — Белый остров; One Tree Hill — Холм одного дерева; Lio Rock — Львиная скала);

— наличие большого числа переносов из бывшей метрополии (особенно много среди них названий-переносов из Шотландии. Среди них — названия городов: Dunedin (Данидин — старинное название столицы Шотландии Эдинбурга); Hamilton (Гамильтон); Invercargill (Инверкаргилл);

— наличие префикса New (новый) у ряда названий-переносов, например New Plymouth;

— обогащение за счет аборигенных языков, связанное с освоением новых земель, например, Te Ruiti, Taumanunui;

— наименования-заимствования из других языков, в частности заимствования французских названий: Fabeaux (пролив), греческих: Pegasus (залив);

— развитая система топонимов-омонимов и топонимов-синонимов как внутри данной топонимической подсистемы, так и во всей системе в целом, например: Cambridge (В Великобритании) — Cambridge (В Новой Зеландии) [4].

Заемствованные слова из языка маори записываются с помощью слов латинского алфавита, но поскольку фонетический строй обоих языков различен и англоязычному новозеландцу трудно произнести звуки языка маори, то эти слова обычно сильно искажаются: делаются неправильные ударения, отдельные звуки утрачиваются или заменяются. Например, в языке маори слог всегда заканчивается на гласный, а гласный последнего слова — долгий; для английского языка это не характерно, а поэтому такое географическое название, как *Matakana* [ˈmatakɑ:nɑ], произносится как [mɑtɛˈkɑ:n] [2].

Формирование топонимической системы Новой Зеландии связано с исследовательской деятельностью британского мореплавателя Д. Кука и голландского открывателя А. Тасмана. Они первыми изучили территорию страны, провели важные исследования. Согласно наблюдениям Дж. Кука, Северный остров маори называли *Eaheinomauwe*, Южный — *Toai Poopamo*. Названия островов *North* — Северный и *South* — Южный были нанесены на карту в 1820 г. Официальное название *the South Island* — Южный остров получил в 1907 г. Многие города, горы, ледники, проливы, моря, реки, бесчисленные улицы и дороги были названы в честь первооткрывателя Дж. Кука.

А. Тасман внес свой вклад в наименование географических объектов осваиваемых им земель: *Murderers Bay* (в 1857 г. был переименован в *Golden bay* — Золотой залив), *Cape Maria van Diemen* — Мыс Марии ванн Димен (назван в честь жены губернатора голландского поселения в Батавии), *Three Kings Islands* — Острова Трех Королей. Сегодня имя мореплавателя Тасмана носят: Тасманово море — *the Tasman Sea*, река Тасмана — *The Tasman river*, высокая гора Тасмана — *Mount Tasman*, залив Тасмана — *Tasman Bay*, ледник Тасмана — *Tasman glacier*.

Обширная группа географических наименований Новой Зеландии связана с исследовательской экспедицией британского мореплавателя Дж. Кука. Его названия варьировались от описательных (*Flat Island* — Плоский остров, *Bay of Islands* — Залив островов) до метафоричных (*Bream Bay* — Залив Леща, *Bay of Plenty* — Залив Изобилия, *Cape Runaway* — Мыс Беглеца, *Cape Turnagain* — Мыс Возвращения, *Cape Farewell* — Мыс Прощания, *Cape Foulwind* — Мыс Встречного ветра, *Cape Kidnappers* — Мыс Похитителей).

Некоторые географические объекты Новой Зеландии Дж. Кук назвал в честь членов экипажа своего судна (*Hicks Bay* — Залив Хикса, *Solander Island* — Остров Соландера, *Young Nick's Head* — Голова Молодого Ника), членов королевской семьи (*Queen Charlotte Sound* — Королева Шарлотта Саунд), офицеров Британского адмиралтейства (*Cape Brett* — Мыс Бретта, *Cape Colville* — Мыс Колвилля, *Edgcombe* — Эжкамб, *Hawke Bay* — Залив Хоука, *Cape Palliser* — Мыс Паллисера, *Mount Egmont* — Гора Эгмонта, *Cape Egmont* — Мыс Эгмонта).

Обширная группа топонимических названий Новой Зеландии носит имена великих мореплавателей, ученых и колониальных реформаторов, например: Веллингтон, Макензи, Гастингс, Винсент, Кук, Острова Кука, Мальборо, Окленд, Нельсон, Грей, Гисборн, Гобсон, Картертон, Франклин, Уоллес, Тасман, Крайстчерч, Гамильтон; ледники: Тасман, Франц, Джозеф, Глейшер; горы: Зильбельхорн,

Леденфельд, гора Тасмана, гора Кука. Данные имена собственные перешли в разряд имен нарицательных в силу образности, эмоционально-экспрессивной окрашенности.

В начале 1800 г. в Новой Зеландии начал развиваться тюлений и китобойный промысел. Первые поселенцы создавали береговые станции охотников на тюленей, китобойные станции и поселения лондонских миссионеров. Топонимическая система формировалась в процессе заселения территории. Они активно совершали плавание по новозеландским водам с целью изучения возможностей китобойного промысла. В этот период были созданы следующие топонимы: the Bluff — Отвесный берег (1803), Dagg Sound — Пролив Дагга (1809), Stewart Island — Остров Стюарта (1809), Charles Sound — Пролив Чарльза (1810). В 1820 г. появились описательные названия, в основе которых лежит метафорическая характеристика качеств объектов: Shag River — Грубая река (1829), McDonnell's Cove — Бухта Макдонелла (1830), Cornish Head — Корнуэльский исток реки (1839). Guard's Bay — Залив Защиты. Миссионер С. Марсен дал название реке Гамбиер — the Gambier River (нынешнее название Hokianga Harbour) и Coromandel Harbour — Гавань Коромандела; Гора Watkin — Уоткин в г. Отаго была названа членом методистской церкви Дж. Джоунсом.

Интенсивное развитие топонимической системы Новой Зеландии приходится на период с 1840 г. по 1910 г. Большинство топонимов образовано от имен собственных и географической характеристики объектов (форма, величина, рельеф, залив, гавань). Главная роль в номинации новых географических объектов принадлежала земельным инспекторам и колонизаторам новозеландских компаний. Колониальные администрации Кентерберри, Нельсона, Отаго и Веллингтона получали финансирование от состоятельных британцев, в честь которых были названы следующие территориальные единицы Новой Зеландии: Somes — Сомс, Lambton — Ламтон, Hutt — Хатт, Dorset — Дорсет, Ashburton — Ашбуртон, Ashley — Эшли, Coleridge — Коулридж, Ellesmere — Эллисмир, Godley — Гоудли, Heathcote — Хизкот, Lincoln — Линкольн, Lyttelton — Литтлтон и Sumner — Самнер.

Широкое распространение в топонимике Новой Зеландии получили суффиксы -ville: Helensville — Хеленсвилль (в честь жены новозеландского новатора Дж. Маклеода), Dargaville — Даргавилль (в честь торговца и политика Новой Зеландии Дж. Даргавилля), Morrinsville — Морринсвилль (в честь Томаса и Семюэла Моррина); -ton и -borough: Masterton — Мастертон, Carterton — Картертон, Martinborough — Мартинборо (в честь основателей этих городов: Дж. Мастерса, Ч. Картера и Дж. Мартина).

В результате заселения города Отаго выходцами из Шотландии некоторые названия городов этой местности имеют в своем составе суффикс -burn в значении 'ручей': Eweburn — Ивиберн, Kyeburn — Кайберн, Gimmerburn — Гиммерберн и Poolburn — Пулберн. Морфема -bush 'внутренний район страны' выступает в качестве определяющего компонента некоторых топонимов. Они могут быть выражены как именами собственными, так и нарицательными: Grove Bush — Перелесок, Mabel Bush — Лес Мейбл, Gummies Bush — Лес Гаммис, Heddon Bush — Лес Хеддона, Wreys Bush — Лес Рейса, Wrights Bush — Лес Райта, Spar Bush — Круглый лес, Gropers Bush — Лес групперов и Eastern Bush — Восточный лес [1].

Особый интерес представляет топонимический эпитет города Веллингтон. Столицу Новой Зеландии называют *Windy city* (ветреный город), так как он расположен в юго-западной части Северного острова, который часто подвергается сильным штормовым ветрам. Данный эпитет является описательным и указывает на характеристику окружающей среды.

Коренное население маори называют город Веллингтон *Te Whanganui a Tara* (великий порт Тара) (*Wellington harbour*). Согласно преданиям маори, вождь Тара посетил Новую Зеландию в XII в. Другим названием города Веллингтон является *Te Upoko o te Ika a Maui* (голова рыбы). Третьим названием столицы Новой Зеландии является *Poneke* — ассимилированная форма *Port Nicolson* — порт Николсон.

Топонимический эпитет *Wellywood* (по аналогии с *Hollywood* — Голливуд) или *Wellies* город Веллингтон получил благодаря успеху новозеландской театральной и киноиндустрии. Топонимические эпитеты могут основываться на разных культурно-исторических ассоциациях одного и того же географического объекта. Следующим названием города является *Middle-earth* — Средиземье, заимствованное из экранизированной трилогии Р. Толкиена «Властелин колец», снятой в Новой Зеландии новозеландским кинорежиссером П. Джексоном.

В период колонизации Веллингтон был известен как *The Empire city* — город Империи, г. Нельсон — *Sleepy hollow* — Сонная лощина, г. Окленд — *Queen city* — Королевский город, г. Данидин — *The Southern capital* — Южная столица или *Edinburgh of the South* — Эдинбург Юга.

Наибольшим лингвокультурологическим потенциалом обладает топонимическая система новозеландского национального варианта, тесно связанная с этнической культурой маори. По оценкам лингвистов, 0,9% из всех заимствованных слов общеупотребительной лексики аборигенного происхождения составляют наименования географических объектов Новой Зеландии, например: города *Timaru* (Тимару), *Takaruna* (Такапуна), *Rotorua* (Роторуа), *Rangitoto* (Рангитото), *Wanganui* (Вангануи), *Whangarei* (Вангареи), *Waikato* (Ваикато), *Waiapu* (Вайапу), *Waikohu* (Вайкоху), *Waimarino* (Ваймарино), *Waitotara* (Вайтотара), *Orotiki* (Опотики), *Timaru* (Тимару), *Taranaki* (Таранаки); вулканы *Tongariro* (Тонгариро), *Ruapehu* (Руапеху), *Ngauruhoe* (Нгаурухое); реки *Okareka* (Окарека) (в переводе с языка маори — сладкая еда), *Okaitana* (Окаитана) (место смеха), *Rotoehu* (Ротеху) (мутное озеро), *Rotoiti* (Ротоити) (маленькое озеро), *Rotokakahi* (Ротокакхи) (озеро двухстворчатых моллюсков), *Rotokawa* (Ротокава) (кислое озеро), *Rotoma* (Ротома) (чистое озеро), *Rotomahana* (Ротомахана) (теплое озеро), *Tarawera* (Таравера) (сожженная гора). Данные топонимы подверглись адаптации по правилам фонетики и словообразования английского языка [6].

Географические названия из языка маори содержат в себе комплекс культурной, исторической и мифологической информации о народе маори. Заимствование и проникновение названий из языка маори интенсивно проходило в период британской колонизации. В новозеландском национальном варианте английского языка выделяются следующие группы заимствованных топонимов из языка маори:

— названия, данные Новой Зеландии ранними полинезийскими мореплавателями: *Taonui-o-Kupe* (нынешний Мыс Джексона), *Te Mana-o-Kupe-ki-Aotearoa*

(Mana — пригород в Порируа Сити), Motu-Kairangi (нынешний полуостров Мирамар), Whanga-nui-a-Tara (нынешний г. Веллингтон);

— названия из мифологии маори: Maketu (город на острове), Залив изобилия, маленькая гора Mount Moehau;

— названия из полинезийской мифологии: Aorangi (гора Кука), Otane, Tanetua (названия городов), Te Ika-a-Maui (название Северного острова);

— названия, описывающие форму, величину или протяженность географических объектов: название озера Rotorua (Роторуа) (два озера): roto (озеро) и gua (два). Whanganui и Whangaehu содержат корневую морфему whanga (гавань). Основной компонент wai (вода) образует названия городов Wairoa, Waikato, Wainui (много воды). От слова motu — остров произошли названия островов Motupipi, Motuhora, Ngamotu, Motuweka (остров птиц уэка), Motutapu (священный остров). Те Моана, Моанатаиари, Waikaremoana были образованы от лексемы moana — море, большое озеро.

Некоторые географические названия языка маори являлись транслитерацией европейских наименований, например: Poneke — Port Nicolson (Порт Николсон), Akarana — Auckland (Окленд), Ātene — Athens (Афины), Koriniti — Corinth (Коринф), Hiruhārama — Jerusalem (Иерусалим), Rānana — London (Лондон).

В процессе образования топонимов участвуют сложные слова, содержащие такие корневые морфемы, как one — земля, песок, рае — горный хребет, hau — ветер, роа — длинный, рото — короткий, ара — дорога (Aratiki, Aranui, Arapuni, Arapito), пара — плоский (Paratoetoe, Паратоа, Парануй), пуке — холм (Puketitiri, Pukemiro, Pukeatua, Pukerua, Ruapuke), ава — река (Awapuni, Awanui, Awamangu, Awakino), ити — маленький, манда — ручей (Mangaweka, Manganui, Mangahuia, Макаури, Макикихи,Makerikeri), маунга — гора (Maunganui, Maungatautari, Maungataniwha) [6].

Особую группу топонимов Новой Зеландии составляют имена известных исторических личностей Великобритании. К ним относятся:

— имена британских адмиралов, офицеров и героев имперских сражений: Auckland (Окленд), Eden (Иден), Rodney (Родни), Raglan (Реглан), Clive (Клайв), Napier (Напиер), Hastings (Гастингс), Havelock (Хавлок), Wellington (Веллингтон), Picton (Пиктон), Marlborough (Марлборо), Nelson (Нельсон), Collingwood (Коллингвуд), Wyndham (Вайнхем);

— имена британских литературных писателей: гора Спенсер, озеро Теннисон, Залив Чосера, Залив Мильтона. Название новозеландского маленького города Вейверли было мотивировано литературным произведением В. Скотта «Вейверли»;

— имена британских политических деятелей: Russell (Рассел), Howick (Ховик), Palmerston (Палмерстон), Peel (Пил), Gladstone (Гладстоун), Herbert (Герберт);

— имена членов королевских семей: Alfred glacier — ледник Альфред (сын Королевы Виктории), The Clarence River — река Кларенс (герцог Кларенс), пригород г. Веллингтон Strathmore — Страсмор (супруга Георга VI); новозеландские города Albert (Альберт), Alexandra (Александра), Alfred (Альфред), George (Джордж), Queen Mary (Королева Мария), Queen Elizabeth (Королева Елизавета);

— имена британских губернаторов: Hobson County — графство Гобсон; города Bowentown (Боуентаун), Gore (Гор), Ranfurly (Ранфурли), Greytown (Грейтаун), Greymouth (Греймаус); Grey glacier — ледник Грей; предместья г. Веллингтон Kelburn (Кельбурн), Northland (Нортланд) и Onslow (Онслоу);

— названия географических объектов Великобритании: Birkenhead (Биркенхед), Devonport (Девонпорт), New Plymouth (Новый Плимут), Westport (Вестпорт), Belfast (Белфаст), New Brighton (Новый Брайтон); шотландские названия: Clutha (Клута), Teviot (Тевийот), the Lammerlaws (Ламмерлос), Dunedin (Данидин), Roxburgh (Роксбург); Portobello (Портобело), Canterbury (Кентербери), Christchurch (Крайстчерч); реки и озера Lake Grassmere — озеро Глассмир, The Avon River — река Эвон [1].

Таранаки — провинциальный штат в восточной части Северного острова. С 1880 г. производство молочной продукции является основой экономического развития Таранаки. Слово «Таранаки» в сочетании с общеанглийскими лексемами обладает негативной коннотацией. Указанная единица является основой идиоматических словосочетаний, например: Taranaki boasting — чрезмерное хвастовство; Taranaki gate — железные ворота из проволоки и металлической рейки; Taranaki sunshine — дождь или изморозь; Taranaki topdressing — органическое удобрение; Taranaki violin — колокольчики на шее коровы, используемые в качестве музыкального инструмента.

Топонимы Новой Зеландии являются неотъемлемой частью фоновых знаний носителей данного языка и культуры. В них отражается история данного народа, история заселения и освоения этой территории, поэтому именно названная часть лексики издавна привлекает внимание не только филологов, но и историков, этнографов, географов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бекеева А.Р.* Национально-культурное своеобразие функционирования языковых единиц в новозеландском национальном варианте английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2012.
- [2] *Беляева Т.М., Потанова А.А.* Английский язык за пределами Англии: Пособие для студентов педагогических институтов. — Ленинград.: Учпедгиз, 1961.
- [3] *Молчановский В.В.* Использование лингвострановедческого потенциала топонимической лексики русского языка при работе над текстом // *Лингвострановедение и текст.* — М.: Русский язык, 1987.
- [4] *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. — М.: Глосса-Пресс, 2006.
- [5] *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М.: Наука, 1976.
- [6] *New Zealand official yearbook.* — Wellington: Department of statistics, 1995.

LITERATURA

- [1] *Bekeeva A.R.* Natsional'no-kul'turnoe svoebrazie funktsionirovaniya yazykovykh edinit v novozelandskom natsional'nom variante angliyskogo yazyka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — М., 2012.

- [2] *Belyaeva T.M., Potapova A.A.* Angliyskiy yazyk za predelami Anglii: posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov. — Leningrad: Uchpedgiz, 1961.
- [3] *Molchanovskiy V.V.* Ispol'zovanie lingvostranovedcheskogo potentsiala toponimicheskoy leksiki russkogo yazyka pri rabote nad tekstom // *Lingvostranovedenie i tekst.* — M.: Russkiy yazyk, 1987.
- [4] *Oshchepkova V.V.* Yazyk i kultura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoy Zelandii. — M.: Glossa-Press, 2006.
- [5] *Stepanov G.V.* Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoj rechi. — M.: Nauka, 1976.
- [6] *New Zealand official yearbook.* — Wellington: Department of statistics, 1995.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF NEW ZEALAND ENGLISH TOPONYMS

A.R. Beckeyeva

The Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the study and analysis of place names in New Zealand. The extralinguistic factors had determined a specific and unique New Zealand toponymy. The article draws attention to the formation of New Zealand toponymic system related to J. Cook's and A. Tasman's research activities. The author describes in detail the geographical names of the Maori language which contain a complex of cultural, historical and mythological information about the Maori nation.

Key words: New Zealand English, national and cultural specificity, toponymic system. Borrowings, proper names, Maori, linguocultural potential.

АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЯПОНЦЕВ. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНИ САМУРАЕВ И ГОРОЖАН НА ПРИМЕРАХ ЯПОНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К.С. Воркина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию семейных отношений. На примерах произведений японской художественной литературы проанализировано отношение к свадебной церемонии в среде самураев и рядовых горожан.

Ключевые слова: брак, свадьба, семейные отношения, психология, Япония.

Для самурайской семьи свадьба была первостепенной задачей, стоящей перед двумя семьями. И чаще всего о женитьбе по любви говорить не приходилось. Случалось и так, что жених и невеста даже не видели друг друга до дня церемонии. Можно сказать, что это был военный или клановый союз, а не союз двух любящих людей. Для молодой незамужней девушки время, проведенное в родной семье, может считаться самым счастливым. Родители, сестры и братья окружают ее нежностью и любовью. Девушки остаются беззаботными и свободными до тех пор, пока не выйдут замуж. Но как только они достигали брачного возраста (он мог варьироваться от тринадцати до семнадцати лет), родители сразу же начинали думать о том, за кого выдать замуж свою дочь [1. С. 462].

С самого раннего детства девочку готовили к будущей семейной жизни, рассчитывая, что ей удастся вступить в такой брачный союз, который упрочит положение семейства и явится залогом дальнейшего процветания. Счастливыми считались семейства, имевшие много дочерей. Дочь при благоприятном стечении обстоятельств можно было пристроить наложницей к государю, и, если ей удалось бы снискать благосклонность государя и стать матерью наследника, положение всего семейства было бы прочным. Поэтому рождение девочки было большой радостью и ее воспитанию уделялось особое внимание. Речь, безусловно, идет о благородных самурайских семьях. В такой семье девушка должна была усвоить все, что знал мужчина, за исключением китайских наук. Она превосходно играла на *кото* — японской цитре, рисовала, красиво писала, знала наизусть лучшие образцы японской поэзии [5. С. 583]. У такой девушки было больше шансов выйти замуж за достойного и богатого претендента, чем у той, которая не обладала вышеперечисленными умениями. Помимо этого принималась во внимание способность невесты стать хранительницей домашнего очага и семейных традиций. Обязательно также учитывалась ее внешность, здоровье и умение вести хозяйство. Девочек мамы учили готовить, шить и стирать, чтобы они были способны создавать уют дома.

Начиная с эпохи Хэйан (794—1185 гг.) считалось, что брак — это прежде всего связь между двумя родами (брак по сговору). Главными действующими лицами в подготовке таких браков выступали не столько женихи и невесты, сколько их

родители, а также сваты и свахи *накодо*. Они брали на себя инициативу в поиске подходящих друг другу женихов и невест. Приходя в дом родителей потенциальных новобрачных, *накодо* в случае получения согласия на их услуги поставляли и той, и другой стороне различную информацию о положении дел в домах жениха и невесты, вели подготовку к смотринам (*о-миай*). Итогом смотрин было решение каждой из сторон о том, вступать молодой паре в брак или нет.

«Вот найду я подходящего свата и попрошу, чтобы он, как положено, обратился к обеим сторонам — и ко мне и к Баннодзё.

Мое согласие — У вас в руках.

Еще добыть необходимо

Согласье господина Баннодзё.

Потом необходимо разрешенье

От старшего

Из здешних самураев, —

Тогда и свадьбу сможем сыграть!

Я правду говорю...» [7. С. 132].

Это сцена из драмы «Копьеносец Гондза в двойном плаще», написанная Тикамацу Мондзаэмоном (1653—1725). Этот японский драматург, родившийся в самурайской семье, создавал пьесы и для кукольного театра *дзёрури* и театра *кабуки*. Тикамацу Мондзаэмона называют крупнейшим драматургом эпохи. Его часто сравнивают с Шекспиром: по уровню драматургии театр того времени четко делился на театр до Тикамацу и после него. Пробуждение сословия горожан, стремящегося к свободе чувств и восстающего против косности феодальной морали, стало центральной темой «мещанских драм» Тикамацу [4. С. 15].

Из вышеприведенной цитаты становится понятно, что последнее слово оставалось за родителями и за старшим самураем. И даже предложение вступить в брак жених делал не девушке, а ее родителям. Они же, в свою очередь, старались больше узнать о будущем зяте. В знак согласия мужчины взять в жены девушку он посылал ей шелковую материю. В свою очередь, и семья невесты отправляла в ответ шелковую материю для шитья кимоно. Это можно сравнить с современной традицией обмениваться обручальными кольцами. После этого начиналась подготовка к свадьбе. Друзья жениха отправлялись к гадалкам, чтобы им подсказали счастливый день для свадьбы. Интересно, что религиозные обряды или гражданские формальности при заключении брака не играли никакой роли, смысл свадебной церемонии заключался в переезде невесты в дом жениха. Ведь до начала XII в. браки были исключительно полигамными, особенно в аристократических кругах. Примечательно, что не жена после свадьбы переезжала в дом мужа, а муж после заключения брака жил в доме жены с ее родственниками (*мукоирikon*). Имея несколько жен и, соответственно, несколько домов, мужчина обычно менял место жительства несколько раз на протяжении года.

Но уже в XII в. с возникновением класса самураев брак становится моногамным. Теперь жена приходила жить в дом мужа (*ёмэирikon*).

С собой девушка брала все свои платья, письменный столик, рабочую корзину, ящик с румянами и помадой, два столика для еды и две тарелки из лакированного дерева [1. С. 463]. Надо полагать, что это был стандартный набор принадлеж-

ностей, он менялся согласно занимаемому социальному положению. Как только новобрачная покидала родительский дом, в доме начинали тщательную уборку. Этот обряд походил на прощание с дочерью навсегда. На третий день после ее ухода у родителей невесты устраивался торжественный прием гостей, на котором присутствовали все друзья и знакомые. В этот день родители жениха преподносили подарки родителям невесты. Примерно через два-три месяца новобрачные по старинным обычаям должны были устроить ответное благодарное торжество для всех знакомых. Оно предполагало и парадный обед, и гуляние в саду, и угощение *сакэ*. Для многих именно это событие становилось вестником свершившегося бракосочетания.

Необходимо отметить, что в ходе всех переговоров семей о свадьбе, при проведении самой свадьбы и, более того, в надзоре за взаимоотношениями молодоженов после свадьбы важное место по-прежнему занимали сваты. Иначе говоря, *накодо* в глазах общественности надлежало брать на себя роль поручителя за благополучие последующей супружеской жизни молодоженов. Неслучайно, согласно традициям, вознаграждение за свои услуги сват-посредник получал не в день свадьбы, а в течение ряда последующих лет в виде подарков, подносимых молодоженами дважды в год (на Новый год и в середине лета).

Свадьба была в большей степени обрядом, целью которого являлось наследование земли и состояния предков, а не духовным обрядом соединения мужчины и женщины. Поэтому намерения семей, родственников и господина (если женится самурай) имели сильное влияние на принятие решения о женитьбе.

Целью свадебного союза прежде всего являлось продолжение рода, так как отсутствие детей могло привести к его прекращению. С женой, которая не родила ребенка, разводились по причине бесплодия (это называлось словом *умадзумэ*).

Женщины часто чувствовали печаль перед предстоящей разлукой с родительским домом. Но утешением являлось то, что свадьбы в тот период проводились между двумя семьями из одного сословия, а значит, и обладающими одинаковым достатком, поэтому различий в образе жизни практически не было [8. С. 134].

Обратимся к художественной литературе эпохи Эдо, которая является одним из основных источников, в которых можно найти описания свадебного обряда.

Для изучения темы семейных отношений в Японии в эпоху Эдо особый интерес представляет сборник новелл Ихара Сайкаку (1642—1693). Ихара Сайкаку был зажиточным горожанином, представителем той среды, которую он прекрасно знал и столь достоверно изобразил в своих произведениях и к которой было обращено его творчество. Оставив дела свои на попечение приказчиков, он порвал с жизнью преуспевающего буржуа и посвятил себя писательскому труду. Ихара Сайкаку был писателем-гуманистом, выразителем идеи ценности земного бытия свободной человеческой личности. Ихара Сайкаку ставил перед собой цель: реалистично вернуть картину повседневной жизни [3. С. 57].

Вот как Ихара Сайкаку описывает невест той эпохи и отношение молодых людей к замужеству в повести «Тайное убежище старухи»:

«Нынешняя невеста стала умнее: она торопит сватов, спешит нарядиться и ждет не дождется свадебных носилок, прыгает в них, не чуя ног от радости, и даже

по кончику ее носа видно, что она млеет от счастья. Лет сорок тому назад девушки годов до восемнадцати резвились у ворот, как дети, на бамбуковых ходулях, юноши тоже совершали обряд *гэмпуку* не иначе как лет в двадцать пять» [2. С. 31].

(*Гэмпуку* — обряд, состоявший в том, что по достижении возраста четырнадцати—пятнадцати лет юноше делали взрослую прическу, подбрасывали на лбу волосы. Это означало вступление юноши во взрослую жизнь.)

Дело в том, что Ихара Сайкаку описывает образ жизни и мировоззрение горожан, которое кардинально отличается от образа мышления в самурайской среде, где продолжали следовать строгим конфуцианским канонам, соблюдая этические и моральные нормы поведения.

Ихара Сайкаку пишет о том, что горожане легкомысленны: свадьбы они играли пышные, не заботясь о том, останутся ли деньги на проживание.

Родители невесты искали жениха побогаче, чем они сами, а родители жениха сватали невесту из дома, конек на кровле которого много выше, чем их собственный.

В приданое давали множество красивых вещей: и наряды, и домашнюю утварь.

«Сразу после свадьбы молодые хотят удивить весь свет. Зять начинает заново отделять дом, а невеста шьет себе многочисленные наряды. Непредвиденные расходы все растут: приемы гостей после свадьбы, обмен подарками по случаю годовых праздников. Никто и знать не хочет, по средствам ли такое мотовство». «Надо же не отстать от людей!» [3. С. 89].

Таков был нрав у горожан, они относились к свадьбе иначе, чем в самурайской среде: были порой легкомысленны и безалаберны, «бросая пыль в глаза». Вот какое определение им дает Ихара Сайкаку: «В наше время играют пышные свадьбы даже горожане и простые крестьяне. Насмотревшись и наслышавшись, с каким великолепием празднуют их в знатных домах, они наперебой соперничают друг с другом в роскоши, не считаясь со своим состоянием» [9. С. 89].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гессе-Вартег Э.* Все о Японии. Брак у японцев. — М., 2001.
- [2] *Ихара Сайкак.* История похождения одинокой женщины. Тайное убежище старухи. — СПб.: Северо-Запад пресс, 2002.
- [3] *Ихара Сайкак.* История похождения одинокой женщины. Свадьбы не по средствам. — СПб.: Северо-Запад пресс, 2002.
- [4] *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. — М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
- [5] *Мурасаки Сикибу* Повесть о Гэндзи. Приложение / Пер. с древнеяп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. — СПб., 2001.
- [6] *Редько Т.И.* Творчество Ихара Сайкаку. — М., 1980.
- [7] *Тикамацу Мондзаэмон.* Японский театр. Копьеносец Гондза в двойном плаще. — Северо-Запад. — СПб., 1997.
- [8] *Sekitamiko.* Aijo: kawaraban. Edo no danjo no ninseimo: yo:, Nama no shuppan. 1996.

LITERATURA

- [1] *Gesse-Varteg Je*. Vsjo o Japonii. Brak u japoncev. — M., 2001.
- [2] *Ihara Sajkak*. Istorija pohozhdenij odinokoj zhenshhiny. Tajnoe ubezhishhe staruhi. — SPb.: Severo-Zapad press, 2002.
- [3] *Ihara Sajkak*. Istorija pohozhdenij odinokoj zhenshhiny. Svad'by ne po sredstvam. — SPb.: Severo-Zapad press, 2002.
- [4] *Kirkvud K*. Renessans v Japonii. Kul'turnyj obzor semnadcatogo stoletija. — M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1988.
- [5] *Murasaki Sikibu*. Povest' o Gjendzi. Prilozhenie / Per. s drevnejap. T.L. Sokolovoj-Deljus-sinoj. — SPb., 2001.
- [6] *Red'ko T.I*. Tvorchesvo Ihara Sajkaku. — M., 1980.
- [7] *Tikamacu Mondzajemon* Japonskij teatr. Kop'enosec Gondza v dvojnomoj plashhe. — Severo-Zapad. — SPb., 1997.
- [8] *Sekitamiko*. Aijo: kawaraban. Edo no danjo no ninseimo: yo:, Hama no shuppan. 1996.

FAMILY LIFE'S ASPECTS OF JAPANESE. WEDDING CEREMONY IN SAMURAI AND THE CITIZEN'S LIFE THROUGH THE EXAMPLES OF JAPANESE LITERATURE

K.S. Vorkina

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is concerning studying of family relationship. Through the examples of Japanese literature is analyzed the attitude to wedding ceremony in life of samurai and the citizens.

Key words: marriage, wedding, family relationship, psychology, Japan.

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Н. Гишкаева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу происхождения оборотов и устойчивых сочетаний, составляющих фразеологический фонд испанского языка. Для выявления национально маркированных языковых единиц иллюстрируются примеры фразеологизмов с историко-этимологической интерпретацией наряду с развернутым культурологическим комментарием. Основным источником выборки языковых единиц для исследования выступают историко-этимологические справки, имеющиеся в популярных испанских фразеологических словарях и учебной литературе испанских авторов современного периода.

Ключевые слова: этимология, фразеологический фонд языка, фразеологическое значение, национально-культурное своеобразие языка, культурно-исторические реалии.

Фразеологический фонд любого языка является активным «накопителем» культурологической информации. Фразеология имеет большое значение как для теоретического, так и практического овладения языком. Испанская фразеология представляет определенную трудность для изучения. Объясняется это разнообразием, многозначностью и стилистической разноплановостью фразеологизмов.

Фразеологизмы делают нашу речь в одних случаях образной, в других — более точной, яркой, разнообразной и выразительной. В лингвистике нет единого мнения относительно понятия «фразеологизм» или «фразеологическая единица». Одни ученые в состав фразеологизмов включают все устойчивые сочетания слов, другие — лишь определенную группу устойчивых словосочетаний. Фразеологизм рассматривается нами как особая единица языка, имеющая свои категориальные признаки. Такими признаками можно считать следующие: лексическое значение, устойчивость, целостность значения, метафоричность, образность, компонентный состав и др.

В настоящей работе мы рассмотрим историко-этимологический аспект исследования фразеологизмов, так как он позволяет выделить национально-культурный фон, являющийся хранилищем и источником информации о национальной культуре и своеобразии фразеологизмов.

Взаимосвязанное изучение истории и этимологии фразеологических единиц открывает перспективу увидеть «первородный» образ предмета или явления. Именно поэтому многие собиратели фольклора, этнографы, историки, языковеды вот уже более двухсот лет пытаются раскрыть происхождение тех или иных устойчивых выражений, увидеть за ними истоки национальной культуры. Фразеология для выполнения этой задачи дает богатейший материал. «Фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи», — подчеркивал Б.А. Ларин [2. С. 15].

Анализ конкретного материала дает возможность определить источники возникновения фразеологических единиц и показать, что способы проявления национально-культурной специфики фразеологизмов обусловлены психологией народа, своеобразием восприятия окружающего мира, различными ассоциациями, возникающими у носителей языка.

Большое количество фразеологизмов испанского языка связано с *античной мифологией, культурой, историей*. Некоторые из них имеют интернациональный характер, так как совпадают по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре в разных языках, например: *Авгиевы конюшни* — *Augean stables* (англ.) — *Establos de Augias* (исп.) и др.

К античной мифологии восходят, например, такие фразеологизмы («крылатые выражения»):

El hilo de Ariadna — *Нить Ариадны* — то, что помогает найти выход из затруднительного положения. Дочь критского царя Миноса, которая, согласно древнегреческому мифу, помогла афинскому царю Тезею убить полубыка-получеловека Минотавра и благополучно выбраться из лабиринта при помощи клубка ниток;

(Limpiar) los establos de Augias — *(чистить) Авгиевы конюшни* — сильно засоренное, загрязненное место, обычно помещение, где все валяется в беспорядке; то, что находится в запущенном состоянии и т.п. — От названия огромных конюшен элидского царя Авгия, не чищенных в течение многих лет. Очистить их удалось только могучему Гераклу (Геркулесу) — сыну верховного бога древних греков. Геракл очистил Авгиевы конюшни в один день, направив через них воды двух бурных рек;

Talón de Aquiles — *ахиллесова пята* — слабое, наиболее уязвимое место у кого-либо. В основе этого фразеологизма лежит мифологический образ (греческая мифология). Как известно, мать Ахилла, богиня Фетида, решив сделать сына бессмертным, опустила его в чудодейственную священную реку Стикс, держа его лишь за одну пятку. Именно это место оказалось единственной уязвимой точкой на его теле и впоследствии стало причиной его гибели, в эту пятку он был смертельно ранен стрелой Париса.

Рассмотрим примеры фразеологизмов, содержащих *историческую информацию*. Например, фразеологизм *estar a cuarta pregunta* (букв. отвечать на четвертый вопрос) со значением «находиться в затруднительном положении». Это выражение восходит к судебным правилам допроса арестованных. Согласно уголовному кодексу, арестованный должен был обязательно ответить на следующие четыре вопроса: имя и возраст, страна и профессия, религиозная принадлежность и гражданство, ежегодный доход. И при ответе на четвертый вопрос задержанные всегда отвечали, что они бедные люди и у них нет денег. И всякий раз, когда речь заходила о деньгах, они говорили, что отвечают на четвертый вопрос.

Достоверный исторический факт лежит в основе выражения *mantenerse en sus trece* (букв. стоять на своих тринадцати). Во время правления Бенедикта XIII в церкви произошел раскол, в результате которого на западе стали существовать два Папы, один — в Авиньоне, а другой — в Риме. В 1392 г. Бенедикт XIII был из-

бран на пост Папы Авиньона. А когда в 1414 г. он решил положить конец «двое-папству», то так долго и упорно не хотел отказываться от своего папского престола, что в дальнейшем данное выражение прижилось и означает в современном испанском языке «твердо и упорно настаивать на своем».

Фразеологизм, известный с XIX в., *verse el plumero* означает «ясно видеть чьи-либо намерения; попытки что-либо сделать». Данное выражение восходит к тем временам истории Испании, когда солдаты, защищавшие либеральное правительство, носили каски с яркими перьями, так что их можно было видеть издали.

Рассмотрим устойчивое выражение *tirar la toalla*, которое означает «покориться, подчиниться». Оно пришло в испанский язык из истории бокса. Если один из бойцов сдавался, тренер бросал полотенце, показывая тем самым, что бой прекращается. Поэтому составляющая «toalla» в данном случае является ярким символом капитуляции.

Интересен и устойчивый оборот *tirar de la manta* — «открыть что-то тайное, сокровенное». В XVI—XVII вв. слово «manta» означало накидку из шерстяного сукна, которую надевали в церквях Наварры. Одевание было примечательно тем, что на нем были написаны имена евреев, обращенных в христианство.

Этимология фразеологизма *a buenas horas mangas verdes* позволяет нам узнать, что католические короли закрепили одну особенную традицию в органах правопорядка, чтобы помочь деревенским жителям. Представители закона носили специальную форму с зелеными рукавами, они также были известны своей пунктуальностью. Однако порой они приходили только тогда, когда проблема уже была разрешена, отсюда значение «приходить поздно».

Довольно частотное в употреблении выражение *ir de gorra* «на чужой счет; бесплатно» появилось в XVII в. В то время студенты университета Саламанки были известны тем, что носили плащ и большую шапку, а также тем, что входили на праздник без приглашения, чтобы поесть и выпить бесплатно.

Следующий оборот *tener manga ancha* переводится как «смотреть на все сквозь пальцы» и объясняется учеными тем, что в старые времена представители духовенства носили сутану с длинными рукавами, поэтому, когда они подносили руки к лицу во время молитв, они почти ничего не видели.

Исторический факт отражен во фразеологизме *cambiar de chagueta* «сменить мнение; изменить собственные принципы; перебежать в другой лагерь»: солдаты, чтобы обмануть врага или сбежать, выворачивали свои кафтаны или длинные жакеты.

Выражение *en tiempos de Maricastaña* восходит к XVI в. и также связано с историческим событием, когда женщина по имени Мари Кастанья возглавила восстание против уплаты налогов епископу. Сегодня это выражение означает в испанском языке «в древние, незапамятные времена».

Следующее выражение *dar vela en un entierro* (букв. дать свечу на похоронах) восходит к обычаю, когда родственники умершего раздавали свечи его друзьям, которые пришли на похороны. В настоящее время этот фразеологизм употребляется со значением «позволить, допустить, разрешить что-либо, делать что-либо».

с полным правом», например: *Nadie te ha dado vela en este entierro* — не вмешивайся не в свое дело (это тебя не касается, не суйся, не лезь) [1. С. 79].

В качестве иллюстрации приведем еще пример, отражающий *испанские обычаи*.

Andar con tapujos (букв. ходить, прикрывая лицо плащом). В Средние века в Испании плащ являлся основным атрибутом одежды испанских кабальерос. Верхняя часть плаща носила название «*tapujo*» и позволяла в случае необходимости закрыть нижнюю половину лица. Делалось это, как правило, в случаях, когда человек желал остаться неузнанным в той или иной ситуации. Эта особенность легла в основу фразеологизмов *andar con tapujos* и *hacer algo de tapujo* — сделать что-либо тайком, действовать тихой сапой, скрытно, исподтишка.

Не менее интересен и оборот *meterse en camisa de once varas* (букв. лезть в рубашку длиной, равной 11 варам (1 вара = 83,5 см), отражающий церемонию усыновления в Испании в Средние века. Согласно этой традиции отец, усыновляющий ребенка, пропускает его через рукав рубашки и вытаскивает через ворот. Эта операция не всегда заканчивалась благополучно, особенно для ребенка, в результате возникло данное выражение-совет — не вмешиваться, не соваться не в свое дело.

Выражение *¡agua va!* (букв. льется вода) связано со старинным обычаем выливать из окна помой или нечистоты. При этом выливающий помой человек громко кричал: *¡agua va!*, предупреждая прохожих. Обычай исчез, а выражение *¡agua va!* приобрело значение «выражайся осторожнее! не перегибай палку! полегче (на поворотах)!»

Другой старинный обычай подавать анис на десерт породил фразеологизм *llegar a los anises* (букв. прийти к анису) со значением «прийти к шапочному разбору».

Интересно своим значением следующее выражение: *echar pelillos a la mar* (букв. бросать волоски в море). Его смысл заключается в том, что человек, обещавший забыть старые обиды или выполнить свое обещание, вырывал у себя волос и сдувал его со словами: *pelillos a la mar*. В настоящее время этот оборот означает «помириться, забыть старые обиды».

Однако не всегда удается вскрыть исходную мотивировку и определить источники фразеологизмов. Например, не всегда удается объяснить выбор числительного в составе фразеологизма. Вероятно, это связано с тем, что нумерологический компонент, входящий в состав фразеологизмов, часто обладает сугубо количественным значением и, следовательно, не обязательно несет семантическую нагрузку. Так, фразеологизм *cantar las cuarenta* (букв. кричать сорок) своим происхождением обязан карточной игре «туте», которая раньше была очень популярна в Испании. Суть игры заключалась в том, чтобы игрок как можно скорее собрал козлов (игральная карта с изображением лошади) и королей одной масти. Если игроку удавалось это сделать, то он громко объявлял об этом и получал двадцать очков. В том случае, если же игроку удавалось собрать карты козырной масти, он получал сразу сорок очков и громко и вызывающе объявлял о своей по-

беде. Этот факт лег в основу выражения *cantar las cuarenta*, которое впоследствии стало устойчивым и употребляется в наши дни в значении «высказать в лицо всю правду».

Устойчивый оборот *sembrar (meter) cizaña* — сеять вражду — восходит к сельским работам. *Cizaña* — это сорняк, наносящий большой вред посевам, так как его очень трудно удалить с поля. Сочетание *cojer en el garlito* со значением «обмануть, поймать с поличным» пришло от рыбаков. *Garlito* — это приспособление для ловли рыбы. С этим же источником связано выражение *caer en el garlito* — попасть в ловушку. Фразеологизм *dar en el clavo* — угадать, попасть в точку, догадаться — содержит информацию о труде кузнецов, которые, подковывая лошадь, ударяли по подкове чаще, чем по гвоздю.

Интересный материал можно также обнаружить и во фразеологизмах, которые содержат в своем составе **имя собственное**. Так, например, выражение *tumbarse a la Bartola*, означающее «бездельничать, лежать на боку», связано с персонажем, популярным в фольклоре. Он всем своим существом олицетворял леность, праздность, поэтому и вошел во фразеологию испанского языка в качестве составляющей столь яркой, негативно окрашенной фразеологической единицы.

Этимология выражения *ser más viejo que Matusalen*, означающего «стар как Мафусаил; старо как мир», связана с библейским персонажем, прожившим 997 лет.

Устойчивое выражение *ser más feo que Picio* — страшен как смертный грех — обязано своим происхождением персонажу по имени Писио, бывшему андалузскому сапожнику, прославившемуся своей внешней непривлекательностью.

Следующее выражение переносит нас в XIX в., когда самым популярным издателем детской литературы являлся Сапурнино Каллеха. Его имя стало нарицательным и вошло в состав фразеологизма *tener más cuento que Calleja* — «расскажи своей бабушке; рассказывай басни».

Выражение *ser una Celestina* содержит в себе имя сводницы, свахи, ставшей популярной в испанской литературе. Многие писатели именно Селестиной называли тех героинь, которым было присуще сводничество.

Известная фразеологическая единица *ponerse como el Quico* содержит имя персонажа народных сказаний, который очень много ел, поэтому выражение употребляется тогда, когда говорят о располневшем человеке. Реже его можно встретить в качестве выражения «натворить дел».

Отношение к другим народам, а также оценка существенных отличительных черт народов отражается в ряде следующих фразеологизмов. Выражение *hacer el indio*, означающее «валять дурака», восходит к тому времени, когда первые испанские путешественники, посещая Америку, оказывались в состоянии замешательства, наблюдая за поведением, привычками и образом жизни местных жителей. Аборигены вызывали у испанцев странное и смутное ощущение того, что жители Америки делали из себя посмешище, так как их культурные особенности резко отличались от столь привычных европейских.

Следующее выражение *ser cabeza de turco* появилось во время вековых войн против турков, когда они ассоциировались у испанского народа со всем самым

плохим, неприемлемым, чуждым. Русским эквивалентом данного выражения является «мальчик для битья; козел отпущения», т.е. тот человек, которого говорящий считает виновным в чем-либо.

Фразеологизм *despedirse a la francesa* переводится на русский язык как «уйти, не попрощавшись; уйти по-английски». Интересным является то расхождение, которое имеется в языках: в испанском выражении — уходит, не попрощавшись, француз, а не англичанин, как в русском. Исторически это связано с тем, что в испанский язык данное выражение пришло вместе с модой уходить без публичного прощания, возникшей именно при французском дворе XVII в.

Другой фразеологизм *no haber moros en la costa* говорил ранее об отсутствии пиратов берберов в Средиземноморье. В настоящее время это выражение означает возможность свободно говорить (так как никто не подслушивает ведущих беседу).

Историческую связь с королевской грамотой передает оборот *tener patente de corso* (букв. иметь право на корсарство, пиратство). Эта грамота выдавалась в ряде стран лицам, которым разрешалось осуществлять пиратские набеги.

Мнение, традиционно сложившееся у испанского народа о цыганах, отражается в следующих фразеологизмах: *ser como los gitanos, que si no la hacen a la entrada la hacen a la salida, estar hecho un gitano*. Можно, таким образом, видеть, что с цыганами у испанцев ассоциируются люди, которым нельзя доверять, так как они рано или поздно совершат обман или какую-то подлость, к тому же они крайне неаккуратны и неряшливы.

Выражение *tener puntualidad británica* связано с представлением испанского народа об англичанах, отличающихся своей пунктуальностью.

Фразеологизм *engañar como a un chino* переносит нас во времена экспедиций Марко Поло. Первые европейцы, прибывшие в Китай, обманывали коренных жителей, вручая им предметы, не имеющие ценности. Дело в том, что им были необходимы продукты и предметы китайской культуры, поэтому, чтобы их заполучить, европейцы нередко прибегали к обману и выдавали дешевые вещи за нечто дорогостоящее.

Таким образом, анализ источников происхождения оборотов и устойчивых сочетаний фразеологического фонда испанского языка, с представлением буквального и переносного значений фразеологизмов с культурным подтекстом, зафиксированном в известных испанских фразеологических словарях, позволил выявить культурно-историческое своеобразие испанского народа и лучше понять тот ассоциативный ряд, подтекст, настроение, которые связаны у испанцев с определенными фразеологическими единицами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гишкаева Л.Н.* Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. — М.: Изд-во РУДН, 2012.
- [2] *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание. — М., 1977.
- [3] *Михеева Н.Ф.* Испанский язык и межкультурная коммуникация. — М.: Academia АПК и ПРО, 2003.

- [4] Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [5] *Ana Dante Hernández. ¡Es pan comido! Expresiones fijas clasificadas en funciones comunicativas.* — Madrid: Editorial Edinumen, 2003.
- [6] *Aranda C. Dichos y frases hechas.* — Zaragoza: Edelveis, 2002.
- [7] *Cordana Vranic. Hablar por los codos. Frases para un español cotidiano.* — Madrid: Edelsa, 2004.
- [8] Дикcionario fraseológico español-ruso. Испанско-русский фразеологический словарь / Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А. — М.: Русский язык, 1985.
- [9] URL: <http://lema.rae.es/drae>

LITERATURA

- [1] *Gishkaeva L.N. Fraseologismi s komponentami zoonimami y fitonimami v sovremennom pireneyskom y meksikanskom nazionalnih variantah ispanskogo iazika: Diss. ... kand. filol. nauk.* — М.: Изд-во РУДН, 2012.
- [2] *Larin B.A. Istorija russkogo yazika I obsheye yazikoznaniye.* — М., 1977.
- [3] *Miheeva N.F. Ispanskiy iazik i mezkulturnaya kommunikazia: Monografiya.* — М.: Akademia, 2003.
- [4] *Chesnokova O.S. Ispanskiy yazik Meksiki: yazikovaya kartina mira.* — М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [5] *Ana Dante Hernández. ¡Es pan comido! Expresiones fijas clasificadas en funciones comunicativas.* — Madrid: Editorial Edinumen, 2003.
- [6] *Aranda C. Dichos y frases hechas.* — Zaragoza: Edelveis, 2002.
- [7] *Cordana Vranic. Hablar por los codos. Frases para un español cotidiano.* — Madrid: Edelsa, 2004.
- [8] Испанско-русский фразеологический словарь / Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А. — М.: Русский язык, 1985.
- [9] URL: <http://lema.rae.es/drae>

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN SPANISH

L.N. Gishkaeva

Department of foreign languages
Russian People's Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of the origin of fixed combinations and collocations forming phraseological fund of modern Spanish. To identify the national language units some examples of phraseological units are illustrated with historical and etymological interpretation along with the developed culturological comments on them. In the work the situation is illustrated through the analysis of the historical and etymological references which are available in the Spanish phraseological dictionaries and literature of the modern period.

Key words: etymology, phraseological fund of language, fixed combinations and collocations, national peculiarity of language, cultural and historical realities.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

О.Г. Горбатенко, А.Б. Костромин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сравнительному анализу категорий модальности английских и русских глаголов. Актуальность статьи заключается в том, что английские и русские модальные глаголы описываются в рамках сравнительного анализа. Характеризуются английские и русские модальные глаголы как с грамматической точки зрения, так и со смысловой стороны. В статье рассматриваются проблемы перевода модальных глаголов; предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, непродуктивный глагол, многофункциональные глаголы, высказывание, оттенок значения, смысловая сторона, предикативность.

Глаголы долженствования в английском языке принимают форму модальных глаголов. Это особая группа глаголов. Они обозначают возможность, способность, необходимость и вероятность совершения действия. Модальные глаголы в английском языке имеют одну форму для всех лиц и чисел. Вопросительная форма образуется без вспомогательных глаголов. Отрицательная форма образуется при помощи частицы *not*.

Модальность в лингвистике — выражение отношения говорящего к содержанию высказывания. Модальность — грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказыванию, его оценку отношения сообщаемого к действительности [2].

Содержание высказывания может мыслиться как реальное или нереальное, возможное или невозможное, желательное или нежелательное. Модальные значения вместе со значениями времени и лица образуют категорию предикативности. Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами (формами наклонений, модальными словами, частицами, интонацией).

Модальные глаголы выражают отношение к действию. Такие глаголы в английском языке существенно отличаются от остальных глаголов. Они имеют ряд особенностей. Не все модальные глаголы имеют формы будущего и прошедшего времени и при их выражении заменяются эквивалентами. Видо-временные формы глаголов правильнее рассматривать как отдельные модальные глаголы, а не как формы одного глагола в связи с их значительной разницей в употреблении. В некоторых случаях это также касается отрицательных форм. Эквиваленты используются, когда нужно употребить инфинитив или *ing*-формы.

Модальные глаголы могут употребляться с совершенным инфинитивом для описания действий, произошедших в прошлом. Каждый модальный глагол имеет как минимум два значения: вероятность или возможность и выражение мнения, суждения, отношения.

Такие глаголы делятся на две категории: непосредственно модальные глаголы и их эквиваленты и многофункциональные глаголы, выполняющие функции

модальных. Эквиваленты в модальных глаголах употребляются сами модальные глаголы, которые могут выполнять различные функции, в том числе функцию модальных глаголов.

Многие модальные глаголы близки по значению, а в русском варианте имеют абсолютно одинаковый перевод. Но, несмотря на это, для каждого из них в английской грамматике есть свое место. Выбирая подходящий вариант, необходимо проанализировать предложение, его смысловую сторону, оттенок значения. Такие глаголы в английском языке отличаются от остальных глаголов тем, что они не используются самостоятельно и не обозначают конкретного действия или состояния. Они отражают его модальность, т.е. отношение к нему говорящего. Модальный глагол и инфинитив значащего глагола в совокупности образуют составное модальное сказуемое (*compound modal predicate*), например: *I can swim* (я умею плавать). Речь может идти о самых разных отношениях. Говорящий может оценивать действие как возможное (невозможное), запрещенное (разрешаемое), приказываемое (просимое), вероятное (невероятное), необходимое (необязательное), уверенность (сомнение), маловероятное. Например, предложение *I will come to the conference* (я приеду на конференцию) — это факт. Отношение к этому факту может быть разным. Отношение к нему обозначается через модальные глаголы. На практике это выглядит так: *I may come to the conference; I must come to the conference; May I come to the conference?* Все эти предложения отражают отношение к данному факту. В зависимости от такой оценки и структуры предложения нужно использовать один из модальных глаголов.

Модальный глагол *must* употребляется для выражения непосредственной необходимости или обязанности (*We must translate this article by 6 o'clock* — Мы должны перевести эту статью к 6 часам). *Must* может означать осознанную необходимость, веление души, например: *People must take care of animals* — Люди должны заботиться о животных. Этот глагол часто используется при запрете (отрицательных приказах), например: *You must not distract students during classes*. *Must* употребляется для выражения уверенности, высокой степени вероятности, например: *he must be on his way here* — наверняка он уже идет сюда.

При использовании во втором лице модальный глагол *must* означает прямой приказ: *you must stay where you are!* — вы должны оставаться на месте! Если *must* в значении уверенности должен быть в отрицательной или вопросительной форме, то для этого нужно использовать отрицательные частицы или приставки (*Vesta never must have been here* — должно быть, Веста никогда не была здесь). В противном случае получится отрицательный приказ (*You must not be familiar with this machine* — вы не должны знакомиться с этим устройством). Глагол *must* может использоваться для придания предложению большей эмоциональности (*When I hurry so much she must call me* — Именно когда я так спешу, ей надо позвонить мне). Данный глагол в основном используется в официальной речи, часто в транспорте. На бытовом уровне он используется для передачи значения «что-то очень важное, необходимое»: *You must eat soup every day!* — Суп нужно есть каждый день! В данном примере он выражает категоричность. Так как у модального

глагола *must* нет формы будущего и прошедшего времени, в таких ситуациях вместо него используется модальный глагол *have to*.

Can, как и почти все модальные глаголы, является недостаточным глаголом, т.е. не имеет всех обычных для глагола форм. Он используется в двух формах: *can* — для употребления в настоящем времени и *could* — в прошедшем времени в сослагательном наклонении. Грамматической особенностью глагола *can* является то, что в третьем лице единственного числа к нему, как и к другим недостаточным глаголам, не прибавляется окончание *-s*. Из-за того, что глагол *can* не имеет формы будущего времени, для описания действия в будущем он заменяется на *to be able to*. *Can* употребляется в следующих случаях: 1) для отражения физической или умственной способности, умения (неумения) что-либо делать (*he can't be abroad now*); 2) при обозначении общей возможности (*you can find any book at the central library* — в центральной библиотеке можно найти любую книгу); 3) для обозначения теоретической возможности (*he can be anywhere right now*); 4) для выражения возможности что-то совершить согласно закону или правилу (*British Parliament can form the budget*).

May придает высказыванию более формальную окраску. *May* употребляется в следующих случаях: 1) для того, чтобы попросить (дать разрешение) (*You may stay here till Monday* — вы можете остаться здесь до понедельника); 2) для выражения предложения или возможности, в которых говорящий уверен (*Ann may come to my birthday party* — Анна может приехать ко мне на день рождения).

Глаголы *may* и *might* можно назвать синонимами. У них существует очень тонкие различия в значении. *Might* — еще меньшая степень вероятности. Когда в речи употребляется *might*, то это означает очень маленькую вероятность чего-либо (*the weather might be better tomorrow* — может, завтра погода улучшится). Например, предложение «*Kris might call me*» переводится как «Крис может позвонить мне», но по сути это означает, что Крис, скорее всего, мне не позвонит. *May* выражается в качестве просьбы (в вопросительном предложении) и разрешения (в утвердительном предложении).

Значение запрета чаще выражается глаголами *must*, *can* в отрицательной форме. Глагол *might* может выражаться в качестве упрека (*you might have carried my suitcase* — мог бы и отнести мой чемодан).

В русском языке, так же как и в английском, модальные глаголы выражают не действие, а отношение человека к действию. Говоря о том, что мы можем что-то сделать, мы не имеем в виду какое-то особое действие. В данном случае «*may*» не значит, что я что-то делаю, это значит «я оцениваю возможность сделать это весьма хорошо», т.е. дается высокая оценка способности что-то сделать. Английские модальные глаголы не способны передавать все значения, заложенные в описании ситуации по-русски. Например, в русском языке возможна фраза «Я смогу сказать тебе об этом завтра». В английском варианте нет будущего времени. В таких случаях используются эквиваленты. В русском языке есть предложения с модальным значением, где отсутствует подлежащее.

Основой русского предложения является предикативность, под которой понимается выражение отношения содержания высказываемого к действительности.

Отнесенность высказывания к действительности устанавливается говорящим и выражается языковыми средствами. Грамматическими средствами выражения предикативности в предложении являются категории времени, числа и модальности [1]. Здесь имеется в виду реальность (нереальность), возможность (невозможность), необходимость или вероятность.

Категория модальности в данном контексте является грамматическим средством выражения предикативности. Любое высказывание говорящего сопровождается выражением его отношения к содержанию высказываемого. Категория наклонения и особые лексико-грамматические средства — это способы выражения модальности. В качестве особых лексико-грамматических средств выступают модальные глаголы, слова и частицы.

Важным признаком в русском предложении является интонация. Она оформляет законченность предложения. С помощью интонации можно воздействовать на чувства слушателей, так как говорящий здесь выражает эмоциональную сторону речи. В речи, преследующей цели воздействия, волевые импульсы выражаются интонацией. Модальные оттенки предложения также выражаются с помощью интонации [3].

Различия между английскими и русскими модальными глаголами вызывают трудности перевода, которые заключаются в несовпадении категорий модальности в рассматриваемых языках. Основные трудности перевода связаны с частичным несовпадением значений категории в английском и русском языках. Так, модальность в английском языке выражена лексически большим количеством элементов, чем в русском языке, что приводит к большой степени детализации модальных оттенков. Для разрешения этого вопроса необходимо передать модальные оттенки, отраженные в английском языке, средствами русского языка. Передавать такие оттенки нужно на уровне лексики и грамматики. При переводе необходимо учитывать контекст [4].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: ИКАР, 2010.
- [2] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014.
- [3] *Розенталь Д.Э.* Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. — 12-е изд. — М.: Айс-пресс, 2013.
- [4] *Семенова М.Ю.* Основы перевода текста: Учебник / М.Ю. Семенова. — Ростов н/Д: Феникс, 2009.

LITERATURA

- [1] *Azimov A.G., Shukin A.N.* Noviy slovar metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). — M.: IKAR, 2010.
- [2] *Ahmanova O.S.* Slovar linguisticheskikh terminov. Izd.stereotip. — M.: LIBROKOM, 2014.
- [3] *Rozental D.A.* Sovremenniy russkiy yazik / D.A. Rosental, I.B. Golub, M.A. Telenkova. — 12^{ye} izd. — M.: Ice-press, 2013.
- [4] *Semenova M.Yu.* Osnovi perevoda texta: Uhebnik / M.Yu. Semenova. — Rostov n/D: Fenix, 2009.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODEL CATEGORIES OF ENGLISH AND RUSSIAN VERBS

O.G. Corbatenko, A.B. Kostromin

Peoples Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to comparative analysis of modal categories of English and Russian verbs. The current interest of the article is that English and Russian model verbs are described within the frames of comparative analysis. English and Russian modal verbs are characterized from grammatical point of view as well as from semantic aspect. Modal verbs translation issues are treated in the article; the ways of their solving are offered.

Key words: modality, modal verbs, defective verb, multifunctional verbs, utterance, shade of meaning, semantic aspect, predicativeness.

ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА (обзор корейской научной литературы)

Д.И. Капарушкина (Чанг Диана)

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 9, Москва, Россия, 117198

В статье представлен краткий обзор современной корейской научной литературы по фонетике. Рассматривается проблема классификации корейских согласных, сравниваются разные точки зрения исследователей на проблему наличия категории звонкости-глухости согласных в корейском языке.

Ключевые слова: корейский язык, фонетика корейского языка, корейская консонантная система, звонкость-глухость, напряженность-ненапряженность, придыхательность-непридыхательность согласных.

Среди корейских лингвистов, внесших наибольший вклад в исследование корейской фонетики и разработки правил стандартного литературного корейского произношения, нельзя не упомянуть имена профессоров Сеульского государственного университета Хо Унг [7] и Ли Хо Ёнг [4], которые определили признаки корейских звуков и составили их классификацию. По их описаниям, система согласных корейского языка состоит из 19 единиц: ㄱ[k], ㅋ[kʰ], ㄴ[n], ㄷ[t], ㅌ[tʰ], ㄹ[l], ㅁ[m], ㅂ[p], ㅃ[pʰ], ㅇ[ŋ], ㅅ[s], ㅆ[sʰ], ㅈ[tʃ], ㅉ[tʃʰ], ㅊ[tʃʰ], ㅋ[kʰ], ㅌ[tʰ], ㅍ[pʰ], ㅍ[kʰ], ㅌ[tʰ], ㅍ[pʰ]; три напряженных глоттализированных согласных: ㅋ[kʰ], ㅌ[tʰ], ㅍ[pʰ]; три аффрикаты: ㅈ[tʃ], ㅉ[tʃʰ], ㅊ[tʃʰ]; три щелевых согласных: ㅅ[s], ㅆ[sʰ], ㅎ[h] и четыре сонорных согласных: ㄴ[n], ㄹ[l], ㅁ[m], ㅇ[ŋ] [4. С. 45—50].

Таблица 1

Система корейских согласных [4. С. 51]

Способ образования		Место образования				
		губы	зубы, альвеолы	твердое нёбо	мягкое нёбо	гортаны
Взрывные	Слабые непридыхат.	ㅂ [p]	ㄷ [t]		ㄱ [k]	
	Сильные непридыхат.	ㅃ [pʰ]	ㅌ [tʰ]		ㅋ [kʰ]	
	Сильные придыхат.	ㅍ [pʰ]	ㅌ [tʰ]		ㅋ [kʰ]	
Аффрикаты	Слабые непридыхат.			ㅈ [dʒ]		
	Сильные непридыхат.			ㅉ [tʃʰ]		
	Сильные придыхат.			ㅊ [tʃʰ]		
Щелевые	Слабые непридыхат.		ㅅ [s]			ㅎ [h]
	Сильные непридыхат.		ㅆ [sʰ]			
Носовые		ㅁ [m]	ㄴ [n]		ㅇ [ŋ]	
Дрожащие			ㄹ [l]			
Полугласные		w		j	w, ㅈ	

В корейском языке существует четыре дифференциальных признака согласных: способ образования, место образования, шумность-сонорность, придыхательность-глоттализованность [4. С. 37—43].

По **способу образования** корейские согласные делятся на смычные взрывные, аффрикаты, щелевые, носовые, боковые дрожачие.

Смычные взрывные согласные (их девять: ㄱ[k], ㅋ[kʰ], ㆁ[kʰ], ㄷ[t], ㅌ[tʰ], ㅂ[p], ㅃ[pʰ], ㅍ[pʰ]) образуются в результате смыкания и резкого размыкания произносительных органов, разница в их артикуляции состоит в наличии придыхания или глоттализованности. Например, в слове 달 [tal] луна звук ㄷ[t] произносится без напряжения, в слове 탈 [tʰal] маска звук ㅌ[tʰ] произносится с придыханием, в слове 딸 [tʰal] дочь звук ㅌ[tʰ] произносится с напряжением и глоттализацией. Все смычные согласные (кроме ㅌ[tʰ] и ㅃ[pʰ], которые не встречаются в данной позиции) в конце слова и слога теряют взрыв и реализуются как имплозивные ([kʰ], [tʰ], [pʰ]), например: в словах 각[kakʰ] каждый, 곧[kotʰ] скоро, 밥[paʰ] рис. В позиции после сонантов наблюдается только взрыв, так как предыдущий сонант произносится имплозивно и смычка охватывает оба согласных: 콤보 [kombo] рябой, 인도[indo] руководство, 잉크[injŋk] чернила и др. Слабые смычные согласные ㄱ[k], ㄷ[t], ㅂ[p] в интервокальной позиции или в соседстве с сонантами произносятся как ослабленные полувзрывки, частичное озвончение происходит в интервале взрыва [g], [d], [b], например: 바다 [pada] море [4. С. 39].

При произношении щелевых согласных (ㅅ[s], ㅆ[sʰ], ㅎ[h]) образуется плоская щель и воздух проходит через нее, например: 사랑[saraŋ] любовь, 쌀[sʰal] рис, 호수[hosu] озеро, где звук ㅅ[s] в интервокальной позиции и перед сонантами остается глухим. Звуки ㅅ[s], ㅆ[sʰ] артикулируются путем сближения кончика (в некоторых случаях спинки) языка с альвеолами. Место образования ㅎ[h] находится в суженной глотке. Перед некоторыми гласными ㅣ[i], ㅟ[ia], ㅟ[io], ㅟ[iu], ㅟ[wi] щелевые согласные ㅅ[s], ㅆ[sʰ] реализуются как [ʃ], например: 시간[ʃigan] время, 씨[ʃi] семя.

При артикуляции аффрикат (ㅈ[tʃ], ㅉ[tʃʰ], ㅊ[tʃʰ]) в 1-й фазе образуется смыкание, во 2-й фазе происходит не взрыв, как при артикуляции слабых взрывных согласных, а переход в щель, например: 잠[tʃam] сон, 참[tʃʰam] правда, 째[tʃʰam] свободное время. Корейские аффрикаты переднеязычные и палатализованные. Слабая аффриката ㅈ[tʃ] в интервокальной позиции реализуется как ослабленный звонкий 가지 [kadʒi] ветвь [4. С. 40].

Корейский боковой согласный ㄹ[l] образуется при смыкании кончика языка со средней частью верхнего нёба, а по бокам языка проходит воздух. Кончик языка соприкасается с альвеолами: 달 [tal] луна [4. С. 41].

Способ артикуляции дрожачего согласного ㄹ[r] похож на артикуляцию бокового согласного, но в отличие от него при произнесении дрожачего кончик языка прикасается к альвеолам несколько раз. В корейском языке боковой и дрожачий

представляют собой одну фонему. Боковой реализуется в конце слога (перед согласным или паузой), например: 달 [tal] *луна*, а дрожащий реализуется в интервокальной позиции, например: 다리 [tari] *мост* [4. С. 57].

По месту образования корейские согласные делятся на губно-губные □ [m], ▢ [p], ▣ [pʰ], ▤ [pʰ], альвеолярные ▥ [t], ▦ [tʰ], ▧ [tʰ], ▨ [s], ▩ [sʰ], дорсальные ▪ [ʃ], ▫ [ʃʰ], заднеязычные ▬ [k], ▭ [kʰ], ▮ [kʰ], ▯ [ŋ] и фарингальный ▰ [h].

При образовании губно-губных согласных нижняя губа соприкасается с верхней, в этот момент нижняя губа выполняет роль активного органа артикуляции, а верхняя служит пассивным органом.

При образовании альвеолярных согласных кончик языка соприкасается с альвеолами, которые являются местом артикуляции, а кончик языка — активным органом артикуляции. При образовании ▨ [s] кончик языка приближается к задней части нижних зубов, создавая между кончиком языка и альвеолами щель, через которую проходит воздух.

При образовании дорсальных согласных кончик языка, который является активным органом артикуляции, приподнимается к передней части твердого нёба, которое является местом артикуляции.

При образовании заднеязычных согласных задняя часть спинки языка (активный орган) находится ближе к мягкому нёбу, которое является местом артикуляции.

Фарингальный звук образуется в глотке, являющейся активным органом артикуляции.

По шумности и сонорности корейские гласные распределяются следующим образом: четыре сонорных (▱ [n], ▲ [l], □ [m], ▯ [ŋ]) и 15 шумных согласных (▬ [k], ▭ [kʰ], ▮ [kʰ], ▥ [t], ▦ [tʰ], ▧ [tʰ], ▢ [p], ▣ [pʰ], ▤ [pʰ], ▨ [s], ▩ [sʰ], ▪ [ʃ], ▫ [ʃʰ], ▰ [h]).

В корейской системе согласных существует четыре пары согласных, различающихся по придыхательности-глоттализованности: ▮ [kʰ] - ▭ [kʰ], ▧ [tʰ] - ▦ [tʰ], ▤ [pʰ] - ▣ [pʰ], ▩ [ʃʰ] - ▫ [ʃʰ], а также один непарный глоттализированный согласный ▩ [sʰ].

Таким образом, консонантизм корейского языка характеризуется следующими особенностями:

— наличие трех видов шумных согласных (слабых смычных, придыхательных и глоттализированных), а также щелевых и аффрикат;

— несущественность признаков звонкости-глухости и твердости-мягкости;

— апикально-какуминальный согласный ▲ [l/r] составляет одну фонему (в начале слова и в интервокальной позиции реализуется как [r], а в конце слова и перед согласным — как [l]);

— нейтрализация шумных, переходящих в импловивные в конце слова и слога перед глухими согласными, в связи с чем ограниченное употребление согласных в конце слога;

— развитие палатализации губных и задненебных согласных в позиции перед гласными ɿ [i], ɿ̣ [ia], ɿ̤ [io], ɿ̥ [iu], ɿ̦ [wi];

— в корейском языке слабые смычные согласные ㅃ [p], ㅈ [t], ㅋ [k] и аффриката ㅈ [tʃ] в интервокальной позиции реализуются как ослабленные (полувзвонкие) согласные [b], [d], [g] и [dʒ] соответственно.

Следует отметить, что Ли Хо Ёнг и Хо Унг в своих работах при описании и анализе системы корейских согласных не уделяют внимания проблеме звонкости-глухости корейских согласных. Так, в монографии «Фонология корейского языка» Хо Унг, классифицируя корейские согласные, также выделяет три группы смычных согласных и аффрикат. Первую группу согласных он называет ослабленными (lenis): ㅍ [k], ㅊ [t], ㅃ [p], ㅈ [tʃ]; вторую — придыхательными (aspirated): ㅑ [kʰ], ㅓ [tʰ], ㅕ [pʰ], ㅉ [tʃʰ] и третью — напряженными (глоттализированными, fortis): ㅑ [kʰ], ㅓ [tʰ], ㅕ [pʰ], ㅉ [tʃʰ]. Корейский щелевой также может быть ослабленным и напряженным ㅅ [s] ㅆ [sʰ]:

В классификации корейских согласных Хо Унга [7. С. 70] выделена 21 фонема, корейские ослабленные взрывные имеют несколько вариантов. Так, звуку ㅃ [p] соответствуют следующие варианты: [p] в начальной позиции слова, [b] в интервокальной позиции, [β] между сонорными, [p̣] в конце слога.

Звуку ㅈ [t] соответствуют следующие варианты: [t] в начальной позиции слова, [d] в интервокальной позиции, [ṭ] в конце слога.

Звуку ㅋ [k] соответствуют следующие варианты: [k] в начальной позиции слова, [g] в интервокальной позиции, [ɣ] между сонорными, [ḳ] в конце слога [7. С. 75].

Корейские исследователи корейского языка не имеют единого мнения о консонантной системе корейского языка, в частности о глухости-звонкости. Одни считают, что при определении фонем корейского языка нецелесообразно учитывать признак звонкости-глухости как недифференциальный признак, объясняя это тем, что все шумные согласные являются глухими, а сонорные — звонкими звуками, это и легло в основу традиционной теории корейской фонетики [4; 7].

Следует отметить, что в работах современных южнокорейских фонетистов, особенно тех, кто проводит сравнительный анализ системы согласных корейского языка с системой согласных других языков, в частности индоевропейских, где согласные различаются по звонкости-глухости, начинают появляться дополнения и уточнения в терминологии и определениях к существующим фонетическим описаниям системы корейских согласных [1—3; 5; 6].

Некоторые исследователи признают, что только в интервокальной позиции шумные взрывные согласные произносятся как звонкие: ㅊ [g], ㅈ [d], ㅉ [dʒ], ㅃ [b], а в остальных позициях — как глухие: ㅑ [k], ㅓ [t], ㅕ [tʃ], ㅖ [p], либо рассматривают корейские взрывные согласные как варьирующие между звонкими и глухими [1].

В табл. 2 указаны 18 фонем без сонорного ㅇ [ŋ].

Таблица 2

The Korean Language 1999

Place of articulation			Bilabial	Alveo-dental	Palatal	Velar	Glottal
Articulatory manner							
Stop	Lax	Voiceless or voiced	ㅂ	ㄷ	ㅈ	ㅋ	
	Aspirated	Voiceless	ㅃ	ㄸ	ㅊ	ㅋ	
	Tensed	Voiceless	ㅆ	ㅌ	ㅈ	ㅊ	
Fricative	Aspirated	Voiceless		ㅅ			ㅎ
	Tensed	Voiceless		ㅆ			
Nasal		voiced	ㅁ	ㄴ			
Liquid	Lateral or flap	voiced		ㄹ			

Современный корейский исследователь Бэ Джу Чхе выделяет пять признаков корейских взрывных согласных: звонкость, импловивность, ненапряженность-напряженность, придыхательность, что на один признак больше, чем было указано в монографии Хо Унга.

В классификации Бэ Джу Чхе (табл. 3) насчитывается 31 единица, что, скорее всего, отражает аллофонию корейских согласных, а не фонологическую систему, где звонкие — аллофоны глухих ненапряженных, импловивные — аллофоны взрывных, [l/r] — аллофоны одной фонемы.

Таблица 3

Классификация согласных по Бэ Джу Чхе [2. С. 75]

Способ образования			Место образования					
			губные	зубные	альвео-лярные	мягко-палатальные	твердо-палатальные	гортанные
Шумные	Взрывные	Звонкие	b	d			g	
		Импловивные	p̚	t̚			k̚	
		Ненапряженные	p	t			k	
		Напряженные	p'	t'			k'	
		Придыхательные	p ^h	t ^h			k ^h	
	Аффрикаты	Звонкие				dʒ		
		Ненапряженные				tʃ		
		Напряженные				tʃ'		
		Придыхательные				tʃ ^h		
	Щелевые	Звонкие						h
		Ненапряженные			s	ʃ		h
		Напряженные			s'	ʃ'		
	Сонорные	Носовые	Смычные носовые	m	n		ŋ	ŋ
Ликвидные		Дрожащий			r			
		Латеральный				l		

В учебниках корейского языка для иностранцев также не прослеживается единства в определении категории звонкости-глухости. Так, в учебнике корейского языка для иностранцев, изданном в Университете Ёнсе [6], согласные делятся на две большие категории: звонкими являются носовые и дрожащие согласные, остальные согласные, т.е. взрывные, аффрикаты и щелевые определяются как глухие.

В табл. 4 насчитывается 19 единиц.

**Классификация корейских согласных по учебнику корейского языка
для иностранцев Университета «Ёнсе» 2000**

Способ образования			Место образования				
			губы	альвеолы, передняя часть языка	твердое нёбо, средняя часть языка	мягкое нёбо, зад- няя часть языка	гортань
Глухие	Взрыв- ные	Простые	ㅂ	ㅃ		ㅍ	
		Напряженные	ㅍ	ㅃ		ㅑ	
		Придыхательные	ㅃ	ㅆ		ㅑ	
	Аффри- каты	Простые			ㅌ		
		Напряженные			ㅎ		
		Придыхательные			ㅎ		
	Щелевые	Простые					ㅎ
		Напряженные					
	Звон- кие	Носовые		ㅁ		ㅇ	
Дрожащий			ㄹ				

Ким Гон Сук, пытаясь дать определение корейских взрывных согласных с точки зрения звонкости-глухости, задается вопросом, имеет ли смысл различать корейские взрывные согласные с точки зрения звонкости или глухости [3]. Прежде всего Ким Г.С. составляет фонетическое описание напряженных и придыхательных взрывных согласных, сопоставляет взрывные согласные фонемы в сильных и слабых позициях, прослеживает фонетические изменения взрывных согласных. В итоге автор приходит к выводу, что признак напряженности-ненапряженности корейских взрывных согласных играет более важную роль, чем признак звонкости-глухости, и объясняет это следующим образом: 1) при произношении напряженных корейских звуков происходит напряжение голосовых связок; 2) площадь соприкосновения активного и пассивного органов артикуляции напряженных больше, чем при произношении ненапряженных звонких согласных; 3) сила напряженных звуков намного больше, чем при произношении звуков без напряжения. Также Ким Г.С. пишет, что «особенность придыхательных звуков заключается в увеличении объема воздуха, проходящего через голосовые связки, что не влияет на звонкость звуков» [3. С. 338].

Прослеживая реализацию взрывных согласных в различных позициях, Ким Г.С. приходит к выводу, что «простые взрывные согласные часто реализуются именно как русские звонкие взрывные согласные: ㄱ [k] *кто*» [3. С. 348].

**Фонемы и аллофоны взрывных согласных корейского языка
и их реализация в основных позициях [3. С. 345]**

Простые взрывные ㅂ, ㅃ, ㅍ	/ㅂ/	[к]	В начале первого слога
		[г]	В начале слога после первого
		[к без взрыва]	В конце слога
	/ㅃ/	[т]	В начале первого слога
		[д]	В начале слога после первого
		[т без взрыва]	В конце слога
	/ㅍ/	[п]	В начале первого слога
		[б]	В начале слога после первого
		[п без взрыва]	В конце слога

Придыхательные взрывные ㅋ, ㆁ, ㆁ	/ㅋ/	[кх]	В начале первого слога
		[к без взрыва]	В конце слога
	/ㆁ/	[тх]	В начале первого слога
		[т без взрыва]	В конце слога
	/ㆁ/	[пх]	В начале первого слога
		[п без взрыва]	В конце слога
Напряженные взрывные ㆁ, ㆁ, ㆁ	/ㆁ/	[кк]	В начале первого слога
		[к без взрыва]	В конце слога
	/ㆁ/	[тт]	В начале первого слога
		[тт]	В начале первого слога
	/ㆁ/	[пп]	В начале первого слога
		[пп]	В начале первого слога

Как уже было замечено выше, в отличие от остальных смычных взрывных согласных, в конце слога реализующихся как импловивные, только напряженные ㆁ[k'] и ㆁ[t'] не встречаются в позиции конца слога.

В результате анализа научной теоретической литературы корейских исследователей было установлено, что в настоящее время не существует единой классификации и транскрипции корейских согласных, что вызывает немало трудностей при изучении корейского языка иностранными учащимися. Количество согласных фонем в различных классификациях корейских согласных варьируется от 18 до 21. Не все исследователи признают наличие звонких и полувзвонких аллофонов взрывных согласных, йотированного звука [j], полугласного [w]. Большинство исследователей признают, что в характеристике корейских смычных согласных важны признаки напряженности-ненапряженности и придыхательности-непридыхательности: смычные согласные в корейском языке составляют тройки — ненапряженный-напряженный-придыхательный — [p]-[p']-[p^h], [t]-[t']-[t^h], [k]-[k']-[k^h]. Признак звонкости-глухости в корейском языке является интегральным, а не дифференциальным, как в русском языке, озвончение шумных корейских согласных — позиционное явление.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] The Korean Language. Cambridge University Press, 1999.
- [2] *Бэ Джу Чхе*. Корейское произношение. — Сеул: Самгёнг Мунхваса, 2003.
- [3] *Ким Гон Сук*. Особенность звуковой системы корейских взрывных согласных // Сборник научных докладов Корейской ассоциации славяноведения. — 2003. — № 18 (2). — С. 335—350.
- [4] *Ли Хо Ёнг*. Фонетика корейского языка. — Сеул: Тэхака, 2003.
- [5] *Син Джу Ёнг, Ча Дже Ын*. Фонетическая система корейского языка. — Сеул: Хангук Мунхваса, 2003.
- [6] Учебник корейского языка для иностранцев Университета «Ёнсе». — Сеул: Ёнсе, 2000.
- [7] *Хо Унг*. Фонология корейского языка. — Сеул: Джонымса, 1982.

LITERATURA

- [1] The Korean Language. Cambridge University Press, 1999.
- [2] *Be Ju Che*. Korejskoe proiznoshenie. — Seoul: Samyoung Munhwasa, 2003.
- [3] *Kim Gon Suk*. Osobennost zvukovoj sistemy korejskih vzryvnyh soglasnyh // Sbornik nauchnyh dokladov Korejskoj Assotsiatsii Slavianovedenia. — 2003. — № 18 (2). — S. 335—350.

- [4] *Lee Ho Young*. Fonetika korejskogo jazyka. — Seoul: Tehaksa, 2003.
[5] *Sin Ju Young, Cha Je Eun*. Foneticheskaia sistema korejskogo jazyka. — Seoul: Hanguk Munhwasa, 2003.
[6] Uchebnik korejskogo jazyka dlia inostrantsev Universiteta «Younsei». — Seoul: Younsei, 2001.
[7] *Ho Woong* Fonologia korejskogo jazyka. — Seoul: Joneumsa, 1982.

FEATURES CONSONANT SYSTEM OF THE KOREAN LANGUAGE

D.I. Kaparushkina (Jang Diana)

Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article provides a brief overview of the current scientific literature on the Korean phonetics. The author of this article considers the problem of classification of Korean consonants, compares the different points of view of researchers at the problem of the existence of voiced and unvoiced consonants in the Korean language.

Key words: Korean Language, Korean phonetics, Korean consonant system, voiced-voiceless, tension-lax, aspirated-unaspirated consonants.

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ (на примере испанского языка)

Е.В. Карпина

Национально исследовательский университет
«Высшая школа Экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье речь идет о полуострове Юкатан как отдельной диалектной зоне, рассматривается функционирование диалектных особенностей национальных вариантов испанского языка и их соотносительности с нормой.

Ключевые слова: билингвизм, межвариантная диалектология, диалектизмы, юкатек, кастильский язык.

Традиционно исследование комплекса проблем, связанных с социальной обусловленностью языка, влиянием экстралингвистических факторов на языковое развитие, а также с особенностями коммуникативной направленности языка в различных типах лингвосоциумов, находится в центре внимания романистов и является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Вот лишь некоторые аспекты, которым в современном языкознании уделяется особое внимание: вопросы формирования испанского языка в Испании, динамика его диалектного развития, влияние лингвистических и социолингвистических факторов на развитие и функционирование латиноамериканских национальных вариантов испанского языка и их статус относительно пиренейской нормы и др. Это обусловлено тем, что проблема становления конкретного национального языка включает в себя много аспектов, которые в своей совокупности говорят о сложном характере данного явления, связанного как с лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К их числу относится становление нормы письменного литературного языка, увеличение (уменьшение) численности носителей языка, расширение их социального состава и др. Тем самым современное языкознание различает внутренние факторы развития языка, связанные с особенностями его системы, и внешние социальные факторы, которые оказывают влияние и на развитие и на характер функционирования языка. Г.В. Степанов в своих трудах подчеркивает, что «испанский язык, понимаемый как совокупность вариантов, представляет собой архисистему, включающую в себя несколько частных функциональных систем» [11].

Проблематика разграничения языка и диалектов, вопросы единства и многообразия форм существования испанского языка уже многие десятилетия волнуют лингвистов из разных стран и остаются актуальными. Однако, несмотря на множество мнений и споров о процессах и результатах языковой фрагментации (испанский ареал представляет собой обширное, территориально разобщенное географическое пространство, многообразная национально-культурная специфика которого проявляется на всех уровнях языковой системы), внутрискруктурные разли-

чия испанского языка ни у кого не вызывают сомнений. В этой связи стоит сказать, что большое научное значение имеет само определение терминов «язык» и «диалект», а также их взаимосвязь с языковой нормой.

В связи с тем, что проблема нормы очень сложна и неоднородна (ее многоаспектность определяется лингвистическими, социокультурными, историческими и другими факторами), среди языковедов имеются существенные расхождения в трактовке рассматриваемого понятия. Невозможность использования критерия общепринятости привела к тому, что норма для большинства лингвистов стала фактически отождествляться с кодифицированностью. Обосновать норму как лингвистическую категорию, на наш взгляд, невозможно без ответа на вопрос о том, какова сущность нормы, где ее источники.

Детерминация термина «норма» до сегодняшнего дня затруднена терминологической неупорядоченностью, так как к актуальным вопросам теории нормы (критерии нормы, типология, динамичность нормы и т.д.) прибавляется и вопрос соотношения нормы и системы. В общем языкознании в определении нормы существуют два направления: «определение нормы по отношению к общетеоретическим понятиям и онтологическим категориям языка вообще; по отношению к специальному понятию теории речевой культуры» [5].

Отмеченные обстоятельства обуславливают значительное многообразие в определении нормы, что, в свою очередь, осложняется тем, что сами языковые явления, отражающиеся в данном понятии, весьма разнообразны и могут быть охарактеризованы с различных сторон. Впрочем, при таком большом количестве существующих трактовок представляется возможным указать на некоторые основные определения понятия «норма».

Понятие «норма» рассматривается как в работах языковедов, принадлежащих к различным лингвистическим школам и различным направлениям науки о языке, так и в трудах общезыковедческого плана, где лингвисты в той или иной степени, опираясь на систему взглядов, предложенную известным исследователем Ф. де Соссюром, не прекращают попыток уточнить и определить набор понятий и терминов, которые бы наиболее полно отражали многообразные аспекты языковой деятельности. В то же время в связи с тем, что проблема нормы необыкновенно сложна и разноприродна (ее многоаспектность определяется как чисто лингвистическими, так и культурно-социологическими и историческими факторами), среди языковедов имеются существенные расхождения в трактовке рассматриваемого понятия.

Обобщая мнения отечественных и зарубежных ученых (Г.В. Степанов, Р.А. Будагов, Л.В. Щерба, А.Н. Пешковский, Т.О. Винокур, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Н. Семенюк, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Н.М. Фирсова, Н.Ф. Михеева, Д. Каталан, Менендес Пидаль, Э. Косериу и др.), можно определить норму как одно из центральных понятий в языке, все изменения зависят от нормы и вынуждены претерпевать ее влияние или, наоборот, призваны установить новую норму.

Другая важная задача испанистики — изучение диалектных особенностей национальных вариантов испанского языка и их соотносительности с нормой.

Впервые вопросы разработки нового направления в испанской диалектологии — межвариантной диалектологии испанского языка — поставила Н.Ф. Михеева в своей докторской диссертации (2003), которая исследовала национально-культурное своеобразие функционирования ЯЕ в испанском языке на территории юго-западных штатов США в условиях контакта с доминирующим английским языком. Н.Ф. Михеева также составила типологию классификаций диалектов испанского языка на основе следующих экстралингвистических факторов: 1) географической близости латиноамериканских стран; 2) степени отдаленности латиноамериканских стран от Испании и степени интенсивности контактов с метрополией; 3) территориального распределения в них основных языковых семей американских индейцев; 4) проживания в схожих со своей родиной климатических зонах; 5) места проживания испанских конкистадоров как в Испании, так и на новых землях; 6) социальной принадлежности испанских конкистадоров; 7) фонетических характеристик испанского языка в разных регионах его распространения; 8) лексического фонда испанского языка в различных латиноамериканских странах; 9) грамматической системы испанского языка в странах Латинской Америки; 10) языковых универсалий в современном испанском языке [6].

Р.И. Аванесов и В.Г. Орлова выделяют три этапа развития диалектологии: на первом (донаучном) этапе диалектология зарождается в недрах этнографии, где язык рассматривается наряду с другими проявлениями материальной и духовной жизни народа (фольклором, изобразительным искусством и т.д.).

На втором этапе развития диалектология перестает быть частью этнографии и становится самостоятельным разделом лингвистики, в котором дается перечень определенных языковых черт (в первую очередь фонетических, а также морфологических). На их основе осуществляется классификация наречий и говоров. Эти два этапа характеризуют подходы к диалекту в оппозиции его к литературному языку [1].

Третий этап связан с применением к диалекту идеи о системном характере языка. Данная идея может иметь различные формы и степень воплощения в национальных диалектологических школах [9; 8; 1]. Отдельно подчеркнем, что основным в диалектологии является понятие «диалектный признак, диалектная особенность, или диалектное различие» (а с учетом нанесения названного признака на географическую карту — «изоглосса»).

Г.В. Степанов определял социолингвистический статус испанского языка в странах Латинской Америки как «национальный вариант» испанского языка. Исходным понятием в его концепции выступает функциональная система языка, охватывающая все виды дифференциации (варьирования) языка, возникающие под воздействием внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющих ту или иную функцию в социуме. Общей основой организации функциональной системы языка являются языковое состояние и языковая ситуация. Под языковым состоянием Г.В. Степанов понимал «совокупность всех видов его вариативности, как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки». Языковое состояние рассматривалось им как некий парадигматический набор элементов, образующих функциональную систе-

му языка (диалекты, литературный язык, национальные варианты), взаимодействующих или не взаимодействующих друг с другом. Языковая ситуация, по мнению ученого, — это «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях (синтагматический план)» [10].

В.С. Виноградов выделяет «межнациональную испанскую форму в качестве глобальной формы существования испанского языка, а также национальные формы или варианты (например, мексиканский, кубинский или аргентинский и т.д.), каждый из которых может иметь свои диалекты и говоры, причем однотипные диалектные зоны могут охватывать части различных национальных территорий» [2].

Продолжив разработку идей Г.В. Степанова и В.С. Виноградова, Н.М. Фирсова детализировала типологию разновидностей национальных вариантов и классифицировала формы существования испанского языка. Н.М. Фирсова выделяет следующие формы существования испанского языка.

1. Национальный вариант испанского языка, обладающий такими признаками: 1) испанский язык имеет ранг официального (государственного) языка; 2) имеет национальную литературную норму; 3) испанский язык является родным для абсолютного числа жителей, либо доля испаноязычного населения составляет более 50% от общего числа населения страны; 4) испанский язык выполняет полный объем общественных функций; 5) язык обладает известной лингвокультурологической спецификой. Признаками национального варианта, кроме пиренейского, обладают все латиноамериканские варианты испанского языка.

2. Территориальный вариант испанского языка, для которого характерны следующие признаки: 1) испанский язык имеет ранг официального (государственного); 2) не имеет литературной нормы; 3) испанский язык не является родным для абсолютного числа жителей, а доля испаноязычного населения составляет менее 50% от общего числа населения страны; 4) обладает известной лингвокультурологической спецификой. Данные признаки свойственны испанскому языку в Экваториальной Гвинее.

3. Территориальный диалект испанского языка. Его основные признаки: 1) распространение за пределами государств, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный); 2) не имеет собственной литературной нормы языка; 3) не имеет ранга официального (государственного) языка; 4) не является родным для абсолютного большинства населения страны; 5) обслуживает отдельные малочисленные группы населения; 6) используется в ограниченных сферах коммуникации; 7) язык обладает определенной местной спецификой.

4. Диалект испанского языка, который отличается от территориального диалекта по первому признаку, а именно: типично распространение внутри (не за пределами) стран, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный). Сферы использования диалекта лимитированы разговорно-бытовой и религиозной [12].

Таким образом, с момента зарождения диалектологии понятие «диалектный признак» с развитием представления о диалекте как о языковой системе, равноправной по своим лингвистическим (но не социально-функциональным) особенностям с литературным языком, приобретает новое содержание и включает в себя не только отличное, но и общее, свойственное диалекту и литературному языку.

Различаясь между собой, диалекты образуют в то же время разнообразные диалектные объединения, охватывающие зачастую сопредельные территории. Это означает, что у разных диалектов могут быть общие для них признаки, по которым они входят в диалектные объединения, и частные признаки, отличающие их друг от друга.

Единый в своей лингвистической норме современный испанский язык на уровне звучащей речи проявляется многообразной диалектной вариативностью. Имеет место небольшое количество описаний диалектов испанского языка в отдельно взятых испаноязычных странах на уровне их национальных вариантов. Наиболее изученными являются такие страны, как Мексика (П. Энрикес Уренья, Х.М. Лопе Бланч, Дж. Баркер, Дж. Крэддок, М. Идальго), Колумбия (Л. Куэрво, Л. Флорес, Х. Монтез Хиральдо) и некоторые другие.

Подробнее остановимся на этапах развития мексиканской диалектологии. Здесь выделяют три основных этапа: I — до 1947 г., II — 1947—1963 гг., III — 1963 г.

I этап. В 1921 г. П. Энрикес Уренья опубликовал свой труд «Об испанском языке в Америке». В 1938 г. под его редакцией была напечатана фундаментальная работа «Испанский язык в Мексике, США и Центральной Америке», которая объединила серию исследований, написанных в период с 1890 по 1938 гг. такими известными учеными, как Э. Хилс, М. Ревилья, Р. Куэрво и др. В это же время (1933—1938) на базе Мексиканского лингвистического института под руководством М. Сильвы Асевеса появилось свыше 40 работ, посвященных испанскому языку в различных регионах страны. Здесь были представлены труды по функционированию ЯЕ в таких мексиканских штатах, как Мичоакан, Сакатекас, Халиско, Герреро, Дистрикто Федераль, Идальго, Керетеро, Дуранго, Табаско, Юкатан.

II этап. Новая эпоха в развитии диалектологии открылась, когда Р. Лида создал в 1947 г. Центр лингвистических исследований и одновременно начал выпускать «Новый журнал испанской филологии», в котором печатались работы об испанском языке в Латинской Америке таких известных ученых, как М. Вагнер, С. Робе, Б. Видаль.

В 1940—1950-х гг. был опубликован ряд работ, связанных с испанским языком Мексики, на написание которых повлияли североамериканские лингвистические тенденции. В эти годы были опубликованы изыскания Х. Кинга, В. Суареса. Также в 1950-х гг. появился фундаментальный труд — Словарь мексиканизмов (под редакцией Ф. Сантамарии).

III этап. В 1963 г. были начаты проекты в области лингвистики под руководством Х. Лопе Бланча. В результате было получено 245 часов записей информантов; 343 анкеты, которые были предложены разным социальным группам столицы (490 опрошиваемых); также был собран и обработан примерно такой же объем

письменных примеров из художественной литературы и газет. В итоге появился сборник под общей редакцией Х. Лопе Бланча, где были обобщены вышеуказанные изыскания.

В 1963—1965 гг. Центром лингвистических исследований также была опубликована серия работ по мексиканской диалектологии (авторы П. Бойд-Боуман, П. Рона, М. Альвар). Большинство указанных трудов было посвящено описанию фонетических особенностей испанского языка Мексики (В. Garza, А. Zamora Vicente, J. Lore Blanch, А. Alonso), хотя некоторые из них затрагивали лексические и морфологические аспекты (М. Fray, Ch. Canu).

В 1994 г. М. Альвар создал лингвистический атлас мексиканского штата Веракрус. Годом позже (1995 г.) возник научный проект «Лингвистический атлас», координатором и директором которого был назначен Х. Лопе Бланч.

В каждой отдельной латиноамериканской стране формирование местных литературных норм испанского языка происходило по-разному.

К примеру, П. Энрикес Уренья, а вслед за ним и Дж. Баркер выделяют пять диалектных зон в Мексике, которые характеризуются фонологическими и лексическими несоответствиями. Национальный «стандарт», по их мнению, базируется на речи жителей Мехико и окружающих его центральных горных районов. Другими зонами являются северная, южная (Морелос, Герреро, Оаксака), прибрежная (Тамаулипас, Веракрус, Табаско, Кампече) и, наконец, относительно изолированная территория полуострова Юкатан [13; 17].

Наблюдения Н.Ф. Михеевой свидетельствуют о том, что в диалектах на территории Мексики отмечаются значительные изменения на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Автор выделяет, во-первых, собственно лексические диалектизмы, выступающие в качестве синонимов литературного языка; во-вторых, так называемые этнографические диалектизмы, являющиеся названиями таких специфических предметов и явлений, которые характерны лишь для зоны распространения диалекта [7]. Еще одну разновидность лексических диалектизмов выделяет В.С. Виноградов — семантические диалектизмы, представляющие собой диалектные значения общеупотребительных слов [3].

Х.М. Лопе Бланч выделяет в Мексике семнадцать диалектных зон. При этом Лопе Бланч рассматривает полуостров Юкатан как самостоятельную диалектную зону [17]. Последняя гипотеза находит поддержку в дальнейшем изучении им фонетической вариативности в штате Юкатан, а также в мексиканских штатах Кампече, Кинтана Роо, Табаско и Веракрус. В своих исследованиях известный мексиканский филолог анализирует заальвеолярную артикуляцию вибрирующих одноударного и многоударного /r/. Переднеязычный заальвеолярный вариант [R], не существующий в фонологической системе испанского языка, общеупотребим на полуострове Юкатан, а его частотность снижается по мере удаления от региона адстрата майя до полного исчезновения, вследствие чего Лопе Бланш делает вывод о возможном влиянии языка древних майя на испанский язык штата Юкатан [18].

К началу XVI в. Юкатан был поделен между несколькими кланами правителей майя, которые вели постоянную борьбу за земли, доступ к морю и соли, охотничьи угодья и богатую фруктами сельву. В поражавших своим архитектурным

великолепием городах процветали науки и искусства. На территории современной Мексики испанцы появились в 1517 г. В 1521 г. они разгромили ацтеков и их столицу Теночтитлан. На месте этого города возник современный Мехико. Впервые испанцы приблизились к полуострову Юкатан в 1519 г. Захватом Юкатана занялся один из капитанов знаменитого конкистадора — Франсиско Монтехо. Таким образом, язык индейцев Юкатана начал подвергаться сторонним влияниям лишь в сороковые годы XVI в. и с тех пор оба языка сосуществуют в непосредственной близости, что обуславливает их постоянное взаимолияние [4].

В конце XVI в. завершилось колониальное завоевание Мексики. Вновь открытые территории попали под юрисдикцию вице-королевства Новой Испании с его административным центром в городе Мехико. Вице-королевство просуществовало до 1821 г., когда Мексика завоевала независимость. За это время произошло обогащение испанского языка индихинизмами (т.е. лексическими заимствованиями из индейских языков), вследствие чего испанский язык на территории мексиканских государств приобрел свои специфические черты, отличающие его от испанского языка бывшей метрополии.

Мексиканский лингвист С.Б. Хис, изучив процессы стандартизации испанского языка в Мексике в целом, выделила 4 основных этапа, а именно: 1) выбор литературной нормы испанского языка метрополии (произошел во времена колонии и поддерживался до начала XIX века); 2) кодификация мексиканской нормы; 3) расширение словаря; 4) разработка и претворение в жизнь Программы образования, которая использовала лексический «стандарт» в качестве средства обучения [16].

При анализе работ по дескриптивной латиноамериканской диалектологии обнаруживается, что определенная часть языковых особенностей латиноамериканских национальных вариантов испанского языка связана в первую очередь со старокастильским. А. Назарио отмечает функционирование в Пуэрто-Рико в XVI в. *mesmo, defycultades, complir, vistuario, bollicio, prencipal, medecinal, edeficios*; с другой стороны, в XVII в. в названной стране существовала тенденция использовать современную систему (*mismo, dificultades, cumplir, vestuario* и пр.). Последние доминировали в столице, а архаичная система была распространена и до сих пор встречается в речи крестьян [13].

Ф. де Вайнберг наблюдает то же явление в документах, датированных XVI—XVIII вв. в Буэнос-Айресе (*cudicia, experiencia, escrevir, querúrgico, duzientos, siguro, aviriguar* и т.д.).

Колумбийский диалектолог Л. Флорес подтверждает употребление *deligencia, desimilar, melitar, prencipal, mesmo* и др. в XIX в. и в современной разговорной речи на большей части Колумбии; он также находит подтверждение использованию *cubija, muchila, munumento, culumpio* и пр. [14].

В XX в. в Аргентине, местечке Розарио, Д. де Миранде отмечает спорадическое функционирование *aviriguar, polecía, señor, ministro, medecina, sepoltura* и *mormorar* в речи низших слоев общества.

Когда Мексика приобрела независимость в 1821 г., испанский язык был языком элиты, состоявшей из приехавших с материка представителей испанской знати, а также креолов и немногочисленных потомков индейцев.

В отношении лексики испанского языка Мексики Лопе Бланш (1979, 59) утверждает, что индейскими языками, оказавшими влияние на испанский, в порядке возрастания стали языки кайто, сапотекко, отоми, тараско, майя и науатль (ацтекский). При этом многие заимствованные из индейских языков слова претерпели изменения и в настоящее время не употребляются в изначальной форме, т.е. они не произносятся и не пишутся в форме, которая бы отличалась от привычных для испанского языка. По мнению Бойд-Боумана (1970, 139), эти модификации произошли в основном в фонетике заимствованных слов, поскольку конкистадоры «...затруднялись произносить отдельные странные звуки, как-то, звонкое твердо-небное — /tl/» или, как отмечает Уго Мехиас (1980, 43): «начальная группа /tz/ свистящая смычная аффриката в науатле и которая в дальнейшем преобразовалась в /ts/ а позже стала произноситься как /s/».

Как уже было отмечено, полуостров Юкатан рассматривается как отдельная диалектическая зона (Лопе Бланш) и имеет свои отличительные особенности, что также подтверждается такими исследователями, как Альфредо Баррера Васкес, Виктор Суарес Молина, Хесус Амаро Гамбоа и др. Баррера Веласкес подчеркивает, что под влиянием языка майя в испанском произошли изменения на фонетическом и лексическом уровнях. Фонетические особенности юкатек (диалекта пиренейского варианта испанского языка на полуострове Юкатан) следующие: употребление гортанных согласных (p', t', k'), большое количество «х» которое произносится как французское *che*, наличие эмфазы и медленная интонация при произношении фразы.

Майянские языки (юкатек) являются полисинтетическими, для многих свойственна эргативная конструкция и начальное расположение глагола в предложении. Языки майя характеризуются такой особенностью структуры диалога, как неоднократное повторение одной и той же пропозициональной информации (причем встречаются и самоповторы в речи одного участника диалога, и повторы высказывания собеседника):

Ma'alob, kux teech. (¿Cómo estás?)

Bey xan teen. (Bien, ¿y tú?)

Bix a k'aaba'. (¿Cómo te llamas?)

In k'aaba'e' Jorge. (Mi nombre es Jorge)

Jach ki'imak in wóol in k'ajóolt kech. (Encantado de conocerte).

Тот факт, что на язык оказывали влияние различные факторы (этнический, исторический, культурно-исторический, социально-исторический, социально-политический, территориальный, географический), не вызывает сомнений.

Изменения в лексическом составе юкатек характеризуются наличием этнографических диалектизм (*alcaparrado* = plato de culinaria yucateca; *alkameyah* образовано от майянского *alkah* — correr и *meyah* — trabajo = una persona de servicio doméstico; *alka'sinik* образовано от майянского *Alkah* — correr и *sinik* — hormiga = hormiga corredora); исторических диалектизм (*achocar* — употребляется в качестве синонима *embutir*, *atestar*); полисемантических диалектизм (*afianzar* — sujetar, *achiguitar* — reducir el tamaño de una cosa, *agacharse* — ponerse en cuclillas); лексических диалектизм (*acechar* — ver, mirar).

Среди наиболее распространенных выражений эмфаз можно привести следующие:

Así: чаще всего употребляется в конце фразы в качестве акцента, эмфазы: "— ¿De manera que no vino?" se vuelve: "— Entonces, ¿no vino, así?" "— Este año no llovió, así"

"— ¿Pero, qué es esto así?". "— ¿Por qué así?" о "— Aja, y ¿cómo así?", ¿Tanto así?, expresa asombro o duda sobre lo que se está contando. "— No sé, tal vez me comí media docena de panuchos..." "— ¿Tanto así?".

Así quedamos: один из вариантов испанского "adiós" о "hasta luego" до скорого, пока!

Así que ves: выражение, использующееся как правило, чтобы начать разговор: "— Así que ves... hace tiempo que no veo a Mech".

¡Atiú!: эквивалент ¡Ay Dios! — служит для выражения удивления: "— ¡Atiú!, ¿tú aquí?"

Также может быть использовано как эквивалент "desde luego", о "¡claro, qué tontería" (конечно, ясно как божий день): "— ¿Ya supiste que cayó el gobernador?" "— ¡Atiú!"... y por el tono se sabe si la noticia era o no conocida.

Atole: ¿De qué atole? выражение несет в себе негативный оттенок и выражает отказ от участия или не желание что-либо сделать: "— Vas a dar dinero para mi fiesta" "— ¡Aja! Y yo., ¿de qué atole?"

Тот факт, что одной из специфических черт испанского языка выступает его огромная территориальная распространенность, не вызывает сомнений. Он является четвертым языком в мире по количеству говорящих (вслед за китайским, английским и русским). Таким образом, территориальное варьирование современного испанского языка обуславливает определенные национальные черты его идиоматической насыщенности и культурной референции лексических и фразеологических единиц, тесно связанной с проблемой вариативности, что требует проведения дальнейших исследований, в частности диалекта современного испанского языка на полуострове Юкатан.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. — М.: УРСС, 2004.
- [2] Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. — М.: Высшая школа, 1994.
- [3] Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. — М.: Наука, 1994.
- [4] Еришова Г.Г. Фрай Диего де Ланда (Биографическая повесть). Древние Майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представления о модели мира). — М.: Ладомир, 2000.
- [5] Грехнева Г.М. Соотношение терминов «норма» и «система» // Термины и их функционирование: Межвуз. сб. Горьков. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского / Под ред. В.Н. Немченко. — Горький: ГГУ, 1987.
- [6] Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация: Монография. — М.: Academia, 2003.
- [7] Михеева Н.Ф. К вопросу о классификации диалектов современного испанского языка // Вопросы иберо-романской филологии: Сб. статей. Вып. 7 (юбилейный). Посвящается 80-летию профессора В.С. Виноградова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. — С. 177—183.

- [8] *Нарумов Б.П.* Испанский язык // *Языки мира. Романские языки.* — М.: Academia, 2001. — С. 411—462.
- [9] *Русская диалектология* / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. — М., 1964.
- [10] *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М.: Наука, 1976.
- [11] *Степанов Г.В.* О двух аспектах понятия языковой нормы // *Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков* / Под ред. М.А. Бородиной, М.С. Гурычевой. — М.: Наука, 1966. — С. 226—235.
- [12] *Фирсова Н.М.* Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. — М.: РУДН, 2000.
- [13] *Alvarez Nazario M.* Origenes del espanol en Puerto Rico ACIEA I, 1987.
- [14] *Barker G.C.* Social Functions of Language in a Mexican American Community. — Tucson: University of Arizona Press, 1972.
- [15] *Flórez L.* Del español hablado en Colombia. Bogotá, 1975.
- [16] *Heath S.B.* La política del lenguaje en México: de la colonia a la nación. — México: Instituto Nacional Indigenista, 1979. Pp. 271—279.
- [17] *Henríquez Ureña P.* El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central. — Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938.
- [18] *Lope Blanch J.M.* Algunos casos de polimorfismo fonetico en Mexico // *Investigaciones. Mexico: UNAM, 1979b.* — Pp. 97—111.
- [19] *Lope Blanch J.M.* Un caso de posible influencia maya en el espanol mexicano // *Investigaciones. Mexico: UNAM, 1979a.* — Pp. 41—53.

LITERATURA

- [1] *Ananieva N.E.* Historia y dialectologia polskogo yazika. — М.: URSS, 2004.
- [2] *Vinogradov V.S.* Lexicologia ispanskogo yazika. — М.: Vishaya shkola, 1994.
- [3] *Vinogradov V.S.* Lexicologia ispanskogo yazika. — М.: Nauka, 1994.
- [4] *Ershova G.G.* *Fray Diego de Landa* (Biograficheskaya povest). Drevniye Maya: uity, chtoby vernutsia (Istoky predstavleniya o modely mira). — М.: Ladomir, 2000.
- [5] *Grehneva G.M.* Sootnoshenie terminov «norma» и «sistema» // *Termini y ih funkcionirovanie: Mezvuz. sb. Gorkov. rgos. un-t im. N.I. Lobachevskogo* / Pod red. V.N. Nemchenko — Gorkiy: GGU, 1987.
- [6] *Mikheeva N.F.* Ispanskiy yazik y mezkulturnaya kommunikazia: Monografiya. — М.: Academia, 2003.
- [7] *Mikheeva N.F.* K voprosu o klassifikazii dialektov sovremennogo ispanskogo iazika // *Voprosy ibero-romanskoj filologii: Sb. statey. Vip. 7 (yubileyniy). Posviashaetsia 80-letiyu professora V.S. Vinogradova.* — М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. — S. 177—183.
- [8] *Narumov B.P.* Ispanskiy iazik // *Yaziki mira. Romanskie yaziki.* — М.: Academia, 2001. — С. 411—462.
- [9] *Russkaya dialektologiya* / Pod red. R.I. Avanesova y V.G. Orlovoy. — М., 1964.
- [10] *Stepanov G.V.* Tipologiya yazikovih sostoyaniy y situaziy v stranah romanskoj rechi. — М.: Nauka, 1976.
- [11] *Stepanov G.V.* O dvuh aspektah poniatya yazikovoy normi // *Metody sravnitelno-sopostavitelnogo izucheniya sovremennih romanskih yazikov* / Pod red. M.A. Borodinoy, M.S. Gurichvoy. — М.: Nauka, 1966. — S. 226—235
- [12] *Firsova N.M.* Yazikovaya variativnost y nazionalno-kulturnaya spezifika recheogo obcheniya v ispanskom yazike. М.: RUDN, 2000.
- [13] *Alvarez Nazario M.* Origenes del espanol en Puerto Rico ACIEA I, 1987.
- [14] *Barker G.C.* Social Functions of Language in a Mexican American Community. — Tucson: University of Arizona Press, 1972.

- [15] *Flórez L.* Del español hablado en Colombia. Bogotá, 1975.
- [16] *Heath S.B.* La política del lenguaje en México: de la colonia a la nación. — México: Instituto Nacional Indigenista, 1979. Pp. 271—279.
- [17] *Henríquez Ureña P.* El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central. — Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938.
- [18] *Lope Blanch J.M.* Algunos casos de polimorfismo fonetico en Mexico // Investigaciones. Mexico: UNAM, 1979b. — Pp. 97—111.
- [19] *Lope Blanch J.M.* Un caso de posible influencia maya en el espanol mexicano // Investigaciones. Mexico: UNAM, 1979a. — Pp. 41—53.

**TO THE QUESTION OF DIFFERENTIATION
OF LANGUAGE AND DIALECTS
(on the example of the spanish language)**

E.V. Karpina

Department of Foreign Languages
Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economy
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

The article looks into the question of peninsula Yucatan as a separate dialectic zone, functioning of dialect features of national variants of the Spanish language and their correlation to norm is considered.

Key words: bilingualism, interalternative dialectology, dialecticisms, Yucatec, Castilian language.

ФЕНОМЕН АГРЕССИВНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И АНГЛИЧАН

О.В. Маслова

Первый Московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова
ул. Трубецкая, 8/2, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена концептуальному анализу понятия «агрессивность» в русском и британском национальном варианте английского языка, основывающемуся на материале проведенного нами ассоциативного эксперимента в языковом сознании русских и англичан.

Ключевые слова: языковое сознание, лингвокультура.

Агрессия является объектом пристального внимания ряда гуманитарных дисциплин и особенно психологии, определяющей данное понятие как форму поведения, ориентированную на причинение вреда объекту, ср.: «агрессия — это такой тип поведения, который включает в себя намеренные обиды, оскорбления» [1. С. 28]. В настоящее время тема агрессии активно изучается лингвистикой, что в первую очередь обусловлено переходом от структурной к функциональной лингвистике, главным объектом исследования которой является человек, владеющий языком: его представления о правилах поведения, регулирующих речевое общение, о предмете речи, собеседнике. В связи с этим одна из главных проблем современной лингвистики состоит в поиске оптимальных средств речевого общения, которое актуализируется в термине «речевое/коммуникативное поведение» [3. С. 15; 6. С. 6; 7. С. 461]. Изучая данную проблему, исследователи анализируют как позитивные (вежливость, толерантность), так и негативные формы речевого поведения, к числу которых относится агрессия.

В условиях расширения межкультурных контактов участниками общения становятся представители разных культур, что ставит перед лингвистами новую задачу: сопоставление социокультурных норм и форм речевого и неречевого поведения, общепринятых в разных этнических обществах. Изучая речевое общение в контексте определенной культуры, исследователи выделяют два обуславливающих его фактора: 1) этническую ментальность представителей данной культуры (знания и оценка окружающего мира, представления о правилах коммуникативного поведения и т.п.) и 2) язык, отражающий культуру. Для обозначения взаимосвязи языка и культуры в лингвистике применяются такие ключевые термины, как «лингвокультура», определяемая как «видение мира сквозь призму языка» [2. С. 37], и «языковое сознание», под которым понимают «те особенности речевого общения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением и другими константными и переменными параметрами личности» [4. С. 465]. Таким образом, в процессе коммуникации выбор лексической единицы (а также ее значения) носителем языка обус-

ловлен рядом сопутствующих ему социальных (пол, возраст, род деятельности, уровень образования и культуры и др.) и психологических (эмоциональное состояние в процессе высказывания, знания и оценка предмета речи и др.) факторов. Основываясь на результатах проведенного нами ассоциативного анализа следующих единиц: прилагательного «агрессивный»/‘aggressive’, и словосочетаний «агрессивный человек»/‘aggressive person’ и «агрессивное поведение»/‘aggressive behavior’, — проследим далее оценочные критерии феномена агрессии как своеобразной формы коммуникативного поведения, присутствующие в языковом сознании русских и англичан. В нашем эксперименте участвовали 78 испытуемых: 50 русских и 28 представителей британской лингвокультуры.

Согласно полученным данным, на стимулы «агрессивный» и «агрессивный человек» большинство носителей русского языка указали лексему «злой» (33), подчеркивающую эмоциональное состояние субъекта. Помимо названной лексики, нами также было выделено большое количество реакций, указывающих на склонность субъекта к агрессивному эмоциональному состоянию, таких как: «неуравновешенный» (21), «вспыльчивый» (18), «не умеющий сдерживать негативные эмоции» (12), «раздражительный» (9), «эмоциональный» (9), «нервный» (9), «бешеный» (9), «нервозный» (9), «импульсивный» (9). Другая наиболее часто функционирующая в нашем эксперименте реакция на стимул «агрессивный» лексема «злой» (15), которая, в свою очередь, подчеркивает эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту — злоба.

Подобные ассоциации на два названных стимула были нами отмечены в языковом сознании англичан, на которые указывает единица ‘angry — разгневанный, раздраженный’, выделенная большинством испытуемых (28). При этом другие отмеченные нами реакции подчеркивают испытываемое субъектом чувство фрустрации, перерастающее в агрессивное состояние, ср.: ‘frustrated — испытывающий чувство фрустрации’ (4) и ‘that one letting the frustration become hostile to others — тот, кто позволяет испытываемому чувству фрустрации перерасти во враждебное чувство к другим’ (1). Помимо названных ассоциатов, нами также было зафиксировано большое количество единиц (33), которые характеризуют субъект по форме поведения: ‘militant — воинствующий’ (21), ‘combative — задиристый’ (10), ‘barbaric — варварский’ (1), ‘bellicose — воинственный’ (1).

В ответ на просьбу назвать примеры агрессивного поведения большинство представителей русской лингвокультуры (28) выделили лексему «драка», в основе значения которой лежит взаимное проявление агрессии субъектом и объектом. Аналогичные данной лексеме мы отметили ряд других реакций, такие как «ссора» (4), «конфликт» (3), «война» (3), «стычки» (1), «спортивные соревнования» (1). Помимо упомянутых лексем, большое число опрошенных (17) также отметили такие реакции, которые указывают на эмоциональное состояние субъекта, вызывающие агрессивное поведение, ср.: «раздражительность» (3), «ревность» (2), «зависть» (2), «приступы гнева» (2), «проявление злости» (1), «раздражение» (1), «когда человек не умеет спокойно решать проблемы» (1), «несдержанность» (1), «неуравновешенность» (1), «чувство бешенства» (1), «психическое состояние, при котором человек неадекватно себя ведет» (1), «возбудимость» (1). Ряд других наи-

более распространенных реакций (15), выделенных в нашем эксперименте, указывают на оценочное отношение объекта к обозначаемой форме поведения. К числу данных реакций мы относим единицы, которые, в свою очередь, различаются по следующим критериям: 1) эмоциональному состоянию объекта — «оскорбление» (6), «оскорбление по национальному признаку» (1), «обида» (1), «разочарование» (1), «раздражение других» (1); 2) физическому ущербу, испытываемому объектом в результате поведения субъекта — «причинение физического вреда» (1), «физическое насилие» (1), «физический контакт» (1), «издевательство над животными» (1) и 3) форме воздействия агрессором на поведение жертвы — «давление» (1).

В свою очередь, в качестве первого параметра оценки агрессивного поведения, выражаемого представителями британской лингвокультуры, выступает физический ущерб, причиняемый объекту, на который указывает лексема 'hitting — удар, поражение', выделенная большинством испытуемых (27). При этом второе место по частоте реакций на названное выше словосочетание занимает лексическая единица 'argument — спор' (25), обозначающая форму диалогической речи, направленную на утверждение каждым коммуникантом доминирующей позиции по отношению к другому, ср.: 'an angry disagreement between people/ ср.: ожесточенное разногласие между людьми' [8. С. 29]. Ряд других отмеченных нами реакций отражают этноспецифические черты агрессивного поведения в британской лингвокультуре, такие как 'advancing the other person's space — пересечение пространства другого человека' (4) и 'moving beyond what is acceptable — выход за пределы дозволенного' (1). В основе данных ассоциаций лежит такой оценочный критерий описываемого феномена, как личное пространство жертвы, на которое посягает субъект. В этом отношении агрессивное поведение расценивается представителями британской лингвокультуры как нарушение субъектом личной автономии объекта. Помимо названных единиц нами также было зафиксировано большое количество реакций, указывающих на следующие оценочные критерии обозначаемой формы поведения носителями: 1) ущербный результат, испытываемый объектом, 2) моральный оценочный критерий описываемого нами феномена и 3) эмоционально-оценочное отношение объекта к обозначаемой форме поведения. К первой группе мы относим следующие ассоциации (46): 'offensive — обидный' (23) и 'destructive — разрушительный' (23). Ко второй группе относятся такие реакции (33), как 'rude — грубый, невежливый' (25), 'impolite — невежливый' (7), 'that one who is not prone to communicate his or her needs in a good manner — тот, кто склонен выражать свои нужды в невежливой форме' (1). В третью группу мы относим следующие лексемы: 'loud — громкий, шумный' (22) и 'unpleasant — неприятный' (1).

Для более подробного анализа феномена агрессивности мы предложили испытуемым указать лексические единицы, противоположные по значению лексеме «агрессивный». Большинство представителей русской лингвокультуры выделили единицу «спокойный» (44), которая обозначает эмоциональное состояние субъекта. Подобная оценка указанного феномена подтверждается рядом других зафик-

сированных нами реакций в языковом сознании русских, указывающих на противоположные ему черты, в основе значения которых лежит чувство самообладания, ср.: «уравновешенный» (31), «сдержанный» (10), «терпеливый» (6), «умеющий контролировать свои эмоции» (2), «флегматичный» (1), «не теряющий самообладания» (1). Другие лексические единицы, выделенные в нашем эксперименте, обладают видовой семой «любовь», которая, в свою очередь, указывает на отсутствие обозначаемой черты у агрессора. При этом объектом любви выступают формы взаимоотношения («мир», «дружба»); человек, ср.: «миролюбивый» (15), «дружелюбный» (11), «человеколюбивый» (1).

Названные критерии, указывающие на эмоциональное состояние субъекта, прослеживаются в языковом сознании англичан, о чем свидетельствует наличие лексемы 'calm — спокойный', выделенной большинством испытуемых (26) в качестве противоположной единицы прилагательному 'aggressive.' Подобная форма оценки описываемого нами феномена представителями британской лингвокультуры подтверждается следующей единицей, зафиксированной в нашем эксперименте: 'relaxed — расслабленный' (1).

Для уточнения значения лексемы «агрессивный»/'aggressive' в языковом сознании русских и англичан мы выделили ряд антонимичных пар, которые позволили нам выявить более точное описание феномена агрессивности представителями двух названных лингвокультур. Так, в языковом сознании русских исследуемый нами феномен обладает такими оценочными критериями: 1) моральный критерий («злой» — «добрый», «плохой» — «хороший», «аморальный» — «гуманный»); 2) эмоционально-оценочный компонент обозначаемой формы поведения, выражаемый объектом («грубый» — «ласковый»/«нежный»/«милый», «жестокий» — «жалостливый», «громкий» — «тихий»); 3) склонность субъекта к агрессивному состоянию («вспыльчивый» — «сдержанный», «неуравновешенный» — «уравновешенный»); 4) форма личного отношения субъекта к другим («злобный» — «доброжелательный», «конфликтный» — «неконфликтный»); 5) форма поведения субъекта («нападающий» — «защитник», «адекватный» — «неадекватный», «замкнутый» — «коммуникабельный», «рассеянный» — «собранный»). В языковом сознании англичан феномен агрессивности обладает следующими оценочными критериями: 1) моральный критерий (impolite — polite 'невежливый — вежливый'); 2) форма личного отношения субъекта к другим (inconsiderate — considerate 'невнимательный — внимательный'); 3) уровень психической зрелости субъекта (unreasonable/ childish — reasonable 'неблагоразумный/детский — благоразумный').

В процессе проводимого нами интервью, в котором участвовали 58 информантов (35 русских, 23 англичанина), на вопрос «Считаете ли Вы англичан агрессивными?» большинство представителей русской лингвокультуры (возраст 27—35 лет) подчеркнули, что представителям каждого этноса свойственны негативные эмоции (раздражение, гнев и т.п.), обуславливающие агрессию. При этом один из информантов, аспирантка Московской государственной академии госслужбы по специальности «Экономист», возраст 27 лет, не считает англичан агрессивными,

на что указывают следующие отмеченные ею оценочные черты представителей данной этнокультуры: эмоциональная сдержанность, доброжелательное отношение к иностранным туристам (в частности, к русским); вежливость, проявляемая в готовности помочь другим. В свою очередь, представители более старшего поколения (возраст 65—68 лет), имеющие опыт общения с представителями британской этнокультуры, дают им противоположную оценку. Так, один из информантов (возраст 65 лет), преподаватель Московской государственной академии госслужбы, проживший в ирландской семье несколько месяцев, считает представителей данного этноса негостеприимными, что, по замечанию указанного информанта, проявляется в том, что с русских гостей взималась дополнительная плата за пользование коммунальными услугами (горячей водой). Другой информант названной выше категории, преподаватель Московского международного юридического института (68 лет), общавшийся с англичанами на конференции, отмечает, что представители британской этнокультуры склонны к конкуренции и соблюдают дистанцию во взаимоотношениях с русским. По наблюдениям данного информанта, первая оценочная черта проявляется в нежелании англичан делиться своим опытом работы, навыками и т.п. с иностранными (русскими) коллегами; вторая названная черта — в нежелании англичан поддерживать межличностные контакты с иностранными коллегами.

В свою очередь, на вопрос «Считаете ли Вы русских агрессивными?» (Do you think Russians aggressive?) представители британской лингвокультуры приписывают коммуникативному поведению русских такие черты, как прямолинейность (directness), назойливость (intrusiveness) и угрюмость (moodiness). Большинство информантов данной группы (восемь представителей английской этнокультуры, три — ирландской этнокультуры и два — шотландской этнокультуры) характеризуют первую названную выше черту русских императивной формой, выражающей просьбу: Give me some water/ср.: Дайте мне воды (вместо 'Would you give me some water?'/ср.: Вы не дадите мне воды?) и т.п. При этом два представителя английской этнокультуры (возраст 36 лет и 42 года) добавляют непосредственное замечание, наблюдаемое в коммуникативном поведении русских, которое прямо выражает оценочное суждение к адресату, например: 'Your sweater does not match with your trousers/ср.: Ваш свитер не идет под Ваши брюки,' 'This soup is undersalted/ ср.: Этот суп — недосоленный' и т.п. Один из информантов, представитель шотландской этнокультуры (49 лет), отмечает другую форму замечания, свойственную коммуникативному поведению русских, которое указывает на физическое состояние адресанта с целью модификации поведения адресата в свою пользу, ср.: 'It's cold here/ср.: Здесь холодно' (намек на просьбу, чтобы адресат включил обогревательный прибор). Подобные модели речевого поведения расцениваются представителями британской лингвокультуры как манипулятивный прием, модифицирующий поведение адресата в пользу адресанта. Как показывают наши наблюдения, самой распространенной формой, выражающей просьбу в британской лингвокультуре, является вопросительная форма, предполагающая заинтересованность адресанта в наличии возможности у адресата удовлетворить его желание,

ср.: 'Will you give me a glass of water?'/ср.: Вы не дадите мне стакан воды?' 'Do you think you could call me a doctor?'/ср.: (Как Вы думаете?) Вы не могли бы вызвать мне врача?' и т.п. Для выражения оценочного суждения собеседнику вместо акта замечания англичане предпочитают высказывать совет, который зачастую носит субъективный характер, например: 'I'd prefer to wear your sweater with jeans'/ср.: Я бы предпочел (предпочла) носить Ваш свитер вместе с джинсами', 'I'm not sure your suit fits you'/ср.: Я не уверен (на), что Ваш костюм Вам идет' и т.п. Назойливость русских, с точки зрения англичан, проявляется во вмешательстве адресанта в личную сферу адресата, в роли которого выступает незнакомый собеседник. Так, основываясь на личном опыте общения с представителями русской лингвокультуры, один из информантов, представитель английской этнокультуры (32 года), приводит следующий пример, иллюстрирующий подобную форму коммуникативного поведения: вопрос, касающийся личной автономии косвенного объекта (третьего лица), преподавателя колледжа: 'Is Dobbson a professor?'/ср.: Доббсон — профессор?' Ряд других информантов, один представитель румынской этнокультуры и один — ирландской этнокультуры, объясняют названую коммуникативную черту русских их склонностью пересекать границы личного пространства другого, в общественных местах (супермаркете, транспорте и т.п.): 1) «проталкивание» сквозь впереди стоящего человека (*pushing through a person standing ahead*) и 2) пересечение пути другого человека на очень близком расстоянии (*crossing another person way closely to him or her*). Таким образом, в британской лингвокультуре две формы поведения, наблюдаемые в коммуникативной культуре русских (прямолинейность и назойливость), предполагают нарушение адресантом личной автономии другого. Коммуникативная черта русских — угрюмость — была упомянута одним информантом, представителем ямайской этнокультуры (52 года), который описывает коммуникативное поведение представителей данной лингвокультуры следующим образом: 1) желание не всегда поддерживать диалог на межличностном уровне (в зависимости от эмоционального состояния) и 2) демонстрацию своих эмоций собеседнику. По результатам нашего анализа мы можем заключить, что агрессивность коммуникативного поведения расценивается представителями британской лингвокультуры по результату воздействия на межличностные взаимоотношения коммуникантов, а именно: 1) нарушение личной автономии адресата (осуществляемое за счет прямолинейного высказывания или назойливого поведения со стороны адресанта) и 2) фатической стороны общения, ориентированной на поддержание коммуникантами межличностного контакта.

Проведенный нами анализ позволил выделить следующие оценочные компоненты, составляющие феномен агрессивности как в языковом сознании русских, так и англичан: 1) враждебное состояние, 2) намерение субъекта, 3) взаимоотношения субъекта и объекта, 4) форма воздействия на эмоциональное состояние и поведение объекта, 5) физический ущерб, причиняемый объекту. В основе выделенных выше смысловых компонентов лежат два оценочных критерия, выражаемых представителями русской и британской лингвокультур к обозначаемой форме коммуникативного поведения: 1) моральный оценочный критерий (грубость, невежливость) и 2) эмоционально-оценочный критерий, выражаемый объ-

ектом (грубость, жестокость, неприятность). Ряд оценочных форм феномена агрессивности, выделенных в ассоциативном эксперименте представителями русской и британской лингвокультур, отражают этноспецифические черты предмета нашего исследования, к числу которых мы относим ниже-следующие ассоциаты: 1) эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту (враждебного характера), выделенное представителями русской лингвокультуры и 2) посягательство субъектом на личное пространство объекта, выделенное представителями британской лингвокультуры. Сравнивая параметры оценки анализируемого нами феномена в русской и британской лингвокультурах, следует отметить ниже-следующие базовые критерии оценки агрессивности коммуникативного поведения представителями двух названных лингвокультур: 1) в русской лингвокультуре агрессивность коммуникативного поведения расценивается с мотивационной стороны (проявление эмоционального состояния или межличностных взаимоотношений), 2) в британской лингвокультуре данный феномен расценивается по результату воздействия на межличностные взаимоотношения коммуникантов (нарушение личной автономии адресата или фатической стороны общения, ориентированной на подержание межличностного контакта).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Берковиц Л.* Агрессия: Причины, последствия и контроль. — М.: Наука и образование, 2012.
- [2] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997.
- [3] *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
- [4] *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. — М.: Наука, 1993.
- [5] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-ЗАПАД, 2010.
- [6] *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
- [7] *Швейцер А.Д.* Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [8] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge University Press, 2010.

LITERATURA

- [1] *Berkovitz L.* Agressia: prichiny, posledstviya I control. — M.: Nauka I obrazovaniye, 2012.
- [2] *Vorobyov V.V.* Linguokulturologia (teoriya I metody): Monografiya. — M.: Isd-vo RUDN, 1997.
- [3] *Kluyev E.V.* Rehevaya kommunikatsiya: Ucheb. posobiye dlya un-tov I in-tov. — M.: RI-POL KLASSIK, 2002.
- [4] *Nikitina S.E.* Ustnaya narodnaya kultura I yazykovoye soznaniye. — M.: Nauka, 1993.
- [5] *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya Linguistika. — M.: AST: Vostok-Zapad, 2010.
- [6] *Sternin I.A.* O ponyatii kommunikativnogo povedeniya. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. Un-ta, 1989.
- [7] *Shveytser A.D.* Sotsiolinguistika // Linguisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
- [8] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge University Press, 2010.

PHENOMENON OF AGGRESSIVENESS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH CONSCIOUSNESS

O.V. Maslova

I.M. Sechenov First Moscow state medical university
Trubetskaya, 8/2, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the conceptual analysis of the phenomenon 'aggressiveness' in Russian and the British national variant of English, based on the material of our associative experiment in the Russian and English consciousness.

Key words: language consciousness, linguistic culture.

ЙОГА КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

А.В. Михеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется проблема повышения стрессоустойчивости беременных женщин, выдвигается и подтверждается гипотеза о том, что йога является эффективной технологией повышения стрессоустойчивости беременных женщин.

Ключевые слова: йога, стресс, повышение стрессоустойчивости беременных женщин.

Стрессоустойчивость может быть определена как способность человека переносить большие физические и умственные нагрузки, успешно решать задачи в экстремальных ситуациях и сохранять здоровье в среде с плохой экологией и переменчивым психологическим климатом.

Сегодня проблема стрессоустойчивости становится все более актуальной в акушерстве, так как беременные женщины очень восприимчивы к различным изменениям в период беременности (Коваленко Н.П., 1996; Брехман Г.И., 1998). Дополнительные психологические нагрузки, которые ложатся на плечи беременной женщины, могут явиться повреждающими факторами как для беременной, так и для внутриутробного плода. Сохранение психического здоровья беременных и рожениц не менее важно, чем оказание специализированной акушерско-гинекологической помощи (Оганесян М.Г., 1997; Филиппова Г.Г., 1999; Брехман Г.И., 2000). У многих современных женщин беременность наступает уже в состоянии хронического стресса, поэтому очень важно, чтобы женщина во время наблюдения течения беременности у акушера-гинеколога могла также получать необходимые знания о своем психологическом состоянии и возможностях его самостоятельной коррекции. Однако разработанные в 1960—1970-е гг. методы психопрофилактической подготовки к родам сегодня не оказывают должного эффекта на беременную.

Течение любой беременности связано с амбивалентными психологическими переживаниями женщины. Если на особое состояние женщины, ожидающей ребенка, накладываются еще и психотравмирующие события, то течение беременности усложняется (Брутман В.И., 2000).

При этом постепенно возрастающее внимание к изучению особенностей психического состояния беременных женщин и увеличение роли психогенных факторов в возникновении психосоматических заболеваний привело к необходимости создания современного инструментария в виде комплексных психокоррекционных программ. Данные обстоятельства акцентируют внимание специалистов на необходимости совершенствования специализированной поддержки беременных (Мамышева Н.Л., 1995; Мальгина Г.Б., 1996; Рымашевский Н.В., 1990; Кочне-

ва М.А., 1990; Прохоров В.Н., 1996; Коваленко Н.П., 1998 и др.). Ранняя диагностика источников и проявлений психологического стресса, своевременная психокоррекция возникших состояний позволит предотвращать акушерские и соматические осложнения беременности, возникающие как последствия стресса.

Изученные литературные источники позволяют говорить о том, что психокоррекции стрессовых состояний беременных уделяется мало внимания, хотя при этом однозначно прослеживается связь между психологическим состоянием беременной женщины и ее физическим самочувствием. Следовательно, своевременная психокоррекция острого и хронического стрессов беременной, с научным методическим обоснованием, является важной актуальной проблемой сегодняшнего дня.

При этом психотехнологии йоги, которые являются когнитивным механизмом, обеспечивающим содержательную взаимосвязь, интеграцию всех структурных компонентов личности, как фактор стрессоустойчивости к настоящему времени изучены недостаточно. Специально не исследовалось влияние йоги на процессы стрессоустойчивости беременных женщин.

Объективная необходимость решения указанной проблемы и недостаточные знания о влиянии йоги на стрессоустойчивость беременных женщин обуславливают научную актуальность данного направления исследования.

По мнению многих современных авторов, йогические практики приводят к позитивным психотерапевтическим результатам.

Так, Эберт Дитрих в своем исследовании «Физиологические аспекты йоги» пишет: «Йогические практики приводят к таким психотерапевтическим результатам, как рост самосознания, повышение устойчивости к стрессу, снижение уровня страха» [16].

Ротенберг В.С. отмечает, что занятия йогой характеризуются преобладанием высокоамплитудного альфа-ритма на электроэнцефалограмме головного мозга [10].

Исследования Ханса Бергера также установили, что во время практик йоги правое полушарие мозга выдает спонтанную электрическую активность в виде электромагнитных волн — альфа-ритм, что соответствует состоянию покоя и расслабления [7].

Следует подчеркнуть, по психологическим критериям, альфа-ритм — отнюдь не дремота, а весьма активная, хотя и очень своеобразная деятельность мозга, во время которой решаются серьезные психологические проблемы личности создаются условия для активного управления всей внутренней средой организма [11].

Отметим, что двигательные и дыхательные практики йоги совершаются в состоянии медитации — сосредоточения на ощущениях.

В зарубежной литературе отмечается, что с помощью медитативных практик успешно излечиваются заболевания, причины которых коренятся в психическом напряжении: наркотическая зависимость, различные мании, страхи и фобии, бронхиальная астма, стенокардия, снижение сопротивляемости стрессам, бессонница [18—20].

В подтверждение вышесказанному хочется упомянуть основанный на действии упражнений йоги (асан, дыхательных упражнений и концентрации) релаксационный комплекс, разработанный кафедрой физиологии и психофизиологии Иркутского государственного университета [21].

Данный комплекс используется для профилактики и лечения неврозов, нарушений сна, тревожных состояний. В основе данного комплекса лежит теория доминанты, основы которой были заложены русским ученым Ухтомским, подтвержденные современными нейрофизиологическими исследованиями.

Суть методики заключается в ослаблении доминантного очага — источника невротического состояния или депрессии и создания с помощью концентрации доминантного очага с положительной эмоциональной окраской, способного вывести нас из нежелательного состояния.

Таким образом, йога, оказывая седативный, релаксационный эффект, включая положительно окрашенную доминанту сознания, может являться эффективным методом повышения стрессоустойчивости беременных женщин.

Эмпирическим путем мы проверили данную гипотезу. Экспериментальная группа проходила 3-месячный курс йоги из 24 занятий, контрольная группа никаких занятий не посещала. Экспериментальная группа состояла из 87 человек. Возраст участниц группы составлял от 20 до 38 лет. Среднее значение по возрасту — 31,63. Социальный и профессиональный статус группы был не однородный — в группу входили женщины самых разных профессий и социального положения: менеджеры разного звена, предприниматели, студентки, домохозяйки, безработные, управляющие, офисные работники и др. У всех участниц группы наблюдалось нормальное физиологическое течение беременности, без осложнений.

Контрольная группа состояла из 90 человек. Возраст участниц группы составлял 18—35 лет. Среднее значение по возрасту — 27,4. Социальный и профессиональный статус контрольной группы также был разнообразный — в группу входили представительницы разных профессий и социального положения: владелицы крупного и малого бизнеса, работники социальной сферы, студентки, домохозяйки, безработные, управляющие, работники сферы образования, офисные работники и др. У всех участниц группы наблюдалось нормальное физиологическое течение беременности без осложнений.

До и после эксперимента обе группы были протестированы опросником диагностики стрессоустойчивости С.В. Субботина и личностным опросником (ЛиО) Шострома.

В обеих группах все показатели по ЛиО Шострома на уровне значения корреляции $p < 0,05$ продемонстрировали высокую степень корреляции с уровнем стрессоустойчивости по опроснику С.В. Субботина.

Для выявления значимости различий результатов до и после занятий йогой в обеих группах мы использовали критерий Вилкоксона для зависимых выборок.

В нижеследующих таблицах значимые различия на уровне $p < 0,05$ выделены затемнением.

Рассмотрим, как изменились результаты экспериментальной группы по опроснику стрессоустойчивости С.В. Субботина.

Таблица 1

Сравнение показателей стрессоустойчивости по тесту С.В. Субботина экспериментальной группы до и после занятий (в сырых баллах)

Экспериментальная группа	Среднее значение		p-уровень
	до занятий	после занятий	
Стрессоустойчивость	113,10	94,94	0,000000

Из табл. 1 видно, показатели стрессоустойчивости снизились. При этом p -уровень значимости различий по показателям стрессоустойчивости равен 0, т.е. меньше уровня значимости $p = 0,05$. Это свидетельствует о том, что изменение показателей произошло не случайным образом, а в результате оказанного воздействия.

Проанализируем изменение показателей экспериментальной группы по личностному опроснику Шострома.

Таблица 2

Сравнение показателей по ЛиО Шострома экспериментальной группы до и после занятий (в сырых баллах)

Экспериментальная группа	Среднее значение		p-уровень
	до занятий	после занятий	
Компетентность во времени	8,02	9,17	0,000000
Поддержка	43,44	50,61	0,000000
Ценностные ориентации	9,90	11,20	0,000000
Гибкость поведения	11,54	13,22	0,000000
Сензитивность к себе	5,80	6,75	0,000000
Спонтанность	6,44	7,36	0,000000
Самоуважение	7,28	8,10	0,000000
Самопринятие	9,63	11,13	0,000000
Представления о природе человека	5,08	5,75	0,000000
Синергия	3,38	3,87	0,000000
Принятие агрессии	7,66	8,57	0,000000
Контактность	9,79	11,14	0,000000
Познавательные потребности	4,91	5,62	0,000000
Креативность	6,05	7,03	0,000000

Как мы видим, после занятий показатели по всем шкалам повысились, что свидетельствует о повышении уровня стрессоустойчивости ввиду высокого отрицательного значения корреляции между показателями всех шкал ЛиО Шострома и показателем стрессоустойчивости по тесту С.В. Субботина.

При этом p -уровень значимости различий показателей по всем шкалам равен 0, т.е. меньше уровня значимости $p = 0,05$. Это свидетельствует о том, что изменение показателей произошло не случайным образом, а в результате оказанного воздействия.

Перейдем к анализу данных контрольной группы.

Рассмотрим, как изменились результаты контрольной группы по опроснику стрессоустойчивости С.В. Субботина.

Таблица 3

Сравнение показателей стрессоустойчивости по тесту С.В. Субботина контрольной группы в начале и конце эксперимента (в сырых баллах)

Контрольная группа	Среднее значение		p-уровень
	до занятий	после занятий	
Стрессоустойчивость	113,49	109,58	0,331207

Как видно из табл. 3, показатели стрессоустойчивости снизились, что свидетельствует о повышении уровня стрессоустойчивости ввиду обратной пропорциональной зависимости между уровнем показателя стрессоустойчивости и уровнем стрессоустойчивости.

При этом p -уровень значимости различий по показателям стрессоустойчивости равен 0,33, т.е. выше уровня значимости $p = 0,05$. Это означает, что различия между выборками статистически недостоверны. Следовательно, изменение показателей произошло случайным образом под воздействием случайных факторов.

Рассмотрим, какую динамику продемонстрировали данные контрольной группы по личностному опроснику Шострома.

Таблица 4

Сравнение показателей по ЛиО Шострома контрольной группы в начале и конце эксперимента (в сырых баллах)

Контрольная группа	Среднее значение		p-уровень
	до занятий	после занятий	
Компетентность во времени	8,38	8,40	0,882938
Поддержка	43,92	42,98	0,762910
Ценностные ориентации	10,01	10,17	0,783778
Гибкость поведения	11,84	11,76	0,674074
Сензитивность к себе	6,07	5,91	0,455382
Спонтанность	6,50	6,54	0,935148
Самоуважение	7,49	7,34	0,361764
Самопринятие	10,14	9,98	0,565504
Представления о природе человека	5,27	5,44	0,140127
Синергия	3,48	3,52	0,645270
Принятие агрессии	7,50	7,16	0,124146
Контактность	10,22	9,93	0,277541
Познавательные потребности	4,99	4,99	0,897128
Креативность	6,08	6,10	0,666484

Как мы видим, в рамках рассматриваемого теста отмечается хаотическое изменение уровня стрессоустойчивости. При этом p -уровень значимости различий по всем показателям выше уровня значимости $p = 0,05$. Это означает, что различия между выборками статистически недостоверны. Следовательно, изменение показателей произошло случайным образом под воздействием случайных факторов.

Суммируем результаты наших наблюдений. Как мы видим, в экспериментальной группе p -уровень значимости различий по всем показателям стрессоустой-

чивости равен 0, т.е. меньше уровня значимости $p = 0,05$. В контрольной группе p -уровень значимости различий по всем показателям стрессоустойчивости превышает уровень значимости $p = 0,05$.

Поскольку в экспериментальной группе величина вероятности случайного различия меньше уровня значимости, следовательно, различия между выборками не случайные. Это свидетельствует о том, что изменение показателей произошло не случайным образом, а в результате оказанного воздействия. Таким образом, мы доказали, что в экспериментальной группе стрессоустойчивость у испытуемых повысилась в результате прохождения курса йоги.

В контрольной группе все показатели продемонстрировали, что различия между выборками статистически недостоверны. Следовательно, изменение показателей произошло случайным образом под воздействием случайных факторов.

Мы доказали, что в экспериментальной группе стрессоустойчивость у испытуемых повысилась в результате прохождения курса йоги. Выдвинутая гипотеза о том, что йога является эффективной технологией повышения стрессоустойчивости беременных женщин, нашла свое подтверждение в материалах проведенного нами исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. — М., 2006.
- [2] Бодров В.А. Роль личностных особенностей в развитии психологического стресса // Психические состояния. Хрестоматия. — СПб., 2000.
- [3] Бодров В.А. Информационный стресс. — М., 2000.
- [4] Ветчанина Е.Г. Психологические состояния беременных женщин в условиях острого и хронического стресса и особенности их психокоррекции: Дисс. ... канд. психол. наук. — Томск, 2003.
- [5] Вознесенская Т.Г. // Русский медицинский журнал. — 2006. — Т. 14. — № 9.
- [6] Жмуров В.А. Большой толковый словарь терминов по психиатрии. — URL: <http://zhmurov.com>
- [7] Итоги № 7 / 401 (17.02.04).
- [8] Кэри Л. Купер, Филипп Дж. Дэйв, Майкл П. О'Драйсколл. Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение. — М., 2007.
- [9] Маклаков А.Г. Общая психология: Учебник для вузов. — СПб., 2007.
- [10] Ротенберг В.С. Психофизиологические аспекты изучения творчества. Художественное творчество: Сборник. — Л., 1982. — С. 53—72.
- [11] Ротенберг В.С. Образ «Я» и поведение. — URL: http://www.rjews.net/v_rotenberg/book.htm
- [12] Стресс жизни: Сборник / Составители: Л.М. Попова, И.В. Соколов (О. Грегор. Как противостоять стрессу. Селье Г. Стресс без болезней.). — СПб., 2000.
- [13] Суворова В.В. Психофизиология стресса. — М., 1975.
- [14] Тюпышева Э. Эмоциональный стресс и профилактика его последствий // Заря. — 2006. — № 117.
- [15] Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. — СПб., 2006.
- [16] Эберт Дитрих. Физиологические аспекты йоги. — Leipzig, 1999.
- [17] Эмоциональный стресс в условиях нормы и патологии человека. — М., 1976.
- [18] Hirai T. Zen-meditation therapy. Japan Publications, Inc., Tokyo 1975 HOENIG, J.: Medical research on Yoga. Conf. Psychiat. 11 (1968): 69.
- [19] Shapiro D.H. and Giber D. Meditation and psychotherapeutic effects. Arch. Gen. Psychiat. 35/3 (1978): 294.

- [20] *Sharfetter C.* Über Meditation. *Psychother. med. Psychol.* 29 (1979): 78.
[21] URL: http://www.medbio.isu.ru/kaf_fiz/yoga/index.html

LITERATURA

- [1] *Bodrov V.A.* Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie. — M., 2006.
[2] *Bodrov V.A.* Rol' lichnostnyh osobennostej v razvitii psihologicheskogo stressa // Psihicheskie sostojanija. Hrestomatija. — SPb., 2000.
[3] *Bodrov V.A.* Informacionnyj stress. — M., 2000.
[4] *Vetchanina E.G.* Psihologicheskie sostojanija beremennyh zhenshhin v uslovijah ostrogo i hronicheskogo stressa i osobennosti ih psihokorrekcii: Diss. kand. psihol. nauk. Tomsk, 2003.
[5] *Voznesenskaja T.G.* // *Russkij medicinskij zhurnal.* — 2006. — T. 14. — № 9.
[6] *Zhmurov V.A.* Bol'shoj tolkovyj slovar' terminov po psihiatrii. — URL: <http://zhmurov.com>
[7] *Itogi* №7 / 401 (17.02.04)
[8] *Kjeri L. Kuper, Filipp Dzh. Djejn, Majkl P.* O'Drajskoll Organizacionnyj stress. Teorii, issledovanija i prakticheskoe primenenie. — M., 2007.
[9] *Maklakov A.G.* Obshhaja psihologija: Uchebnik dlja vuzov. — SPb., 2007.
[10] *Rotenberg V.S.* Psihofiziologicheskie aspekty izuchenija tvorcestva. Hudozhestvennoe tvorcestvo. Sbornik. — L., 1982 C. 53—72.
[11] *Rotenberg V.S.* Obraz «Ja» i povedenie. — URL: http://www.rjews.net/v_rotenberg/book.htm
[12] *Stress zhizni: Sbornik / Sostaviteli: L.M. Popova, I.V. Sokolov (O. Gregor. Kak protivostojat stressu. Sel'e G. Stress bez boleznej.)* — Spb., 2000.
[13] *Suvorova V.V.* Psihofiziologija stressa. — M., 1975.
[14] *Tjupysheva Je.* Jemocional'nyj stress i profilaktika ego posledstvij // *Zarja.* — 2006. — № 117.
[15] *Shherbatyh Ju.V.* Psihologija stressa i metody korrekcii. — SPb., 2006.
[16] *Jebert Ditrh* Fiziologicheskie aspekty jogi. — Leipzig, 1999.
[17] *Jemocional'nyj stress v uslovijah normy i patologii cheloveka.* — M., 1976.
[18] *Hirai T.* Zen-meditation therapy. Japan Publications, Inc., Tokyo 1975 HOENIG, J.: Medical research on Yoga. *Conf. Psychiat.* 11 (1968): 69.
[19] *Shapiro D.H. and Giber D.* Meditation and psychotherapeutic effects. *Arch. Gen. Psych-ist.* 35/3 (1978): 294.
[20] *Sharfetter C.* Über Meditation. *Psychother. med. Psychol.* 29 (1979): 78.
[21] URL: http://www.medbio.isu.ru/kaf_fiz/yoga/index.html

YOGA AS A METHOD OF INCREASING RESISTANCE TO STRESS OF PREGNANT WOMEN

A.V. Mikheeva

The Russian University of People's Friendship
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article investigates the problem of increasing resistance to stress of pregnant women, and put forward the hypothesis that yoga is an effective technology for improving resistance to stress of pregnant women.

Key words: yoga, stress, increasing resistance to stress, pregnant women.

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕМАТИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

Л.В. Моисеенко

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

Статья посвящена использованию культурных кодов эпохи в качестве дискурсивной стратегии тематизации коммуникативного пространства рекламного сообщения и рематизации представляемого на этом фоне товара (услуги). Национально-культурные знаки в полимодальном дискурсе рекламного сообщения подчиняются правилам семиотического кодирования и являются частью метадискурсивного механизма, позволяющего создать персуазивный текст в рамках информационной оболочки.

Ключевые слова: рекламное сообщение; национально-культурные знаки; прецедентные тексты; паремии; стереотипы; персуазивность.

Знание ценностных установок целевой аудитории и внедрение их в структуру рекламного текста является обязательным условием для создания успешного рекламного сообщения. Рекламодатель обычно не представляет указанные ценности эксплицитно, а делает это в форме так называемой скрытой коммуникации, семиотических манифестаций на имплицитном уровне. Лингвисты в таком случае говорят не только об информативной (денотативной), но и об усиленной коннотативной функции [7]. Рекламный текст, традиционно анализируемый как суггестивный знак и средство манипулирования общественным сознанием [2], позволяет выделить структуры, способные к формированию дополнительных смысловых оттенков на ассоциативном сочетании. В данной статье рассмотрены три разновидности подобных структур (национально-культурных знаков) — прецедентные тексты, паремии, стереотипы.

1. Прецедентные тексты. Строки из молитвы «Отче наш» («Padrenuestro») *Dáanos hoy nuestro pan de cada día — Хлеб наш насущный даждь нам днесь* — в последнее время переосмыслены в разного рода дискурсах. Так, в публицистическом дискурсе эти слова приобрели значение «жизненная необходимость», «неоспоримый факт», например: *Televisión, pan nuestro de cada día; La tentación es el pan nuestro de cada día; Violación: pan de cada día en las noticias; la creación de un estado vigilante y militarizado y todo tipo de corrupción que ya parecen ser el pan de cada día.*

Новое значение слов молитвы предлагает религиозная реклама Библии (рис. 1): *Библия должна быть хлебом насущным на каждый день, а не пирожным по особым случаям.*

Рис. 1

В любовной лирике слова о хлебе насущном также используются в метафорическом значении, например: *Ты мое солнце, ты мой хлеб насущный, ты мое благословение, ты моя религия.*

Рис. 2

Слова молитвы используются в рекламе хлебобулочной продукции (рис. 3, 4, 5) и в названии булочных (рис. 6). В Москве также есть кафе названием «Хлеб насущный».

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Функцию нарушения ожидаемого кода в рекламе можно продемонстрировать на рис. 7. Здесь изображена семья за трапезой, которая благодарит бога (al Señor) за хлеб насыщенный, на что повар, присутствующий на заднем плане, отвечает: «Не за что» (De nada). Рекламное сообщение заставляет читателя проникать в структуру его значений, расшифровывая его языковые знаки. Так, вовсе лишаются сакральности слова молитвы, когда вместо мольбы о хлебе появляется реклама пива: *Пиво наше насыщенное дай нам сегодня!* (рис. 8).

Рис. 7

Рис. 8

Всем школьникам Испании и Латинской Америки известны строки из поэмы испанского поэта Густаво Адольфо Беккера (Gustavo Adolfo Bécquer, 1836—1870):

Volverán las oscuras golondrinas
de tu balcón sus nidos a colgar,
y otra vez con el ala a tus cristales,
jugando llamarán.

Будут ласточки по весне опять
Под твоим балконом гнездо свивать
И, играя, шума под твоим окном,
Постучат в стекло смоляным крылом.
(Перевод: Роза-Мари)

Несомненно, поэма *Volverán las oscuras golondrinas* является прецедентным текстом для испаноязычного мира. Ср., например, название отчета НПО SEO/BirdLife о депопуляции пернатых в различных биоклиматических зонах Испании:

No volverán las oscuras golondrinas

La golondrina común (*Hirundo rustica*) es una de las especies que más ha descendido en España. Los estudios que SEO/BirdLife realiza desde 1998 sobre la abundancia y distribución de las especies de aves en España muestran un descenso general de las especies ligadas a medios agrícolas. El declive tiene que ver con cambios drásticos y rápidos en el medio como la agricultura intensiva, la desaparición de la ganadería extensiva y el abandono rural, junto al uso de productos químicos y actividades cinegéticas no controladas.

Этот же прецедентный текст использован в рекламе фирмы Gallina blanca (1943): *Volverán las oscuras golondrinas y hallarán Gallina blanca en las cocinas* — Темные ласточки вернутся и обнаружат на кухне «Белую Курицу» (рис. 9).

Рис. 9

Рис. 10

2. Паремии. Испанская пословица *más vale tard equé nunca* — *Лучше поздно, чем никогда* — использована в рекламе Управления по транспорту (1970), которая призывает к снижению скорости (рис. 10); *Al pájaro se le conoce por el vuelo* — *Птица видна по полету* — пословица, использованная в рекламе автомобиля [1]. Приведенные пословицы, являясь тематической рамкой для рекламного сообщения, образуют рекламные слоганы, направленные на представление нового продукта (услуги) — ремы. С целью выделения продвигаемой марки, ее отличия от других подобных в этом сегменте рынка в американском рекламоведении предписывается строить заголовки и подзаголовки таким образом, чтобы читатель находил в них нечто уже встречавшееся, знакомое. Для этого рекомендуется использовать в заголовках аллитерацию, популярные речения (slogans), а в подзаголовках — пословицы и поговорки, параллелизм конструкций и т.д. [3]. Перечисленные языковые средства формируют имплицитное поле персуазивности.

3. Стереотипы. Рассмотрим функционирование стереотипов в рекламе на примере этномима *sueco* и фразеологизма *hacerse el sueco*, который означает “*desentenderse de algo o fingir que no se oye, ve o entiende*” [5], “*desentenderse de una cosa; fingir que no se entiende*” [6] — *не понимать что-либо, притворяться, делать вид, что не видит, не слышит* (рис. 11), например: — ¡Abre! Sé que estás ahí, te oigo. — No abro porque no me da la gana. Mejor *hacerse el sueco* ante visita sin esperadas. Этот фразеологизм существует в ряде латиноамериканских стран — на Кубе, в Чили (в литературном языке, на телевидении). В Центральной Америке в подобном значении используется ФЕ *hacerse el gringo* — букв. *притворяться американцем*.

В рекламном сообщении на рис. 12 разрушается фразеологизм, а вместе с ним и стереотип: *En Nájera vendiendo muebles no nos hacemos los suecos* — *Продажа мебели в Нахера. Мы не делаем вид, что ничего не понимаем*. На разрушении стереотипа рекламодатель строит убеждение клиента в своем профессионализме.

Рис. 11

Рис. 12

Со Швецией, а именно со шведками в Испании связан еще один стереотип — *el mito de las suecas*. В 1956 г. в Испанию начали прибывать первые туристы из скандинавских стран. Туристок из Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции называли одним именем — “las suecas”. Прибывающие на испанские пляжи las suecas, воспитанные в иных социальных и культурных традициях, стали мечтой о свободе для франкистской Испании. Журналы того времени пишут: *Ya, ya... Llegaron las suecas... Las playas infectadas de suecas... Y se pegan al pellejo como el petróleo pero no manchan* — шведки уже прибыли... пляжи заражены шведками... они липнут к коже, как нефть, только не пачкают. Шведками — уйду от тебя к шведке — пугают своих жен испанские мужчины: *Si un marido quería increpar a su mujer la decía “pues me voy con una sueca”*. О шведках снимают фильмы, например: *Tres suecas para tres Rodríguez* — Три шведки на трех сезонных холостяков (рис. 13). Стереотип о том, что шведы приезжают в Испанию только на пляж, разрушается в рекламе шведского мебельного концерна Икеа: *Por fin, unos suecos que no vienen a tomar el sol* — Наконец-то, вот шведы, которые приехали не загорать (рис. 14). Отрицание стереотипа должно убедить адресата в предприимчивости и серьезности менеджеров концерна Икеа.

Рис. 13

Рис. 14

Следующая реклама также построена на отрицании стереотипа.

En España, volver antes de las 3 no es salir. Es ir a cenar — в Испании возвращаться домой раньше трех часов ночи — это ходить не на тусовку, это ходить поужинать. Разрушая стереотип, рекламодатель рекламирует Макдоналдс, открытый круглосуточно, — *abierto 24 horas*.

Рис. 15

Иногда реклама отходит от своего маркетингового предназначения. Так, испанская реклама отмечена случаем, когда рекламный образ стал национальным и политическим символом. Речь идет о рекламе испанского бренди “Veterano” Торгового дома Osborne. Изображение боевого быка (дизайнер Manolo Prieto) появилось на этикетках бренди (рис. 16) и рекламных щитах (рис. 17) на автострадах (1958). После запрещения рекламы вдоль дорог (1988, 1994) в Испании развернулось движение за сохранение фигур быка Осборна, за признание его культурным и художественным символом страны — *símbolo cultural y artístico* [11]. Сегодня товарный знак используется как символ страны [4] в сувенирной продукции (рис. 18).

Рис. 16

В кинематографической продукции в фильме режиссера Х.Х. Бигаса Луны “Jamón, jamón” (1992) с участием Пенелопы Крус и Хавьера Бардема бык Осборна символизирует собой страстность (рис. 19).

Рис. 17

Рис. 18

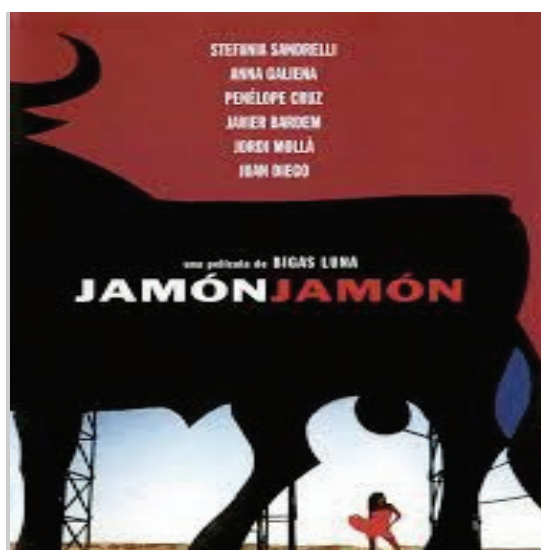

Рис. 19

Рис. 20

Изображение быка Осборна на фоне цветов национального флага (рис. 20) используется болельщиками на спортивных состязаниях и военнослужащими Испании при выполнении интернациональной миссии. Бренд в настоящее время ассоциируется с национальной идентичностью и является предметом борьбы региональных националистов. Так, каталонские сепаратисты несколько раз сбивали быка Осборна (2002, 2003, 2007, 2008, 2009), установленного в Эль-Бруке: «Мы очистили священную гору Монсеррат от испанской рогатой нечисти» — так оценили свой акт радикалы из Каталонского братства «Черное знамя».

Resucita *el último toro de Osborne en Cataluña*. Un grupo de amigos levanta la mítica valla, que había sido tumbada por unos radicales: “Es muy absurdo que se mezcle el toro con la política”. Entonces, los radicales de la Germandat Catalana La Bandera Negra, en la órbita de Unió Nacional Catalana, justificaron el sabotaje así: “Hemos limpiado la sagrada montaña de Montserrat de la inmundicia cornuda española que pretendía ensuciarla” [9].

“Cada vez que un símbolo español sea alzado, será abatido sin contemplaciones por los patriotas catalanes como muestra de nuestra voluntad irreductible de defender a ul-

tranza nuestros derechos nacionales”, han afirmado los miembros de esta enigmática hermandad — Всякий раз, когда будет воздвигнут испанский символ, он будет немедленно низвержен в знак нашей несокрушимой воли отстаивать до последнего наши национальные права.

Acto vandálico. Vuelven a derribar *el toro de Osborne de El Bruc*

Jóvenes independentistas cortan los cuernos *al toro de Osborne de Son Real*

Con este hecho pretenden denunciar la “dominación” del Estado español a la que se ven “sometidos” algunos territorios como Mallorca.

Manifiesto contra los “símbolos españolistas”

Un grupo no identificado ha enviado a la Agencia Efe un “Manifiesto contra los símbolos españolistas” que rechaza el intento del Gobierno de “subyugar” la nación catalana, y afirma que el acto contra *el toro de Osborne* es una acción contra “el símbolo estrella del anticatalanismo más rancio”. El manifiesto finaliza con un “Visca la Terra”, y añade: “No a la simbología española en nuestras comarcas”.

Историю развития товарного знака «бык Осборна» хорошо иллюстрируют слова Н. Эрнандес Флорес, о том, что каждый товар приобретает дополнительную символическую нагрузку. Речь идет уже не только о продаже товара, но и о формировании новых культурных моделей, социальных и даже идеологических ценностей — De ahí que cada producto asuma una carga simbólica y que se pretenda ya no vender un bien comercial, sino imponer nuevos modelos culturales, valores sociales e incluso ideológicos [8].

Таким образом, реклама, способствуя продаже товаров и услуг, оказывает влияние на жизнь общества, отражая его основные ценности. Национально-культурные знаки переносят потребителя в мир социальных ценностей, ассоциирующихся с маркой товара. Испанская реклама характеризуется повышенным уровнем символичности и эмоциональности, обусловленным привлечением прецедентных текстов, паремических средств языка, разрушением стереотипов. Эти языковые средства способствуют тематизации коммуникативного пространства рекламного сообщения, создавая имплицитное поле персудазивности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архипова С.А.* Особенности испанской рекламы на телевидении (на материале пиренейского национального варианта испанского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2012.
- [2] *Гаран Е.П.* Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2009.
- [3] *Сычев О.А.* Филологический анализ американской рекламы // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. — М.: Наука, 1990. — С. 96—108.
- [4] *Халимов О.* Toro de Osborne. Товарный знак, ставший символом Испании. — URL: blogspot.ru/2012/08/toro-de-osborne.html#!/2012/08/toro-de-osborne.html
- [5] *Clave — Maldonado González C., García Márquez G.* Clave: Diccionario de uso del español actual. — Madrid: Ediciones Sm, 2006.
- [6] *DRAE — Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española.* — 22 ed. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2003.

- [7] Ferraz Martínez A. El lenguaje de la publicidad. — Madrid: Arco Libros, S.L., 1996.
- [8] Hernández Flores N. Actividades de imagen, identidad e ideología en la publicidad editorial impresa // Poch D., Alcoba S. (eds.). Cortesía y publicidad. — Barcelona: Ariel Letras, 2011. — P. 79—98.
- [9] Marín H. Resucita el último toro de Osborne en Cataluña. — URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2008/05/31/espana/1212228018.html>
- [10] Toro de Osborne — URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Toro_de_Osborne
- [11] Quílez R. El toro de Osborne, de ícono publicitario a símbolo de la España cañí. — URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2007/01/23/comunicacion/1169557115.html>

LITERATURA

- [1] Arkhipova S.A. Osobennosti ispanskoj reklami na televideenii (na materiale pireneyskogo natsionalnogo varianta ispanskogo yazika: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — M., 2012.
- [2] Garan E.P. Linguokulturologicheskie aspekti interpretatsii reklamnogo diskursa (na materiale russkogo y angliiskogo yazikov: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Rostov-na-Donu, 2009.
- [3] Sichev O.A. Filologicheskiy analiz amerikanskoy reklamy // Rechevoe vozdeistvie v sfere massovoy kommunikatsii. — M.: Nauka, 1990. — P. 96—108.
- [4] Khalimov O. Toro de Osborne. Tovarny znak, stavshiy simvolom Ispanii. — URL: ov.blogspot.ru/2012/08/toro-de-osborne.html#!2012/08/toro-de-osborne.html
- [5] Clave — Maldonado González C., García Márquez G. Clave: Diccionario de uso del español actual. — Madrid: Ediciones Sm, 2006. — 2048 p.
- [6] DRAE — Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española. — 22 ed. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2003.
- [7] Ferraz Martínez A. El lenguaje de la publicidad. — Madrid: Arco Libros, S.L., 1996.
- [8] Hernández Flores N. Actividades de imagen, identidad e ideología en la publicidad editorial impresa // Poch D., Alcoba S. (eds.). Cortesía y publicidad. — Barcelona: Ariel Letras, 2011. — P. 79—98.
- [9] Marín H. Resucita el último toro de Osborne en Cataluña. — URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2008/05/31/espana/1212228018.html>
- [10] Toro de Osborne — URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Toro_de_Osborne
- [11] Quílez R. El toro de Osborne, de ícono publicitario a símbolo de la España cañí. — URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2007/01/23/comunicacion/1169557115.html>

DISCURSIVE STRATEGIES FOR THEMING THE COMMUNICATIVE SPACE OF ADVERTISING MESSAGE

L.V. Moiseenko

Moscow State linguistic university
Ostozhenko str., 38, Moscow, Russia, 119992

The paper reports on application of epochs' cultural codes as discursive strategies for theming the communicative space of advertising message and rheming goods (services) provided against the background. National-cultural signs in multimodel advertising discourse are subject to semiotic coding rules and are part of the metadiscursive mechanism enabling to create a persuasive text within an information shell.

Key words: advertising message; national-cultural signs; precedent texts; paremia; stereotypes; persuasiveness.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ ПРОГРАММ ИСПАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

И.В. Смирнова

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Речевые манипуляции представляют собой вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к возникновению у другого человека намерений, не всегда совпадающих с его собственными желаниями. Персуазивность является тем психологическим средством, которое убеждает адресата принять сторону адресанта-манипулятора.

Ключевые слова: политическая партия, партийная программа, речевые манипуляции, коммуникативная стратегия, персуазивность.

«Слово имеет большую силу воздействия на людей... Силу слов высоко ценят те, кто, понимая народную психологию, многие свои идеи доводит до сознания людей наикратчайшим способом, используя гибкость языковых выражений» [1]. В лингвистике эта «сила слов» нашла свое выражение в термине «персуазивность».

Под персуазивностью понимается определенное воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в справедливости своих суждений, призыва к совершению или несвершению им определенных действий [2]. Соответственно, любое речевое действие, нацеленное на то, чтобы вызвать определенное отношение (действие) реципиента, может быть названо персуазивным.

При изучении речевого воздействия важнейшим является понятие стратегии. Коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, диктуемое практической целью отправителя сообщения. Коммуникативная стратегия предполагает отбор фактов и подачу их в определенном освещении, обуславливает подбор и использование языковых средств.

С этой точки зрения большой интерес представляют тексты программ ведущих испанских политических партий (Испанской социалистической рабочей партии — ИСРП и Народной партии — НП).

Особым средством манипулирования сознанием в текстах программ обеих партий является использование форм пассивного залога (*voz pasiva*). Как известно, пассивные конструкции интересны сменой субъекта и объекта действия. Таким образом, смещается акцентирование в смысле фразы. Более того, пассивные конструкции позволяют избежать называния деятеля, что автоматически снимает ответственность за то или иное действие.

Los problemas de salud... dan lugar en numerosos casos a problemas funcionales y sociales que deben *ser abordados* conjuntamente. — Вопросы в области здравоохранения ... чаще всего порождают функциональные и социальные проблемы, которые *должны решаться* коллегиально [9. С. 156].

La única y verdadera paz posible vendrá cuando *sea derrotado* el terrorismo. — Настоящий мир возможен только тогда, когда *будет уничтожен* терроризм [8. С. 98].

Приведенные примеры представляют собой классические случаи употребления пассива с целью избежать названия агента действия и представить ситуацию как очевидную и общеизвестную.

Одной из основных задач ИСРП и НП является борьба против нелегальной иммиграции, за интеграцию иммигрантов в испанском обществе, поэтому употребление **антропоцентризмов** «иммигранты», «иностранцы» и т.д. одинаково часто встречается в программах обеих партий:

ИСРП 2008, 2011

Extranjeros
Иностранцы
Inmigrantes
Иммигранты
Colectivos de inmigrantes
Группы иммигрантов
Los que residen regularmente en España
Те, кто постоянно проживают
в Испании
Trabajadores extranjeros
Иностранные рабочие
Extranjeros residentes
Проживающие (в Испании)
иностранцы

НП 2008, 2011

Inmigración
Иммиграция
Inmigrantes
Иммигранты
Extranjeros
Иностранцы
Nacionales de otros estados, procedentes
de otros países
Выходцы из других стран

Отметим, что как ИСРП, так и НП используют словосочетания «la protección de los menores» (защита детей) [7; 9], «educación de calidad» (качественное образование) [8; 10], и можно говорить о формировании **политического клише**. Политические клише целенаправленно используются для того, чтобы в сознании адресатов создавались определенные языковые стереотипы. Под стереотипом мы понимаем «некоторую структуру ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в его национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей...» [3. С. 118]. В.А. Маслова отмечает, что стереотип позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой — проявить себя «своим» и одновременно опознать «своего» [3. С. 122]. Так, используя широко принятые в испанском обществе позитивные стереотипы, Народная партия и Испанская социалистическая рабочая партия стараются убедить общественность в том, что они заслуживают доверия.

ИСРП

Nuestro objetivo es *proteger a los menores* en situación de riesgo: preferir el acogimiento familiar a la entrada en institución [9. С. 116]. — Наша задача — *защитить детей* в си-

туации риска: отдать предпочтение усыновлению, а не помещению ребенка в соответствующее учреждение.

Reforzar las garantías de *una educación de calidad* es uno de nuestros objetivos [10. С. 120]. — Обеспечить гарантии *качественного образования* является одной из наших задач.

НП

Asumimos entre nuestros principios que la política de familia responda siempre al interés del menor... Promoveremos y cooperaremos en la construcción de centros de *protección de menores* [7. С. 125]. — Наша принципиальная позиция состоит в том, что семейная политика всегда должна отвечать интересам ребенка... Мы примем активное участие в создании центров *защиты детей*.

Nuestro propósito es *educación de calidad* para todos [8. С. 127]. — Наша цель — предоставление всем *качественного образования*.

Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и очевидных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных феноменов; его полное восприятие возможно только в дискурсе с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры. Когнитивную базу лингвокультурного общества формируют инварианты представлений о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимизированном, редуцированном виде. Под когнитивной базой при этом понимается определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного общества. Важной особенностью «культурных предметов», хранящихся в когнитивной базе, является именно их общенациональный характер. Именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер, позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам [4. С. 65].

Состав когнитивной базы формируют *прецеденты* в широком смысле, под которыми понимаются образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, а воспроизводится. В таком широком понимании прецедентов в них включаются языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры и другие единицы. Прецедент в данном значении представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [4. С. 65], значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума.

Внутри прецедентов в широком понимании выделяется особая группа прецедентов, которые называются *прецедентными феноменами*. Основным отличием прецедентных феноменов от прецедентов иных типов является то, что первые оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных «культурных предметов», национально детерминированными минимизированными представлениями последних, другими словами, прецедентные фено-

мены — это особая группа вербальных и вербализуемых феноменов, относящихся к национальному уровню прецедентности [4. С. 66].

Отметим использование авторами программ ИСРП (2008) прецедентной ситуации «вывод испанских войск из Ирака»: *Ordenamos el regreso inmediato de nuestras tropas en Irak*. — Мы распорядились о немедленном выводе наших войск из Ирака. Речь идет о срочном выводе войск из Ирака сразу после победы ИСРП на выборах 2004 г. после теракта на вокзале Аточа в Мадриде 11 марта 2004 г., когда у власти находилась НП.

Авторы программы Народной партии, в свою очередь, используют прецедентную ситуацию «теракт 4-го терминала в аэропорту Барахас 31 декабря 2006 года, организованный баскской группировкой ЭТА»: *Se dijo que se había roto la negociación tras el atentado de la T-4* [7. С. 56]. — Сообщалось, что были прекращены переговоры после теракта Т-4.

В предвыборных программах ИСРП и НП в 2011 г. по вполне понятным причинам в качестве прецедентного феномена выступает мировой финансовый кризис, что, соответственно, отражено в текстах их программ:

La crisis financiera mundial iniciada en 2008 se ha transformado en los últimos tres años en una dura crisis económica de carácter real, con destrucción de empleo y cierre de empresas [10. С. 35]. — Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, в последние три года превратился в реально *тяжелый экономический кризис*, последствиями которого стали сокращение рабочих мест и закрытие предприятий.

España necesita un cambio. Los españoles estamos padeciendo una crisis sin precedentes [8. С. 28]. — Испании нужны перемены. Мы, испанцы, ощущаем на себе всю тяжесть *беспрецедентного кризиса*.

Приведем пример наднационального прецедентного феномена. Согласно Е.И. Шейгал, языковое существование мифа имеет статус прецедентного феномена. Под мифом в политическом дискурсе понимаем «принимаемые на веру определенные стереотипы массового сознания» [5]. Миф является продуктом спонтанного коллективного творчества; обязательное условие его существования — широкая поддержка общественного мнения. Значимость мифа в политической коммуникации связана с фантомностью политического сознания, а также с тем, что политика основана не столько на интеллектуальных концепциях, сколько на пропаганде. Политический миф тесным образом связан с идеологией, которая насаждает господствующую систему ценностей, отраженную в семантике мифологем [5]. Выражение *Estado del Bienestar*, используемое обеими партиями в 2008 и 2011 г., в скрытой форме внушает адресату, что в случае их прихода к власти у всех испанцев наступит всеобщее благосостояние.

Политики любят говорить о чрезвычайных событиях и критических ситуациях, якобы грозящих народу катастрофическими последствиями. Любое неблагополучие в стране квалифицируется как важная проблема и раздувается. Особенно часто такой прием используют оппозиционные партии, в частности Народная партия:

España es hoy un país más inseguro. Al incremento de los delitos hay que añadir la aparición de nuevas formas delictivas [7. С. 73]. — Сегодня Испания очень *небезопасная* страна. К росту *преступности* следует добавить новые формы ее проявления.

Delitos como los secuestros exprés, los asaltos a viviendas familiares, la pornografía infantil a través de Internet, son hoy una realidad en aumento en nuestro país [8. С. 60]. — Такие *преступления*, как внезапные *похищения людей, нападения на жилища, детская порнография* в Интернете, сегодня являются реальными фактами, которых становится все больше в нашей стране.

Метафора играет особую роль в политической картине мира. Политическая метафора несет в себе *оценочную нагрузку*, а ее основной задачей является формирование необходимого отношения адресата к заданной теме посредством оказания эмоционально-психологического воздействия (эмотивности) [6].

Отметим, что как правящая, так и оппозиционная партия активнее всего используют метафору *войны, борьбы, дуэли*:

ИСРП 2008, 2011

Luchar contra la irregularidad. —
Бороться с нарушениями.

La lucha contra la inmigración clandestina. —

Борьба с нелегальной иммиграцией.

Custodiar y controlar nuestras fronteras exteriores. —

Охранять и контролировать наши внешние границы.

La lucha internacional contra el terrorismo. —

Международная *борьба с* терроризмом.

La lucha contra el cambio climático. —
Борьба с изменением климата.

НП 2008, 2011

Queremos dar respuesta a estos *desafíos*. —
Мы хотим дать ответ подобным *вызовам*.

La defensa de los derechos y libertades. —
Защита прав и свобод.

Creemos en *la fortaleza* del Estado de Derecho. —

Мы верим в *силу (крепость)* правового государства.

La lucha contra el terrorismo intrnacional. —
Борьба с международным терроризмом.

Combatir sin concesiones la criminalidad. —
Бороться без каких-либо уступок с преступностью.

Control de nuestras fronteras. —
Контролирование наших границ.

La lucha contra el hambre y la pobreza. —
Борьба с голодом и бедностью

Приведем еще несколько примеров интересных и распространенных метафорических моделей:

Транспортное средство и дорожное движение

Fomentaremos la formación del espíritu emprendedor... buscando *motores* de la innovación [9. С. 198]. — Мы будем способствовать развитию предпринимательства... искать *движущие силы* инновации.

El sistema financiero es *el motor* de la economía, del crecimiento y del empleo [10. С. 58]. — Финансовая система является *движущей силой* экономики, экономического роста и занятости.

Pondremos en marcha un sistema integral de información para fortalecer el control de todas las fronteras [7. С. 115]. — Мы *ведем в действие* целостную информационную систему для усиления контроля за всеми границами.

Consideramos que la administración es *el motor* del cambio [8. С. 47]. — Мы полагаем, что система управления является *движущей силой* перемен.

Путь-дорога

Afortunadamente, ya hemos empezado a recorrer esta *senda* [9. С. 100]. — К счастью, мы уже идем по этому *пути*.

Debemos aprovechar la coyuntura económica para *caminar aceleradamente* hacia nuevas formas de producir y trabajar... [10. С. 102]. — Мы должны воспользоваться сложившейся экономической ситуацией, чтобы *ускорить движение (шагать ускоренным темпом)* к созданию новых форм труда и производства.

Nos proponemos, pues, retomar *la senda* del crecimiento... [10. С. 118]. — Мы намерены вновь встать на *путь* экономического роста.

Hemos elegido *el camino* de progreso [7. С. 252]. — Мы выбрали *путь* прогресса.

El Partido Popular... va a hacer lo necesario para recobrar *la senda* de la modernización económica y social [8. С. 193]. — Народная Партия... сделает все необходимое, чтобы вновь встать на *путь* экономической и социальной модернизации.

Мир — это общий дом

Portugal y Francia, Marruecos y Argelia, no son sólo *vecinos*, son aliados estratégicos imprescindibles para *construir* un espacio estable de confianza... [10. С. 96]. — Португалия и Франция, Марокко и Алжир — это не только наши *соседи*, но и стратегические союзники, без которых невозможно *создать (построить)* стабильную зону доверия.

Seremos activos en *la construcción* de una política común de inmigración y de firma de acuerdos con países terceros [8. С. 192]. — Мы примем активное участие в *выстраивании* концепции общей миграционной политики и в подписании договоров с третьими странами.

Театр (применительно к международным отношениям)

Rusia es un *actor* fundamental en *la escena internacional* [9. С. 250]. — Россия — один из основных *актеров* на *международной сцене*.

Europa debe hablar con una voz única en *la escena internacional* para fortalecer *su papel* como *actor* global [10. С. 98]. — Европа должна иметь свой голос на *международной арене*, чтобы усилить свою *ведущую роль*.

España necesita una voz potente y firme en el mundo para *desempeñar un papel activo* en el exterior, para defender nuestros intereses nacionales y proyectar nuestra lengua común y nuestra cultura [7. С. 299]. — У Испании должно быть сильное влияние в мире, чтобы *играть активную роль* на международной арене, чтобы защищать наши национальные интересы и распространять наш язык и нашу культуру.

Tendremos *un papel activo* en la OTAN, estaremos abiertos a su ampliación estratégica y a la incorporación de nuevos socios [8. С. 187]. — У нас будет *активная роль* в НАТО, мы займем открытую позицию в ее стратегическом расширении и в привлечении новых членов.

В приведенных примерах представлена метафорическая модель «мир — это театр», в котором у каждого государства есть своя роль.

Таким образом, речевые манипуляции в текстах программ политических партий играют существенную роль в привлечении внимания избирателя и оказании на него определенного воздействия, т.е. в реализации персуазивной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа: Луйс, Ереван, 1968. — С. 63—64.
- [2] Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи. — М.: Наука, 1996. — С. 281—282.

- [3] *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. — М.: Флинта: Наука, 2011.
- [4] *Готта О.М.* Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2008.
- [5] *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.
- [6] *Вашталова Ю.С.* Риторические особенности американского политического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. — С-Петербург, 2009.
- [7] Programa de Gobierno Partido Popular 2008.
- [8] Programa del PP Elecciones generales 2011 «Lo que España necesita».
- [9] PSOE: Programa electoral (elecciones generales 2008).
- [10] PSOE Programa electoral Elecciones generales 2011.

LITERATURA

- [1] *Brutian G.A.* Gipoteza Sepira-Uorfa: Luis, Erevan, 1968. — Pp. 281—282.
- [2] *Vinogradov S.I.* Yasik gazet i v aspecte kulturi rechi. — М.: Nauka, 1996. — Pp. 281—282.
- [3] *Maslova V.A.* Vvedenie v kognitivnyu linguisticu. — М.: Flinta: Nauka, 2011.
- [4] *Gotta O.M.* Pragmatica funktsionirovaniya cluchevikh contseptov v ritorike datskikh politicheskikh partiy: Avtoref. diss. kand. filol. nauk. — М., 2008.
- [5] *Sheigal E.I.* Semiotica politicheskogo discursa. — М.: Gnosis, 2004.
- [6] *Vashtalova Y.S.* Ritoricheskie osobennosti americanskogo politicheskogo discursa: Diss. ... kand. filol. nauk. — S-Petersburg, 2009.
- [7] Programa de Gobierno Partido Popular 2008.
- [8] Programa del PP Elecciones generales 2011 Lo que España necesita [PP Program General election 2011 «What does Spain need»].
- [9] PSOE: Programa electoral (elecciones generales 2008) [PSOE: Electoral program (general election 2008)].
- [10] PSOE Programa electoral Elecciones generales 2011 [PSOE Electoral program General election 2011].

USAGE OF VERBAL MANIPULATION'S MEANS FOR REALIZATION OF PERSUASIVE STRATEGY IN THE SPANISH POLITICAL PARTIES PROGRAM TEXTS

I.V. Smirnova

Moscow State Institute of International Relations (University)
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Such kind of psychological influence as verbal manipulation is used in order to modify people's intentions and, consequently, to make them do something they initially were not going to do. The efficiency of the verbal manipulation depends on the width of variety of linguistic means of influence used by the manipulator and on his ability to make the most of using them.

Key words: political party, party's program, political discourse, political text, communicative strategy, persuasion.

УЧЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКОГО ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

И.В. Тележко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены социокультурные особенности письменного общения в профессиональной среде немецких и российских геологов, показана необходимость их учета при формировании социокультурной компетенции будущих переводчиков.

Ключевые слова: дискурс, институциональность, сфера общения, характеристики получателя (адресата) и отправителя (адресанта), логико-смысловая структура дискурса, научно-технический язык и стиль.

Переводоведы отмечают, что переводчик должен быть специалистом в той области знаний, к которой относятся переводимые тексты. Такой подход предполагает понимание переводчиком социокультурной специфики профессиональной сферы общения, владение специальной терминологией, знание существующих классификаций, умение понимать различные схемы и т.д. Поэтому перспективной представляется подготовка к профессионально ориентированному переводу студентов (выпускников), получающих (получивших) образование в той области знаний, к которой будут относиться тексты для перевода, что позволит будущему переводчику учитывать «заряд социокультурной и исторической памяти» инокультурных коммуникантов [10. С. 29].

В процессе перевода, как и в любой познавательно-трудовой деятельности, осуществляется речевое общение, которое представляет специфическую форму взаимодействия людей с помощью языковых средств [5. С. 38]. Общение осуществляется в различных сферах, каждая из которых обладает спецификой. Немецкий ученый Г. Кельц отмечает, что «нет такой специальной области, на которую не наложила бы отпечатка культурная специфика» [11. С. 44]. Переводчик, осуществляющий перевод немецких геологических текстов, для того чтобы наиболее полно понять и передать в тексте перевода социокультурные особенности профессионального общения, выходит за рамки собственно текста и проводит его анализ с дискурсивных позиций.

Понятие «дискурс» по-разному определяется исследователями. Данному понятию посвящены работы Н.Д. Арутюновой, В.М. Петрова, Ю.Н. Караулова, Т.А. Дейка, Д. Вундерлиха и др. В большей степени целям подготовки переводчиков отвечает определение В.Е. Чернявской, которая полагает, что дискурс представляет собой «языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая — социально, идеологически, культурно, исторически обусловленная ментальность» [9. С. 230].

Профессионально ориентированные иноязычные тексты исследователи рассматривают в рамках специального дискурса, который создается в процессе общения в профессиональной научно-технической сфере и характеризуется с позиций определенного социального института, определенной тематики и функций общения, национального и профессионального статуса отправителя и получателя высказывания, характеристик коммуникативной ситуации, в которой создавался исходный и в которой будет использоваться текст перевода, канала передачи информации [1. С. 26].

Анализ работ, посвященных изучению взаимоотношения культуры и дискурса, показал, что социокультурные характеристики специального дискурса, в частности геологического, еще недостаточно изучены. В толковом словаре русского языка геология определяется как комплекс наук о строении, составе и истории земной коры и Земли, о методах изыскания полезных ископаемых; геолог — специалист по геологии [7]. Для сопоставительного анализа немецкого и русского геологического дискурса представляется целесообразным рассмотреть выделяемые социокультурные характеристики специального дискурса. С этой целью было проанализировано 60 текстов немецкого геологического дискурса. Письменный геологический дискурс предоставляет большие возможности для изучения и описания его социокультурных особенностей, которые соотносятся с их языковым выражением.

Специальный дискурс создается в рамках *институционального общения*, которое осуществляется в социально фиксированной ситуации и определяется общественным институтом. Социальные и институциональные отношения (факторы), используемые для объяснения поведения человека, рассматриваются как часть культуры, что особенно важно для профессионально ориентированного перевода, так как учет этих отношений играет значительную роль в успешной коммуникации в профессиональной сфере. Социальный институт устанавливает нормы, порядок правил и стандартизированных моделей поведения [6]. Процесс институционализации науки и техники включает в себя современную систему знаний, возникновение учреждений, организаций, систему социальных отношений, норм деятельности.

Организационные структуры института науки и техники в Германии и России имеют существенные различия. В отличие от многих других стран в Германии, согласно принципу федерального устройства, нет единой Академии наук. В стране существует семь различных Академий, объединенных в Союз немецких Академий наук (нем. Union der deutschen Akademien der Wissenschaften), штаб-квартира которого находится в Майнце. Число действительных членов и членов-корреспондентов — 1400 человек. Современная Германия располагает мощным научно-техническим потенциалом. Специфика социального института науки и техники в Германии состоит в том, что университеты являются не только образовательными учреждениями, но и местом проведения фундаментальных и прикладных научных исследований. Наряду с ними научными исследованиями занимаются государственные и частные некоммерческие организации, предприятия.

Специальный дискурс определяется нормами института науки и техники, который соотносится с определенной профессиональной сферой общения, в нашем случае общения специалистов-геологов. «Под *сферой общения* понимается широкий спектр общественной жизни, в котором осуществляется социальное взаимодействие» и соответственно, деление на сферы: образовательную, профессиональную, общественную и личную» [4. С. 9]. В письменном геологическом дискурсе общение осуществляется «без непосредственной обратной связи, которая, однако, может реализоваться несколько позже при оценке информации коллегами по профессии» [8. С. 14, 15].

Общение в профессиональной сфере происходит как в диалогической, так и в монологической формах. Диалогичность обеспечивается присутствием в нем предмета рассуждения и от переводчика требуется четкое понимание предмета переводимого текста. Проведенный нами анализ показал, что *диалогичность* в немецком геологическом дискурсе проявляется эксплицитно, когда автор обращается к получателю и вовлекает его в рассуждение, при этом использует следующие обороты: *Betrachten Sie...*, *Beachten Sie...*, *Achten Sie vor allem auf...*, *Untersuchen Sie und beschreiben Sie...*; *Nehmen wir einmal an, das...* и т.д. В русском геологическом дискурсе диалогичность присутствует в меньшей степени, автор использует такие слова, адресованные получателю, как *сравните*, *смотрите*, *представьте* и т.д., а также вводные слова и выражения — *к тому же*, *очевидно*, *исходя из вышесказанного* и т.д. Проведенный анализ показал, что в немецком геологическом дискурсе диалогичность проявляется в большей степени, чем в русском.

В целом, общению в научно-технической сфере свойственен официальный характер [8. С. 33]. Однако в немецком геологическом дискурсе в ряде случаев изложение материала построено в более демократическом стиле, чем в русском дискурсе: используется индуктивный метод, позволяющий создать иллюзию совместного с читателем добывания знания, ощущается присутствие автора текста, часто присутствуют языковые элементы, выражающие дружелюбность по отношению к читателю. Например: автор учебника при изложении темы «*Vorgehen bei Erstarrungsgesteinen*» («Выход изверженных магматических пород») в дружеской форме дает советы:

«Wenn Sie eine Probe entnehmen, numerieren Sie sie und tragen Sie gleich alle Informationen dazu in Ihr Geländebuch ein. Vor Ort können Sie die Größe der Form festhalten — das ist wichtig, wenn es um einen Xenolithen handelt». (Когда вы отбираете пробу, пронумеруйте ее и сразу занесите всю информацию о ней в полевую книгу. На месте вы можете определить величину включения — это важно, если речь идет о ксенолитах).

Необходимо отметить, что в данной сфере общения используются *невербальные (паратекстуальные)* (цифровые, буквенные графические) *средства*, а именно: рисунки (Bilder), иллюстрации (Abbildungen), фотографии (Fotos), таблицы (Tabellen), графики (Graphiker), диаграммы (Diagramme), геологические карты (Geologische Karte), геологические карты рельефа (Geologische Reliefkarten), приложение в картинках (Farbanhang). Следует отметить, что данные элементы представлены в русском геологическом дискурсе, однако имеют некоторые отличия в их представлении.

Важными составляющими специального дискурса являются *характеристики получателя (адресата) и отправителя (адресанта)*. В письменном специальном дискурсе эти сведения могут содержаться в аннотации, во введении или заключении к работе [1. С. 45]. Справедливым представляется точка зрения В.И. Иовенко, согласно которой структура знаний об авторе исходного текста, релевантных для принятия решений, будет зависеть от типа перевода и условий его реализации [2. С. 120]. Отправитель специального дискурса является специалистом.

При переводе получатель информации — участник коммуникации, которому адресован текст, — принадлежит к другой культуре, и различие между культурами отправителя и получателя значительно. При этом адресатом специального дискурса может быть конкретное лицо, группа лиц или массовая аудитория. Немецкий геологический письменный дискурс ориентирован в основном на группового, а не индивидуального адресата. При переводе профессионально ориентированных текстов переводчику следует учесть, что отправитель и получатель специального дискурса могут иметь различный социальный статус. В геологическом дискурсе это может быть профессор, доктор наук, работник научно-исследовательского института, геолог-специалист; преподаватель, аспирант, студент. Уровень их предметных знаний будет не одинаков. Следовательно, и стратегия перевода будет различной в зависимости от получателя текста. Знание социокультурных характеристик получателя текста поможет переводчику правильнее выработать стратегию предстоящего перевода.

Следующей характеристикой, которая была рассмотрена при анализе социокультурных особенностей немецкого специального дискурса, является *логико-смысловая структура* специального дискурса, которая следует определенным правилам. Она включает присутствие определенной композиционной формы, членение речетворческого произведения на заранее заложенные шаблонные образования, наличие в специальном дискурсе примеров, эксплицитных ссылок, сносок, рисунков, графиков, таблиц и т.д. Логико-смысловая структура немецкого геологического дискурса, как правило, является довольно строгой: введение, основная часть, заключение. Основная часть может быть разбита на несколько подпунктов. С тем чтобы подчеркнуть логичность изложения, используются различные дискурсивные операторы:

- для того, чтобы начать высказывание (*zuerst, als erstes.., in erster Linie*);
- для перехода к следующей части высказывания (*zunächst, als nächstes, weiter, folgend*);
- для заключения (*zum Schluss, schließlich, also*) и т.д.

Специальный дискурс отличается характером передаваемой информации и своим особым, *научно-техническим языком и стилем*. Наиболее характерными чертами языкового оформления специального дискурса являются клишированность их построения, стандартизованность, изобилие терминов. Например, чтобы сконцентрировать внимание реципиента при описании какого-либо процесса, используются следующие обороты: *Dabei ist zu beobachten, dass...* — *При этом следует иметь в виду, что...* или *Im Allgemeinen lässt sich also die Tendenz festzustel-*

len, dass... — В общем можно констатировать тенденцию, что... и т.д. В русском: *большой интерес представляет..., следует подчеркнуть, что...* и др.

Стремление к экономии, педантичность, скрупулезность немцев привели к тому, что немецкий геологический дискурс изобилует многокорневыми терминологическими единицами, например, *Sedimentationsflüssigkeit, f*, — жидкость, в которой происходит осаждение; *Erdlawine, f*, — грязевая лавина и др.

Проведенный анализ немецкого и русского геологического дискурса показал, что письменная форма общения в научно-технической сфере в России и в Германии характеризуется специфическим набором языковых средств и имеет разные структуры и формы.

Так, в русском специальном дискурсе не принято употреблять стилистические фигуры. В немецком геологическом дискурсе, стараясь привлечь внимание получателя, автор текста может задавать риторические вопросы, использовать вопросно-ответные формы, например: *Was ist Geologie?*; *Wie ist die Zusammensetzung?*, *Was wird an diesem Steinbruch abgebaut?* Как в русском специальном дискурсе, так и в немецком присутствуют безличные обобщенные обороты: *ne вызывает сомнения, суммируя все сказанное, zusammenfassend, zweifellos* и т.д.

Следует отметить такую особенность геологического специального дискурса, которая затрагивает форму самопрезентации, включающую проблему авторского Я. Как показал проведенный анализ, в немецком геологическом дискурсе (в докладах, анализах исследований, диссертациях) используется личное местоимение *ich*, что является недопустимым в русской культуре. Это социокультурное различие восходит к различиям в национально-этнической ментальности, эмоциональной предрасположенности русских. Для русской ментальности, в рамках которой работают отечественные ученые, характерна эстетичность [3]. В русском специальном дискурсе используют местоимение «мы», даже в тех случаях, когда автор текста одно лицо.

Связь дискурса с ранее созданными дискурсами рассматривается исследователями в рамках понятий «*интертекстуальность*» и «*интердискурсивность*». Авторы немецкого геологического дискурса часто ссылаются в своих высказываниях на труды известных в Германии ученых-геологов, используют известные цитаты, ссылаются на известные немецкие научные исследования. Переводчику важно знать такие прецедентные феномены, которые содержат национально-культурную информацию. Под прецедентными текстами понимаются тексты хорошо известные представителям языкового коллектива. Ссылки, цитаты, связанные с прецедентными текстами, понятны представителям определенной страны, культуры, сферы общения. Например, немцам специалистам в области тектоники и магнетизма хорошо известно имя немецкого геолога Штилле Ханса (*Stille Hans*), который развивал идею о периодически повторяющихся кратковременных «мировых фазах складчатости» земной коры. В области минералогии геологам известны труды Фердинанда Циркеля (*Zirkel Ferdinand*). Для создания адекватного перевода будущих переводчиков необходимо знакомить с именами ученых страны изучаемого языка, с их работами, открытиями.

Таким образом, каждому дискурсу присущи национально-культурные особенности, обусловленные развитием и опытом конкретного общества, т.е. тем, что составляет его национально-культурную специфику. Как показал проведенный анализ письменного геологического специального дискурса, национально-культурная специфика общения проявляется на разных уровнях языка: лексическом, фразеологическом, словообразовательном, синтаксическом, логико-смысловом, причем единицы различных уровней языка обладают национально-культурной спецификой в разной степени. Для того чтобы сформировать социокультурную составляющую профессиональной компетентности переводчика, у студентов целесообразно развивать способность соотносить чужие образы сознания с образами своей культуры, знакомить их с системой профессионального образования в стране изучаемого языка, со спецификой профессионального общения, с ограничениями, которые накладывает социальный институт на это общение, на оформление и публикацию научных и технических достижений, а так же учить сопоставлять данные знания с нормами, традициями общения в России, для правильного понимания иноязычного высказывания, выбора стратегии перевода, и создания текста на родном языке, адекватного исходному тексту.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гавриленко Н.Н.* Теоретические и методические основы подготовки переводчиков научно-технических текстов: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2004.
- [2] *Иовенко В.А.* Основы концепции детерминации в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1992.
- [3] *Лабаишук М.* Модель коммуникации как семантизация культуры // *Восток — Россия — Запад: проблемы межкультурной коммуникации: Междунар. сб. науч. тр.* — Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2004. — С. 6—15.
- [4] *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка.* — Департамент современных языков, Страсбург, Cambridge University Press. — М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
- [5] *Русский язык и культура речи. Курс лекций по дисциплине: Учеб. пособие / Под ред. М.Б. Будильцева, И.А. Пугачёва, Н.Ю. Царёва.* — М.: Изд-во РУДН, 2008.
- [6] *Социология: Учеб. пособие / Под ред. И.В. Игнатьева, М.В. Ромма.* — М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007.
- [7] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — Электронный ресурс. — URL: <http://ozhegov.info/slovar>
- [8] *Троянская Е.В.* Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы. — М.: Наука, 1982.
- [9] *Чернявская В.Е.* От анализа текста к анализу дискурса // *Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко.* — Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. — С. 230—232.
- [10] *Халева И.И.* Лингвосоциокультурный компонент подготовки переводчиков (из опыта Московского государственного лингвистического университета) // *Перевод и лингвистика текста.* — М.: РАН, 1994. — С. 23—30.
- [11] *Kelz H.P.* Interkulturelle Kommunikation und translatorische Prozesse in der Wirtschaft. In Best J. / Kalina S. (Hrsg): *Übersetzen und Dolmetschen.* 2002. — S. 44—50.

LITERATURA

- [1] *Gavrilenko N.N.* Teoreticheskie i metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov nauchno-technicheskikh tekstov: Monografiya. — M.: Izd-vo RUDN, 2004.
- [2] *Iovenko V.A.* Osnovy konyepzii determinazii v perevode (na materiale ispansko-russkikh i russko-ispanskih perevodov): Diss. ... dok. filol. nauk. — M., 1992.
- [3] *Labashuk M.* Model kommunikazii kak semantizaziya kultury // Vostok — Rossiya — Zapad: problem mezhkulturnoy kommunikazii: Mezhdunar. sb. nauch. tr. — Samara: Izd-vo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2004. — S. 6—15.
- [4] Obsheevropejskie kompetenzii vladenija inostrannym jazykom: Izuchenie, prepodavanie, ozenka. — Departament sovremennyh jazykov, Strasburg, Cambridge University Press. — M.: Izd-vo MGLU, 2003.
- [5] Russkij jazjk i kultura rechi. Kurs lekcij po diszipline. Ucheb. posobie / Pod. red. M.B. Budilzeva, I.A. Pugacheva, N.J. Zareva. — M.: Izd-vo RUDN, 2008.
- [6] Soziologija: Ucheb. posobie / Pod red. I.V. Ignateva, M.B. Romma. — M.: INFRA-M; Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2007.
- [7] *Ozhegova S.B., Shvedova N.Y.* Tolkovy slovar russkogo jazyka. — URL: <http://ozhegov.info/slovar/>
- [8] *Troyanskaya E.V.* Lingvo-stilisticheskoe issledovanie nemezkoj nauchnoj literatury. — M.: Nauka, 1982.
- [9] *Chernjavskaja V.E.* Ot analiza teksta k analizu diskursa // Tekst i diskurs: tradizionnij i kognitivno-funkcionalnij aspekty issledovanija: Sb. nauch. tr. / Pod red. L.A. Manerko. — Rjazan: Rjaz. gos. ped. un-t im. S.A. Esenina. — S. 230—232.
- [10] *Haleeva I.I.* Lingvosozioikulturnij komponent podgotovki perevodchikov (iz opyta Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta) // Perevod I lingvistika teksta. — M.: RAN, 1994. — S. 23—30.
- [11] *Kelz H.P.* Interkulturelle Kommunikation und translatorische Prozesse in der Wirtschaft. In Best J. / Kalina S. (Hrsg): Übersetzen und Dolmetschen. 2002. — S. 44—50.

THE CONSIDERATION OF SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE GERMANGEOLICAL DISCOURSE WHEN TRAINING TRANSLATORS

I.V. Telezhko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with socio-cultural specific features of written communication in the professional field of German and Russian geologists and the necessity to account them when forming socio-cultural competency of future translators.

Key words: discourse, institutionality, sphere of communication, characteristics the recipient's and sender's; logico-semantic structure of a discourse, scientific and technical language and style.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БАЗОВОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИСПАНСКИЙ В ЕГО ПИРЕНЕЙСКОМ И МЕКСИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ (на примере русско-испанских разговорников)

С.А. Яковлева

Центр Иностранных языков факультета Арагон
Национальный автономный университет Мексики
*пр-т Асьенда Ранчо Секо, б/н, район Боскес де Арагон,
муниципальный округ Несауалькойотль, штат Мехико, 57130*

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу макро- и микроструктуры русско-испанских словарей-разговорников с позиции мексиканского национального варианта испанского языка, исследованию лексико-семантической дивергенции в сопоставлении с пиренейским национальным вариантом, а также детектации несоответствий в межъязыковых лексических эквивалентах при переводе на испанский язык.

Ключевые слова: лексико-семантическая дивергенция, межъязыковые лексические эквиваленты, словарь-разговорник, испанский язык, мексиканский вариант испанского языка.

Словари играют большую роль в духовной культуре каждого народа, в них отражаются знания, которыми обладает общество в определенную эпоху. Они возникли в глубокой древности и с течением времени играют все большую роль в накоплении и передаче информации. В плане содержания задачей словаря является описание лексики языка, а в функциональном аспекте словарь является произведением дидактического характера, который читающий использует для получения или углубления своих знаний и проверки информации о языке, которой он уже владеет. Сразу оговоримся, что термин «базовая лексика» употребляется в настоящей работе в дидактическом, а не в историческом смысле.

Актуальность исследования лексики словарей-разговорников определяется нами с позиции их значимости как источников ценной социолингвистической информации, используемой постоянно возрастающим количеством пользователей, поскольку нарушения лексико-семантической нормы приводят к смысловым ошибкам, делающим речь коммуникативно несовершенной или вовсе непонятной.

До недавнего прошлого словари-разговорники не включались в научные типологии словарей ни отечественных (Л.В. Щерба, В.Г. Гак, В.П. Берков, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, Л.П. Ступин), ни зарубежных (Я. Малкил, Р. Менендес Пидаль, Б. Кемада, Л. Згуста) лингвистов. Между тем, как отмечает Г.А. Левченко [3], словарь-разговорник логично вписывается в любую из самых известных отечественных и зарубежных типологий словарей, поскольку является разновидностью переводного идеографического словаря и отвечает фундаментальным словарным характеристикам.

Наш интерес к данному типу словарей аргументирован как лингвистической проблематикой (в данном случае отражением в словарях-разговорниках дивергентности базовой лексики пиренейского и мексиканского национальных вариантов

испанского языка и эквивалентности предлагаемых переводов с русского языка на испанский), так и экстралингвистическими факторами (доступность, перманентное присутствие на специализированном книжном рынке, востребованность среди широкой публики, не обладающей специальными знаниями).

Выбор представленных ниже словарей-разговорников обусловлен как историческим (хронологическим) подходом, который позволяет проследить динамику отражения специфики и эквивалентности перевода лексики мексиканского национального варианта испанского языка (МНВИЯ) на протяжении последних 20 лет, так и необходимостью сопоставить и проанализировать различные подтипы словарей-разговорников с позиций макро- и микроструктуры (двуязычный / многоязычный; разговорник / карманный справочник; составленный в России / переведенный для России), а также присутствия либо отсутствия в них межвариантных синонимов национальных вариантов (в нашем случае, мексиканского) испанского языка.

В целях настоящего исследования сопоставлялась исключительно словарная часть исследуемых словарей-разговорников, для чего был осуществлен выборочный анализ лексических единиц (ЛЕ), представленных в трех отечественных словарях-разговорниках: 1) Русско-англо-французско-испанском разговорнике [4], в дальнейшем РАФИР-1991; 2) Карманном справочнике: Разговорный испанский язык [5], в дальнейшем КСРИЯ-2004; 3) Новом русско-испанском разговорнике [2], в дальнейшем НРИР-2010.

Проанализируем прежде всего *макроструктуру* исследуемых лексикографических источников (табл. 1) для обоснования конгруэнтности их сопоставления.

Таблица 1

Сопоставительный анализ макроструктуры исследуемых словарей-разговорников

Параметры макроструктуры	РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010
Предисловие	X	X	X
Правила пользования	—	X	X
Алфавит	X	X	X
Список сокращений	X	X (только грам. пометы рода сущ.)	X
Правила чтения и произношения	—	X	X
Грамматический комментарий	—	X	X
Словарь	X	X	X
Справочные или лингвострановедческие Приложения	X (основные достопримечательности Москвы)	—	X
Принцип построения	Тематический	Тематический	Тематический
Количество языков	Многоязычный	Двуязычный	Двуязычный
Оригинальный или переводной	Оригинальный	Переводной	Оригинальный
Объем	523 с.	239 с.	383 с.

На основании сравнительно-сопоставительного анализа макроструктуры исследуемых словарей-разговорников заключаем, что все они относятся к нормативным словарям активного типа. По лексикографическому критерию словник рассматриваемых словарей-разговорников делится на разговорную и словарную части. Преобладающим способом организации ЛЕ в словарной части словника является алфавитный, что характерно для лексических переводных словарей. В случаях группировки слов по тематическому принципу используется идеографиче-

ский способ (числительные, обозначения временных циклов, перечисление членов семьи и т.п.). С антропоцентрической точки зрения, т.е. учета при составлении словарей-разговорников потребностей и интересов конечных пользователей, исследуемые издания характеризуются однотипной ориентированностью.

В аннотации к РАФИР-1991 нет указания на то, что в словарь включена лексика испаноамериканских стран Латинской Америки, а в КСРИЯ-2004 и НРИР-2010 есть такие указания. Однако в двух последних указанных словарях среди списка условных сокращений отсутствуют пометы, обозначающие указание на географический узус ЛЕ, как-то: Лат. Ам., Ю. Ам, Мекс. и т.п.

Что касается *микроструктуры* словарей исследуемых словарей-разговорников, то их сопоставление по таким параметрам, как состав словарной статьи, наличие словарных помет, выделений и сокращений, показывает следующее:

РАФИР-1991 — строение словарной статьи в словнике трехсоставное (лемма, перевод и практическая транскрипция);

КСРИЯ-2004 — строение словарной статьи в словнике двухсоставное (лемма и перевод);

НРИР-2010 — строение словарной статьи в словнике трехсоставное (лемма, перевод и практическая транскрипция).

Используемая в данных словарях-разговорниках транскрипция представлена следующим образом:

РАФИР-1991 — русскими буквами;

КСРИЯ-2004 — русскими буквами (в части разговорника); в словарной части транскрипция отсутствует;

НРИР-2010 — русскими буквами.

Метаязык лексикографического описания всех исследуемых словарей-разговорников характеризуется незрелостью (представлен лишь ограниченный набор условных помет и их использование не регламентировано). При этом наиболее полный список условных сокращений отмечен в НРИР-2010: испанских — 5; русских — 32. Таким образом, можно утверждать, что большинство параметров макро- и микроструктуры исследуемых словарей-разговорников совпадает, а это дает нам основание принять их в качестве сопоставляемых лексикографических источников и использовать для последующего сравнительно-сопоставительного анализа их словарей.

Предварительный анализ лексики рассматриваемых словарей-разговорников позволил отметить проблематику на уровне дифференциации базовой лексики в пиренейском и мексиканском вариантах испанского языка, а также межъязыковых соответствий языковых эквивалентов в переводе с русского языка на испанский. Так, в целом ряде случаев русскоязычный пользователь, используя написанное в словаре-разговорнике, неизбежно столкнется с непониманием со стороны любого мексиканца, который в отдельных ситуациях даже может почувствовать себя оскорбленным, например, если к горничной в гостинице обратиться со словом *servienta*.

Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ вышеуказанных трех русско-испанских разговорников осуществлен на материале словарей восьми лексических полей. За отправную информацию был принят по хронологиче-

скому параметру тематический словарь РАФИР-91. Общее количество ЛЕ в словнике РАФИР-91 по исследуемым ЛЕ составляет 361 ЛЕ, а именно: 1. Гостиница (31 ЛЕ); 2. Обмен валюты. Деньги (12 ЛЕ); 3. Город (26 ЛЕ); 4. Транспорт (17 ЛЕ); 5. Ресторан. Кафе. Бар (114 ЛЕ); 6. Почта. Телеграф. Телефон (21 ЛЕ); 7. Магазин (125 ЛЕ); 8. Книги. Газеты. Журналы (15 ЛЕ). Из них 77 ЛЕ характеризуются переводческими несоответствиями с позиции МНВИЯ, что показано в табл. 2—9 и в сопоставлении с КСРИЯ-2004 и НРИР-2010 (табл. 2—9). Каждая таблица состоит из шести граф: 1) порядковый номер ЛЕ; 2) ЛЕ на русском языке, как она указана в Русско-англо-французско-испанском разговорнике [4], который рассматривался нами как исходная информация (при этом в таблицы включены только те слова, которые имеют межвариантные синонимы в пиренейском и мексиканском вариантах испанского языка); 3—5) переводы ЛЕ, помещенные в исследуемых словарях-разговорниках; 6) межвариантный синоним, используемый в мексиканском национальном варианте испанского языка и (в случае необходимости) дополнения и (или) комментарии по узусу.

Таблица 2

Гостиница — Hotel

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
1	Горничная	Sirvienta	(в гостинице) la camarera	Limpiadora	Camarera <i>f</i> Méx. sirvienta <i>f</i> — служанка Limpiadora <i>f</i> — может быть понята как уборщица, но на практике не используется, в этом значении предпочтительнее — personal <i>m</i> de limpieza
2	Камера хранения	Consigna	la consigna	Consigna	Cuarto <i>m</i> de seguridad
3	Киоск	Quiosco	El quiosco	Quiosco	Puesto <i>m</i> de (p. ej. periódicos). Méx. quiosco <i>m</i> употребляется в смысле беседки в парке или сквере
4	Лампочка	Bombilla	La bombilla	Bombilla	Foco <i>m</i>
5	Неисправность	Desperfecto	—	Defecto	Falla <i>f</i> Méx. — defecto или imperfecto обозначают производственный брак, а не неисправность
6	Одеяло	Manta	La manta	Manta	Cobija <i>f</i> , manta <i>f</i> — в Мексике эти слова обозначают одеяла, изготовленные из разных материалов
7	Отъезд	Partida	—	Salida	Salida <i>f</i>
8	Холодильник	Frigorífico	El frigorífico	Nevera, frigorífico	Refrigerador <i>m</i>

Таблица 3

Обмен валюты. Деньги — Cambio de moneda. Dinero

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
9	Валютный курс	curso de la moneda	El tipo de cambio	Tipo de cambio	Tipo <i>m</i> de cambio
10	Мелочь	Suelto	Suelto (нет гр. пометы)	Menudo, suelto	Cambio <i>m</i>
11	Дорожный чек	cheque de viaje	El talón, el cheque (конкретизация словосочетания <i>дорожный чек</i> отсутствует)	Cheque de viaje	cheque <i>m</i> de viajero

Таблица 4

Город — Ciudad

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
12	Квартал	Barrio	—	Barrio	Cuadra <i>f</i> , manzana <i>f</i>
13	перекресток	encrucijada, cruce	El cruce	Cruce	Cruce <i>m</i> , crucero <i>m</i>
14	Район	Distrito	—	Barrio, distrito	Barrio <i>m</i> , хотя и не очень употребительно. Предпочительнее colonia <i>f</i> — приблизительный аналог микро-району Méx. distrito — округ
15	Телефон-автомат	Automático	—	—	Teléfono <i>m</i> público

Таблица 5

Транспорт — Transporte

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
16	Автобус	autobús	El autobús [México el camión]	Autobús	Camión <i>m</i> (в черте города), autobús <i>m</i> (межгородской транспорт)
17	билет	Billete	El billete [Lat. Am. el boleto]	Billete	Boleto <i>m</i> , ticket <i>m</i>
18	Прямо	directamente	Todo recto [Lat. Am. derecho]	Derecho	Derecho
19	стоянка такси	parada de taxis	La parada de taxis	Parada de taxis	Sitio <i>m</i> de taxis

Таблица 6

Ресторан. Кафе. Бар — Restaurante. Café. Bar

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
20	Блюдо (еда)	Plato	El plato	Plato	Platillo <i>m</i> , plato <i>m</i> fuerte
21	Блюдец	Platillo	El platillo	Platillo	Platito <i>m</i>
22	Чайная ложка	Cucharilla	—	—	Cucharita <i>f</i>
23	официант	Camarero	El camarero	Camarero	Mesero <i>f</i>
24	Грибы	Setas	Гриб — El champión	Setas	Setas <i>f pl</i> (белый гриб), hongos (лесные грибы), championes <i>m pl</i> (шам- пиньоны — грибы, вы- ращенные в искусственных условиях)
25	Блины	Hojuelas	—	—	Crepas <i>f pl</i> Méx. hojuelas <i>f pl</i> — хлопья, в частности кукурузные в виде «сухого завтрака»
26	говядина	Carne de vaca	La carne de vaca	Carne de vaca	Carne <i>f</i> de res
27	Курица	Gallina	—	Pollo	Pollo <i>m</i>
28	горошек	Guisantes	Los guisantes	Guisantes	Chicharros <i>m pl</i>

Окончание

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
29	Картофель	Patatas	La patata	Patatas	Papas <i>f pl</i>
30	Помидоры	Tomates	El tomate	tomates	jitomates <i>m pl</i> Méx. tomates <i>m pl</i> — это другой вид помидоров: зеленые в плотной кожуре из листьев, используются только при приготовлении пищи, в сыром виде не употребляются
31	Свекла	Remolacha	La remolacha	Remolacha	Betabel <i>f</i>
32	Фасоль	Alubias	La judía; la alubia; las judías verdes	Alubias	Frijol <i>m</i> = judías negras Méx. alubias или judías — один из видов фасоли: белая фасоль
33	Мороженое	Helado	El helado	Helado	Helado <i>m</i> — молочное или сливочное мороженое Nieve <i>f</i> — фруктовое мороженое
34	Пирожное	Pastel	El pastel	Pastel	Pastelito <i>m</i> Méx. Pastel <i>m</i> — целый торт; кусок торта
35	Абрикосы	albaricoques	El albaricoque	Albaricoques	Chabacanos <i>m pl</i>
36	Персики	Melocotones	El melocotón	Melocotones	Duraznos <i>m pl</i>
37	Смородина черная	casis	La pasa	Grosella	Grosella <i>f</i> Méx. casis и pasa в этом значении мексиканцам неизвестны
38	Сок	Zumo	El zumo	Zumo	Jugo <i>m</i>

Таблица 7

Почта. Телеграф. Телефон — Correo. Telégrafo. Teléfono

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
39	Бланк	Impreso	El impreso	Impreso	Formato <i>m</i>
40	Квитанция	resguardo, recibo	—	Recibo	Recibo <i>m</i>
41	Открытка	Postal	La postal; la tarjeta	Tarjeta postal	tarjeta <i>f</i> postal

Таблица 8

Магазин — Tiendas

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
42	Варенье	Confitura	—	Dulce	Mermelada <i>f</i>
43	Кефир	Kefir	—	Kiřir	Yogurt <i>m</i>
44	Конфеты	Bombones (шоколадные), caramelos (карамель)	Los caramelos	Confites	Dulces <i>m pl</i> — конфеты. Chocolates <i>m pl</i> — шоколадные конфеты; caramelos <i>m pl</i> — карамель; confites <i>m pl</i> — не используется; bombones <i>m pl</i> — используются крайне редко

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
45	Сметана	Crema fresca	—	Crema agria de leche	Crema <i>f</i> agria
46	Торт	Tarta	—	Tarta	Pastel <i>m</i> Méx. tarta <i>f</i> — обычно это пай (сырный, джемовый и т.п.)
47	босоножки	Sandalias	—	Sandalias	Zapatillas <i>f pl</i>
48	Брошь	Alfiler	El broche	Broche	Broche <i>m</i> Méx. alfiler <i>m</i> — булавка
49	губная помада	lápiz de labios	La barra de labios	Lápiz de labios	Labial <i>m</i> , lápiz <i>m</i> labial
50	Джинсы	Vaqueros	Los vaqueros	Vaqueros	Pantalón <i>m</i> de mezclilla
51	Духи	perfume, esencia	El perfume	Perfume	Perfume <i>m</i>
52	Замша	ante, gamuza	El ante	Gamuza	Gamuza <i>f</i>
53	Зонт	Paraguas	El paraguas	Paraguas	Paraguas <i>m</i> Sombrilla <i>f</i>
54	зубная паста	pasta dentífrica	La pasta de dientes	Pasta dentífrica	Pasta <i>f</i> de dientes
55	Кожа	Cuero	La piel; el cuero	Cuero	Cuero <i>m</i> и piel <i>f</i> — разное качество обра- ботки кожи
56	колготки	Pantis	—	Pantys	Pantimedias <i>f pl</i>
57	косметика	Cosmética	Los cosméticos	—	Cosméticos <i>m pl</i> , productos <i>m pl</i> de belleza
58	Косынка	pañuelo de cabeza	—	Pañuelo	Mascada <i>f</i> Pañuelo <i>m</i> — платок (т.е. другое качество)
59	Кофта	chaqueta de punto	—	—	Suéter <i>m</i> abierto
60	Куртка	Cazadora	—	Cazadora	Chamarra <i>f</i>
61	лак (для ногтей)	Esmalte	—	Esmalte para las uñas	Barniz <i>m</i> de uñas
62	лак (для волос)	Laca	La laca	Laca para el pelo	Spray <i>m</i> para el cabello
63	Майка	Camiseta	—	Camiseta	Playera <i>f</i> Méx. camiseta <i>f</i> — нижнее белье
64	Одежда	vestido, confecciones	La ropa	Vestidos	Ropa <i>f</i>
65	Очки	Gafas	Las gafas [<i>Lat.</i> <i>Am.</i> los lentes]	Gafas	Lentes <i>m pl</i>
66	Пиджак	Chaqueta	La chaqueta	Chaqueta	Saco <i>m</i>
67	Приемник	Receptor	—	—	Radio <i>m</i>
68	Пудра	Polvos	—	Polvos	Maquillaje <i>m</i> en polvo (compacto)
69	Свитер	Jersey	El suéter	—	Suéter <i>m</i>
70	Трикотаж	artículos de punto	—	Género de punto	Tejidos <i>m pl</i>
71	Фломастер	Rotulador	El rotulador	Rotulador	Plumón <i>m</i>
72	Чек	talón, ticket	El talón; el cheque	Cheque	Ticket <i>m</i>
73	Шкатулка	cofrecito, laca	—	Estuche	Alhajero <i>m</i> , cajita <i>f</i> Méx. estuche <i>m</i> — футляр

Книги, газеты, журналы — **Libros, periódicos, revistas**

№	Русский язык (РАФИР–1991)	Испанский язык			
		РАФИР–1991	КСРИЯ–2004	НРИР–2010	Мексика
74	букинистический магазин	librería de lance	—	Libros de segunda mano	Tienda <i>f</i> de libros usados
75	газетный киоск	quisco de periódicos	—	Quiosco	puesto <i>m</i> de periódicos
76	коллекция марок	colección de sellos	Марка — El sello	Марка — estampilla <i>f</i>	colección <i>f</i> de estampillas
77	Учебник	Manual	—	—	Libro <i>m</i> de texto, manual <i>m</i>

В ходе исследования было обнаружено количественное несоответствие рассматриваемых ЛЕ в исследуемых словарях разговорников. Так, РАФИР-1991 посвящает исследуемой тематике 361 словарную статью, из них в 77 словарных статьях РАФИР-1991 была выявлена лексико-семантическая дивергенция между МНВИЯ и ПНВИЯ. Сопоставление этих 77 статей РАФИР — 1991 с другими источниками показало, что в КСРИЯ-2004 присутствуют только 50, а в НРИР-2010 — 69. Данный факт обусловлен разницей в авторском подходе к составлению словника для разговорника, а также динамикой лексического состава языка в целом (так, например, слова *кассета*, *(радио)приемник* в течение рассматриваемого периода практически вышли из уст).

Сравнительно-сопоставительный анализ лексики, относящейся к восьми темам в трех исследуемых словарях-разговорниках, позволил сделать следующие выводы:

— количество словарных статей в восьми исследованных разделах РАФИР-1991 — 361 (100%);

— количество несоответствий в переводе с русского языка на испанский язык в РАФИР-1991 с позиции мексиканского национального варианта испанского языка (МНВИЯ) — 77 (21,3%);

— лингвистический анализ 77 словарных статей, в которых обнаружены переводческие несоответствия с позиции МНВИЯ, в исследуемых словарях-разговорниках:

РАФИР-1991 (77 ЛЕ): А. Полные несоответствия — 64 (83%); Б. Частичные несоответствия — 13 (17%),

КСРИЯ-2004 (50 ЛЕ): А. Полные несоответствия — 33 (66%); Б. Частичные несоответствия — 8 (16%); В. Соответствия — 9 (18%),

НРИР-2010 (69 ЛЕ): А. Полные несоответствия — 49 (71%); Б. Частичные несоответствия — 7 (10%); В. Соответствия — 13 (19%).

Количество межвариантных синонимов, включенных в исследуемые темы словарей-разговорников с указанием географического региона или страны — 4 (1,1%), из них 3 с пометой *Лат. Ам.* (билет, прямо, очки), т.е. 0,8%, и 1 с пометой *Мекс.* (автобус), т.е. 0,27%. Все они предлагаются только одним изданием — КСРИЯ-2004.

При этом лингвистический анализ на основе классификации Н.М. Фирсовой [6] показал, что в 68 (88%) случаях составлена межвариантная синонимия, а в 9 (12%) случаях — межвариантная синонимическая дублетность.

Что касается анализа рассматриваемых межъязыковых лексических соответствий (77) в русском языке и МНВИЯ с позиций переводоведения на основе классификации В.С. Виноградова [1], можем заключить следующее:

— по форме: преобладают эквивокабульные межъязыковые лексические соответствия — 65 (84%); выявлено только 12 (16%) случаев неэквивокабульного соответствия; все эквивокабульные соответствия являются эквиварядными;

— по объему передаваемой знаменательной информации: полные — 67 (87%); неполные — 10 (13%);

— по характеру функционирования: константные (языковые) — 70 (91%); окказиональных (контекстуальных) — нет. 7 (9%) ЛЕ отнесены нами к смешанной категории — *константно-окказиональные*. Данная вводимая нами категория отражает проблематику национальных вариантов полинациональных языков, поскольку с позиции испанского языка эти межъязыковые лексические соответствия являются окказиональными, а с позиции МНВИЯ — константными;

— по способу перевода: прямые — 66 (86%); синонимические соответствия — 11 (14%).

В целях анализа динамики в представлении переводов ЛЕ по рассмотренным темам в изучаемых словарях-разговорниках, которые (ЛЕ) могут использоваться в Мексике без ущерба межъязыковой эквивалентности перевода и качеству коммуникативного акта, было решено принять во внимание только те ЛЕ, перевод которых присутствует во всех источниках. Это привело нас к выборке из сорока семи (47) ЛЕ, динамика переводов которых статистически выражается следующим образом:

— отсутствие динамики в переводе (идентичные переводы с русского языка на испанский язык во всех исследуемых словарях-разговорниках): 23 (49%);

— общая динамика модификаций переводов (без учета соответствия перевода МНВИЯ): 24 (51%), при этом РАФИР-1991 — КСРИЯ-2004: 16 (34%); РАФИР-1991 — НРИР-2010: 16 (34%); КСРИЯ-2004 — НРИР-2010: 17 (36%).

Таким образом, можно сделать вывод, что в выборке ЛЕ исследуемых словарей-разговорников наблюдаются активные динамические процессы — 51% лексики показывают вариативность в межъязыковых соответствиях языковых эквивалентов. При этом выявить патрон вариативности не представляется возможным: отдельные переводы совпадают в РАФИР-1991 и КСРИЯ-2004, другие в РАФИР-1991 и НРИР-2010, третьи — в КСРИЯ-2004 и НРИР-2010. Данная ситуация позволяет заключить, что при составлении словарей рассматриваемых словарей-разговорников не учитывался опыт предшествующих российских изданий, а также современные зарубежные авторитетные толковые словари испанского языка, особенно в отношении варьирования перевода с позиций национальных вариантов (в нашем случае мексиканского). Кроме того, лексикографическое пред-

ставление информации характеризуется неоднородностью. Это касается в первую очередь наличия грамматических помет рода и числа и практической транскрипции на русском языке; принимая во внимание, что эти издания ориентированы на пользователей, не владеющих испанским языком, наличие таких помет имеет большое значение.

На основании проведенного нами анализа считаем, что главной задачей при составлении словарей-разговорников с русским и испанским языками на современном этапе является изучение лексических единиц реальной лексики, используемой в МНВИЯ и других национальных вариантах испанского языка, исследование эквивалентности перевода, включение адекватных переводов в целях представления достоверной картины их узуса, а также выработка общеприемлемых критериев представления лексикографической информации о ЛЕ полинациональных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.С.* Перевод. Общие и лексические вопросы: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — М.: КДУ, 2004.
- [2] *Лазарева Е.И.* Новый русско-испанский разговорник. — М.: Астрель, 2010.
- [3] *Левченко Г.А.* Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М.: МГУ, 2007. — URL: <http://sprachfuehrer.livejournal.com/52457.html>
- [4] *Никитина С.А.* и др. Русско-англо-французско-испанский разговорник. — 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1991.
- [5] *Ругама И.* Карманный справочник: Разговорный испанский язык. — М.: Астрель, 2004.
- [6] *Фирсова Н.М.* Избранные труды. Том II. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. — М.: РУДН, 2009.

LITERATURA

- [1] *Vinogradov V.S.* Pervod. Obtschie i leksicheskie voprosy: Ucheb. posobie. — 2 izd., pere-rab. — M: KDU, 2004.
- [2] *Lazareva E.I.* Noviy russko-ispanskiy razgovornik. — M.: Astrel, 2010.
- [3] *Levchenko Gu.A.* Slovar-razgovornik v Rossii: tipologicheskij y sociolingvisticheskiy aspekty: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk — M.: MGU, 2007. — URL: <http://sprachfuehrer.livejournal.com/52457.html>
- [4] *Nikitina S.A.* i drugie. Russko-anglo-frantsuzsko-ispanskiy razgovornik. — 3 izdanie, stereo-tipnoe. — M.: Russkiy yazyk, 1991.
- [5] *Rugama I.* Karmanniy spravochnik: Razgovorniy ispanskiy yazyk. — M.: Astrel, 2004.
- [6] *Firsova N.M.* Izbrannye trudy. Tom II. Sovremenniy ispanskiy yazyk v Ispanii i stranakh Latin-skoj Ameriki. — M.: RUDN, 2009.

**THE DIFFERENTIATION BETWEEN THE BASIC LEXICON
AND ITS TRANSLATIONS FROM RUSSIAN TO SPANISH
IN ITS IBERIAN AND MEXICAN VARIATIONS
(as exemplified in russian-spanish conversation guides)**

S.A. Iakovleva

Foreign Language Center FES Aragón
Nacional Autonomous University of Mexico
*Av. Hacienda Rancho Seco s/n, col. Impulsora, Mpio. Nezahualcoyotl,
Estado de México, México, C.P. 57130
CLE FES Aragón UNAM*

The article deals with the analysis of the macro- and microstructures of the Russian-Spanish conversation guides from the perspective of the Mexican national variation of the Spanish language, to the study of the lexical-semantic divergence when compared to the Spanish national variation, as well as to the detection of the non-corresponding cases in the intralinguistic lexical equivalencies upon translating to the Spanish language.

Key words: lexical-semantic divergence, intralinguistic lexical equivalencies, conversation guides, Spanish language, Mexican national variation.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВИДЫ ЧТЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ю.Н. Бирюкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Чтение научно-технических текстов переводчиком является важной и необходимой составной частью его профессиональной деятельности. Данная статья посвящена рассмотрению различных видов чтения, которые использует переводчик на этапах своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: чтение, виды чтения, переводческое чтение, этапы переводческой деятельности, переводческие задачи.

Чтение играет важную роль в деятельности письменного переводчика научных и технических текстов. На этапе знакомства с текстом переводчик просматривает иноязычный текст, затем читает его, чтобы уяснить смысл высказывания, изучает справочную литературу и в дальнейшей своей работе неоднократно перечитывает исходный текст и текст перевода, т.е. использует различные виды чтения. Под видами чтения исследователи понимают набор операций, обусловленных целью чтения и характеризующихся «специфическим сочетанием приемов смысловой и перцептивной переработки материала, воспринимаемого зрительно» [13. С. 30].

Вопрос о видах чтения активно рассматривается применительно к преподаванию иностранных языков и имеет много спорных аспектов. Исследователями выделяется более 30 видов чтения. Любое чтение всегда связано с решением определенной коммуникативной задачи [13]. В зависимости от того, какая задача стоит перед читателем, он будет выбирать различные виды чтения.

Перед переводчиком научно-технических текстов также стоят определенные профессиональные задачи, которые он решает, используя различные виды чтения. Но переводческое чтение будет носить профессиональный характер, поэтому целесообразно его рассматривать с позиций профессионально ориентированного чтения.

Под профессионально ориентированным чтением понимается сложная речевая деятельность, обусловленная профессиональными возможностями и потребностями, представляющая собой «специфическую форму активного общения-диало-

га, основными целями которого являются оперативная ориентация и поиск, прием, присвоение и последующее целевое применение накопленного человечеством опыта в профессиональных областях знаний» [10. С. 18].

Спецификой профессионально ориентированного чтения, как справедливо отмечает С.Г. Улитина, является подчиненность профессиональной деятельности, зависимость от профессионального тезауруса читающего; направленность на профессионально ориентированный текст; нацеленность на получение новой и нужной профессиональной информации; предполагаемое использование получаемой информации; многократность обращения к различным текстам [12].

В зависимости от характера профессиональной деятельности профессионально ориентированное чтение наряду с общими специфическими чертами будет приобретать и свои отличительные особенности. Так, в своей профессиональной деятельности учитель использует *педагогическое чтение* для подготовки к уроку, при проверке письменных высказываний учащихся, для организации и проведения дискуссии, анализа художественных произведений, совершенствования своей профессиональной подготовки [1. С. 11]. Специалисты в социально-политической сфере опираются на *дискурсное чтение*, которое отличается полнотой, точностью и глубиной понимания и позволяет читателю погрузиться в исторический и социально-культурный контекст возникновения, распространения и функционирования текста [4. С. 80]. *Реферативное чтение* используется в профессиональной деятельности референта, результатом которой является реферат, составленный из основных положений текста, т.е. тезисов [2. С. 28—34]. При *интеграционном чтении* специалист обрабатывает информацию при помощи чтения, а после прочтения привлекает дополнительные источники, связанные с темой прочитанного материала, для достижения своих целей, образуя, таким образом, свое собственное понимание данного вопроса [15. С. 45]. *Филологическое чтение* может быть использовано в профессиональной деятельности филолога. Оно основано на глубоком восприятии и понимании контекста, а также знании различных средств, которые использует автор в своем произведении [6; 8; 9; 13]. *Редакторское чтение* используется в деятельности редактора и направлено на анализ полученного текста и текста, который появляется в процессе правки [7].

Анализ выделяемых видов чтения показал, что специалисты в зависимости от задачи, которая стоит перед ними, гибко используют различные виды чтения, плавно переходя от одного вида к другому, причем в рамках различных профессий чтение приобретает отличительные характеристики. При этом следует отметить, что при рассмотрении профессионально ориентированных видов чтения исследователи берут за основу виды чтения, предложенные З.И. Клычниковой (аналитическое, синтетическое) и С.К. Фоломкиной (ознакомительное, изучающее, просмотровое, поисковое).

Для того чтобы определить те виды чтения, которые релевантны для деятельности переводчика научно-технических текстов, рассмотрим подробно данные виды чтения.

Синтетическое и *аналитическое* чтение соотносится с понятиями анализа и синтеза, эти виды между собой как единый процесс. Аналитическое чтение характеризуется пониманием смысла текста через особенности его языковых форм,

при котором происходит сопоставление новой информации с ранее полученной, сравнение между собой разных положений автора. Это чтение с выработкой собственной оценки и отношений к прочитанному, через «призму» имеющегося опыта у читателя. При синтетическом чтении информация в тексте воспринимается целостно, чтец не прибегает к помощи словаря. Следует также отметить, что незнакомый материал не должен быть помехой при данном виде чтения [5. С. 80—86].

Изучающее чтение (reading for details — термин Нуталл (1982); Греллет (1992); Ур (1996) и др.) — это вид чтения, результатом которого является полное (100%) и точное понимание всех фактов, имеющих в тексте. При изучающем чтении, по мнению С.К. Фоломкиной, из текста извлекается то, что «очень важно для читающего, который стремится не только максимально точно понять, но и критически осмыслить информацию». Предполагается, что получаемая в процессе чтения информация будет в дальнейшем использована. Следовательно, у читателя действует установка на длительное запоминание. Изучающее чтение, таким образом, зачастую бывает медленным, сопровождается остановками, перечитыванием отдельных мест [13. С. 33].

Под *ознакомительным чтением (skimming* — термин Нуталл (1982); Греллет (1992); Ур (1996) и др.) понимается такой вид чтения, при котором читающий выделяет наиболее существенную информацию. Степень полноты понимания при данном виде чтения составляет 70—75% содержащихся в тексте фактов. При этом, как отмечает автор, «понимание основной информации должно быть точным, а понимание второстепенной информации — правильное, не искаженное». Не совсем полное понимание при данном виде чтения имеет место. Читающий может использовать неполное понимание по различным причинам: ему необходимо освежить в памяти информацию, которую он забыл, а она может понадобиться ему для каких-либо целей или при предварительном прочтении он не понял из-за незнания значения слова или информацию, которую он опустил по определенной причине [13. С. 33—34].

Просмотровое чтение (scanning for general information — термин Нуталл (1982); Греллет (1992); Ур (1996) и др.) дает возможность читающему получить общее представление о статье, книге, тексте, журнале, не вникая в детали, представленной в тексте информации. Данный вид чтения используется при первичном ознакомлении с публикациями для того, чтобы определить, «есть ли в них необходимая/интересующая информация, на основе чего принимается решение, «нужна/не нужна»; для освежения в памяти ранее прочитанного; при отборе необходимых материалов для определенной цели и дальнейшей работы; при подборе письменных материалов по определенному вопросу с целью дальнейшего реферирования, обзора и т.п.» [13. С. 35].

Поисковое чтение (scanning for details — термин Нуталл (1982); Греллет (1992); Ур (1996) и др.) связано с нахождением в тексте конкретной информации, необходимой для читающего. Читающий находит в тексте отдельные слова, фразы, предложения, по которым приходит к выводу, содержит или не содержит отрывок нужную ему информацию. Тематика просматриваемых частей оценивается только с точки зрения того, может ли в них находиться искомая информация. Как только читающий определяет, что данная информация не является для него значимой,

чтение прекращается. Если информация ему необходима, то характер чтения меняется. В случае поискового и просмотрового видов чтения затруднительно определять процентное содержание полноты понимания. Важным является вопрос о том, достигнут ли результат [13. С. 35—36].

В профессиональной деятельности переводчик также будет гибко переходить от одного вида чтения к другому. В зависимости от цели, которую он выполняет в процессе перевода, эти виды чтения будут чередоваться и, по всей видимости, приобретать специфические характеристики. Для того чтобы определить, какой вид чтения будет использоваться на каждом из этапов деятельности переводчика научно-технических текстов, был проведен опрос переводчиков. В опросе участвовало 26 переводчиков. Им предлагалось ознакомиться с определениями различных видов чтения и расположить рядом с каждой из указанных в опроснике переводческих задач те виды чтения, которые, по их мнению, используются для ее решения.

При определении переводческих задач за основу была взята интегративная модель обучения переводу Н.Н. Гавриленко, которая, основываясь на исследованиях в области психологии, психолингвистики, лингводидактики, выделяет четыре этапа в деятельности переводчика: подготовка к переводу; аналитический; синтезирующий; коррекция ПТ.

Данные этапы имеют различные задачи, которые переводчику необходимо решать для качественного выполнения своей профессиональной деятельности с момента получения заказа на перевод до сдачи переведенного текста заказчику.

На этапе подготовки к переводу переводчик получает от заказчика информацию о предстоящем переводе и исходный текст и определяет уровень своей компетентности в области предстоящего перевода, проводит предварительный анализ полученного текста, чтобы подготовить соответствующие источники информации, словари, базы данных и т.д.

На аналитическом этапе перед переводчиком стоит задача понять и интерпретировать исходный текст с целью последующего перевода. На этом этапе помощь переводчику оказывает информационно-справочный поиск и переводческий анализ исходного текста.

На синтезирующем этапе переводчик проводит терминологический поиск, находит значение новых и неизвестных терминов, которые заносит в собственную базу данных (терминов и справочной литературы), подбирает эквиваленты и соответствия на языке перевода и создает текст перевода на основе понятого исходного текста.

На последнем — корректирующем — этапе переводчик проверяет текст перевода, редактирует и оформляет его в соответствии с требованиями заказчика [3. С. 61—81]. Результаты опроса показали что, кроме аналитического, синтетического, ознакомительного, изучающего, просмотрового, поискового, переводчики отметили такие виды чтения как филологическое и редакторское.

При филологическом чтении рассматриваются особенности языкового выражения и делается упор на обработку филологической информации, содержащейся в тексте. Культура познается в данном виде чтения через язык, который представлен в тексте [6; 8; 9; 13]. Внимание читающего при филологическом чтении направлено на овладение лучшими формами языкового выражения [14. С. 19].

Данный вид чтения позволяет наиболее глубоко проникнуть в определенное социокультурное явление, описываемое в тексте, выявить отношение автора к описываемым явлениям, оценить и прокомментировать прочитанный текст с точки зрения содержащейся в ней филологической информации [9. С. 96—99]. Вероятно, переводчик не будет использовать в полной мере данный вид чтения, но его элементы, будут присутствовать в переводческом чтении. Так, например, прочтение какого-либо фрагмента текста или всего текста с элементами филологического чтения позволит переводчику глубже понять смысл текста и рассмотреть его с позиций как формы, так и содержания. Однако для переводчика научно-технических текстов не представляется значимым выражение собственного мнения в результате прочитанного текста. Он должен быть объективным и воздерживаться от личной оценки.

Переводчики также отметили, что в своей деятельности они будут использовать редакторское чтение, которое использует редактор при редактировании текста. Целью данного вида чтения является глубокое овладение смыслом, понимание, о чем пишет автор и какими формальными средствами он пользовался для передачи этого смысла. Читая текст, редактора интересует не информация, рассматриваемая в тексте, а реальность, которую он оценивает с критической точки зрения на предмет выявления не только удач или неудач автора, но и причин их вызвавших [7. С. 178—180].

Следует предположить, что и редакторское чтение не будет полностью релевантным переводческому чтению; так же как и в случае с филологическим чтением, оно будет иметь свою специфику. Следует отметить, что современных условиях переводчики часто вынуждены самостоятельно редактировать тексты перевода. В данном случае трудность будет заключаться в том, что объектом правки будет являться собственный, а не чужой как при редакторском виде чтения, текст.

Проведенный опрос позволил определить используемые переводчиками виды чтения и расположить их последовательно для решения определенных задач. Ниже представлена таблица, в которой представлены результаты опроса.

Таблица

Виды чтения, используемые переводчиками

Этап	Задачи этапа	Вид чтения
Подготовка к переводу	Получение текста для письменного перевода от заказчика и подготовка к нему	Просмотровое чтение Поисковое чтение
Аналитический этап	Информационно-справочный поиск	Просмотровое чтение Поисковое чтение
	Переводческий анализ	Поисковое чтение Ознакомительное чтение Изучающее чтение Филологическое чтение Аналитическое чтение
Синтезирующий этап	Терминологический поиск	Поисковое чтение Аналитическое чтение
	Создание текста перевода	Просмотровое чтение Аналитическое чтение синтетическое чтение
Корректирующий этап	Исправление и оформление ПТ	Просмотровое чтение Редакторское чтение Аналитическое чтение

Таким образом, проведенный анализ видов чтения, выделяемых исследователями, и опросы переводчиков показали следующее:

— переводческое чтение является профессионально ориентированным видом чтения, который включает в себя различные виды чтения в зависимости от задач, стоящих перед переводчиком;

— в результате опроса профессиональных переводчиков было установлено, что в своей деятельности переводчики используют изучающее, ознакомительное, поисковое, просмотровое, аналитическое, синтетическое, филологическое и редакторское чтение.

Входя в состав профессиональной деятельности переводчика, виды чтения, по всей видимости, будут приобретать специфические черты, которые обусловлены спецификой деятельности переводчика и особенностями переводимых текстов. Данные особенности переводческого чтения следует учитывать при обучении переводу научных и технических текстов. Формировать соответствующие умения в различных видах чтения предполагается последовательно на каждом из этапов обучения при решении конкретных переводческих задач. При этом целесообразно опираться на ранее сформированные умения в различных видах чтения, ориентируя последние на выполнение профессионального перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Агапитова Т.Г.* Обучение информативному чтению в условиях формирования профессиональной культуры будущего учителя иностранного языка: Дисс. ... канд. пед. наук. — Пермь, 2000.
- [2] *Гапочка И.К.* Цели и содержание реферативного вида чтения на русском (иностранном) языке // Преподавание русского языка аспирантам-иностранцам. — М., 1981.
- [3] *Гавриленко Н.Н.* Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Книга 1. — М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2009.
- [4] *Иванов С.В.* Методика обучения дискурсивному чтению на иностранном языке студентов социально-политических специальностей: Дисс. ... канд. пед. наук. — Петербург, 2011.
- [5] *Клыччинова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке: пособие для учителей. — М.: Просвещение, 1973.
- [6] *Коряковцева Н.Ф.* Текст как материал для обучения приемам филологического чтения // Текст в учебном процессе: Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 282. — М., 1987.
- [7] *Константинова Л.А.* Стилистика и литературное редактирование. — Тула, 2007.
- [8] *Марьяновская Е.Л.* Взаимосвязанное формирование коммуникативной и учебной компетенций при обучении домашнему чтению студентов в языковом вузе. — Рязань, 2007.
- [9] *Перлова О.В.* Методика обучения филологическому чтению как компоненту профессиональной подготовки (английский язык, языковой вуз): Дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2009.
- [10] *Серова Т.С.* Психологические и лингводидактические аспекты обучения профессионально-ориентированному иноязычному чтению в вузе. — Свердловск, 1988.
- [11] *Смелкова З.С., Ипполитова Н.А., Ладыженская Т.А.* Риторика / Под ред. Н.А. Ипполитовой. — М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
- [12] URL: <http://www.science-education.ru/105-7254>
- [13] *Фоломкина С.К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. — М., 1987.
- [14] *Чаковская М.С.* Взаимодействие стилей научной и художественной литературы. — М., 1986.

- [15] *Grabe W., Stoller F.* Teaching and Researching Reading. — Longman: Pearson Education, 2004.
- [16] *Grellet F.* Developing Reading Skills: A Practical Guide to Reading Comprehension Exercises. — Cambridge CUP, 1992.
- [17] *Nuttall Ch.* Teaching reading Skills in a Foreign Language. — Oxford: Heinemann, 1982.
- [18] *Ur P* A Course in Language Teaching: Practice and Theory. — Cambridge: CUP 1996.

LITERATURA

- [1] *Agapitova T.G.* Obuchenie informativnomy chtenijyu v uslovijayh formirovaniya professionalnoi kul'tury budushego uchitel'ya inostrannogo yazyka: Diss. ... kand. ped. nauk. — Perm, 2000.
- [2] *Gapochka I.K.* Tseli i sodержaniye referativnogo vida chenija na russkom (inostrannom) yazyke // Prepodavaniye russkogo yazyka aspirantam inostrantsam. — M. 1981.
- [3] *Gavrilenko N.N.* Teorija i metodika obuchenija perevody v sphere professionalnoi kommunikatsii. Kniga 1. — M.: Naucho-technicheskoye obshchestvo imeni akademika S.I. Vavilova, 2009.
- [4] *Ivanov S.V.* Metodika obuchenija diskursnomy chtenijyu na inostrannom yazyke studentov sotsialno-politicheskikh spetsialnostey: Diss. ... kand. ped. nauk. — S-Petersburg, 2011.
- [5] *Klychnikova Z.I.* Psichologicheskije osobennosti obucheniya chteniju na inostrannom yazyke: posobie dlya uchiteley. — M.: Prosveschenie, 1973.
- [6] *Koryakovtseva N.F.* Text kak material dlya obuchenija priyomam philologicheskogo chtenija // Text v uchebnom processe / MGPIIYA M.Toreza. Vyp. 282. — M., 1987. — P. 5—15.
- [7] *Konstantinova L.A.* Stylistika i literaturnoje redactirovaniye. — Tula, 2007.
- [8] *Maryanovskaya E.L.* Vzaimosvyazannoye formirovaniye kommunikativnoi i uchebnoi kompetentsii pri obuchenii domashnemu chtenijyu studentov v yazykovom vyze: Diss. ... kand. ped. nauk. — Ryazan, 2007.
- [9] *Perlova O.V.* Metodika obuchenija philogicheskomy chtenijyu kak komponenty professionalnoi podgotovki (anglijskiy yazyk, yazykovo vyze): Diss. ... kand. ped. nauk. — M., 2009.
- [10] *Serova T.S.* Psichologicheskije i lingvodidakticheskie aspekty obuchenija professionalno-orientirovannomy inoyazychnomy chtenijyu v vyze. — Sverdlovsk. Ural, 1988.
- [11] *Smelkova Z.S., Ippolitova N.A., Ladyzhenskaya T.A. and others* Rhetoric. — M., 2008.
- [12] URL: <http://www.science-education.ru/105-7254> (data obrasheniya 29.12.13).
- [13] *Folomkina S.K.* Obuchenije chteniju na inostrannom yazyke v neyazykovom vyze. — M., 1987.
- [14] *Chakovskaya M.S.* Vzaimodeystviye stiley nauchnoi i khudozhestvennoi literatury. — M.: Vyshaja shkola, 1986.
- [15] *Grabe W., Stoller F.* Teaching and Researching Reading. — Longman: Pearson Education, 2004.
- [16] *Grellet F.* Developing Reading Skills: A Practical Guide to Reading Comprehension Exercises. — Cambridge CUP, 1992.
- [17] *Nuttall Ch.* Teaching reading Skills in a Foreign Language. — Oxford: Heinemann, 1982.
- [18] *Ur P* A Course in Language Teaching: Practice and Theory. — Cambridge: CUP 1996.

TYPES OF READING WHILE TEACHING TRANSLATING SCIENCE-TECHNICAL TEXTS

Yu.N. Biryukova

Peoples' friendship university of Russia
Mikluho-Maklai, 6, Moscow, Russia, 117198

Reading scientific technical texts by a translator is an important part of his professional activity. This article deals with different types of reading that a translator uses on different stages of his professional activity.

Key words: reading, types of reading, stages of translation activity, translation tasks

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Е.В. Гакова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются концепции компетентностного подхода в обучении, анализируются подходы к определению понятий компетентности и компетенций переводчика. Указывается необходимость использования компетенционного подхода в процессе обучения как определяющего дальнейшую эффективную профессиональную деятельность. В ходе проведенного анализа научной литературы автор выделяет основные компетенции, составляющие компетентность переводчика профессионально ориентированных текстов.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенционный подход, компетентность, компетенции, переводчик, профессионально ориентированный текст.

Российская система высшего профессионального образования сейчас переходит от традиционного дидактического обучения к компетентностному подходу, ориентированному не только на результат обучения в виде профессиональных знаний, умений и навыков, но и на способность будущего специалиста эффективно действовать в конкретных жизненных обстоятельствах. Представления о личностных и профессиональных качествах будущего специалиста, закреплённые Федеральным государственным образовательным стандартом, позволяют создавать новые образовательные нормативные документы, определяющие требования к содержанию и условиям образования, квалификации и компетенциям специалистов, программы и методики обучения. Одна из важных задач при этом — максимально полно и точно определить перечень необходимых компетенций. Особое значение это приобретает в отношении подготовки узкоспециализированных специалистов.

Согласно концепции модернизации российской системы образования, основной целью профессионального образования является «подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности» [11].

Таким образом, при формировании профессиональной компетентности переводчика профессионально ориентированных текстов еще до начала обучения необходимо понимать, каким набором знаний, умений, навыков и личностных качеств он должен обладать в конце обучения. Мы согласны с мнением исследователя А.Г. Бермуса в том, что «современная экономика ориентирована на кадры, которые намного превосходят показатели образования большинства выпускников как средней, так и высшей школы и, что более значимыми и эффективными для ус-

пешной профессиональной деятельности являются не разрозненные знания, а обобщенные умения, проявляющиеся в умении решать жизненные и профессиональные проблемы» [3].

Идеи компетентностного подхода рассматриваются сейчас многими исследователями. Так, А.Г. Бермус описывает компетентностный подход как «подход в обучении, который предполагает идеи общего и личностного развития, сформулированные в контексте психолого-педагогических концепций развивающего и личностно ориентированного образования. В этой связи компетенции рассматриваются как сквозные, вне- над- и метапредметные образования, интегрирующие как традиционные знания, так и разного рода обобщенные интеллектуальные, коммуникативные, креативные, методологические, мировоззренческие и иные умения» [3]. А.А. Игнатенко утверждает, что «в системе высшего профессионального образования компетентностный подход рассматривается как технология моделирования результатов образования и предоставления норм качества профессионального образования в виде компетентностей и компетенций, метакачеств, ориентация образования на цели-векторы: обучаемость, самоопределение, самоактуализацию, социализацию и развитие индивидуальности» [9]. Мы в нашем исследовании придерживаемся точки зрения исследователя Л.О. Филатовой, которая определила основу компетентностного подхода следующим образом: «компетентность объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющую образования; понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но мотивационную, этическую, социальную и поведенческую; она включает результаты обучения (знания и умения), систему, привычки, ценностные ориентации и др.; компетентность означает способность мобилизовать полученные знания, умения, опыт способы поведения в условиях конкретной ситуации, конкретной деятельности; в понятии компетентности заложена идеология интерпретации содержания образования» [14. С. 10].

Компетентностный подход включает в себя два основных понятия — «компетенция» и «компетентность». Многие исследователи по-разному определяют значение этих терминов. И.А. Зимняя рассматривает компетентность как «актуальное, формируемое личностное качество, как основывающуюся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленную социально-профессиональную характеристику человека, его личностное качество» [8. С. 16], а компетенции — как «внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые выявляются в компетентностях человека» [8. С. 18]. И.А. Зимняя, анализируя структуру компетентности, приходит к выводу, что «а) компетентность шире знаний и умений, она включает их в себя; б) компетентность включает эмоционально-волевую регуляцию поведенческого проявления; в) содержание компетентности значимо для субъекта ее реализации; г) будучи активным проявлением человека в его деятельности и поведении, компетентность характеризуется мобилизационной готовностью как возможностью ее реализации в любой требующей этого си-

туации» [8. С. 19]. В коллективной работе Э.Ф. Зеера, А.М. Павловой, Э.Э. Сымаюк подчеркивается, что «компетентность человека определяют его знания, умения и опыт, способность мобилизовать знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации»; по их мнению, «компетенции — это обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное выполнение профессиональной деятельности» [7. С. 44—46]. А.С. Белкин отмечает, что если компетенции можно условно обозначить как совокупность того, чем человек располагает, то компетентность — совокупность того, чем он владеет [2. С. 36]. В нашем исследовании мы опираемся на определения, данные А.В. Хуторским: «компетенция — включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним; компетентность — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [15].

Определение профессиональной компетентности переводчика, классификация входящих в ее состав компетенций относятся к кругу актуальных проблем современной лингвистики, однако единого мнения по данной проблеме в настоящее время пока не выработано. Остановимся на подходах, предложенных в наиболее убедительных, по мнению ученых, концепциях. Р.К. Миньяр-Белоручев предлагает выделить в структуре компетентности три вида компетенций: языковую, речевую и лингвострановедческую [12. С. 131]. В.Н. Комиссаров доводит число рассматриваемых компетентностей до четырех: языковая, коммуникативная, текстообразующая, техническая, включая понятие о личностных характеристиках как составляющей профессиональной компетенции переводчика [10. С. 326]. Многие авторы говорят о ведущей роли в переводческой деятельности социокультурной или межкультурной компетенции. Зарубежный исследователь Ж. Делиль указывает, что основные переводческие школы Канады и Франции выделяют следующие виды компетенций профессионального переводчика: лингвистическую, переводческую, методологическую, тематическую, техническую [20]. Иной подход предлагает исследовательская группа ПАКТ, называя в качестве компетенций лингвистическую, экстралингвистическую, навык передачи информации, профессиональную компетенцию и знания информационных технологий, психофизиологические навыки, стратегические навыки [18]. Таким образом, анализ показал, что в отношении профессиональной компетентности переводчика, классификаций входящих в ее состав компетенций существует ряд разработок, предложены различные подходы.

Предметом нашего исследования является компетентность и профессиональные компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов, следовательно, мы должны уточнить, что речь идет о дополнительной квалификации, которую студенты неязыковых вузов получают в дополнение к основной специальности, в нашем случае инженерной/технической специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Анализ степени разработанности про-

блемы показал, что применительно к обозначенной нами деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов вопрос компетентности и включаемых компетенций исследователями практически не поднимался.

Данная задача с учетом специфики специализированных текстов предполагает дополнение перечня приведенных общих компетенций. Н.Н. Гавриленко подчеркивает, что кроме вышеперечисленных компетенций, «профессиональная компетентность переводчика научно-технических текстов включает в себя еще и знания специалиста в определенной научно-технической области и что знания, полученные студентом по основной специальности, могут и должны быть использованы в процессе его подготовки к сложной деятельности переводчика научно-технических текстов» [4. С. 83]. Владение специальностью, в том числе и ее терминологией, помогает правильно и точно понять исходный текст, а также подобрать необходимые эквиваленты, что гарантирует более качественный перевод текста. Такой «перенос» знаний из одной профессии в другую Н.Н. Гавриленко называет термином «интегративные знания» [4. С. 83]. Ранее исследователь Ю.Н. Семин под интегративными знаниями предложил понимать «обобщенные знания из совокупности учебных дисциплин, образующие целостную систему, имеющую междисциплинарную структуру» [13. С. 14]. Таким образом, можно прийти к выводу, что мобилизация интегративных знаний активизирует познавательную деятельность и формирует в сознании обучаемых систему взаимосвязанных знаний, развивает критическое мышление. Поэтому для переводчика профессионально ориентированных текстов важно уметь отбирать, анализировать и эффективно применять необходимые знания.

Учитывая вышесказанное, предлагаем выделить основные, на наш взгляд, профессиональные переводческие компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов, которые необходимо формировать в процессе обучения переводу данного вида текстов:

— языковая компетенция — знание как минимум двух языков — своего и иностранного, знание языковых средств, норм и правил;

— коммуникативная компетенция — подразумевает не только владение иностранным языком, но и заведомо продуманный выбор реализации программ речевого поведения в зависимости от конкретной ситуации общения;

— социокультурная компетенция или «фоновые знания» — включает в себя знания «национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями процессе общения» [17. С. 140];

— техническая компетенция переводчика — включает знания, умения и навыки, необходимые для выполнения переводческой деятельности. Прежде всего это знания о стратегиях перевода, переводческих приемах и трансформациях;

— текстообразующая компетенция — «умение создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения обеспечивать надлежащую структуру текста, использовать языковые единицы текста по правилам построения речевых единиц в языке, оценивать место и соотноше-

ние отдельных частей текста и воспринимать текст как связное речевое целое. Она включает в себя выбор переводческой стратегии в отношении текста» [9. С. 327—328];

— информационно-технологическая компетенция — владение компьютерными технологиями, поиск информации в сети Интернет, владение электронными словарями и каталогами, а также умение осуществлять любой поиск информации с использованием любых информационных носителей, работать в разных поисковых системах, критически относиться к найденной информации. Эта компетенция подразумевает также способность и умение переводчика находить, анализировать и эффективно использовать сведения, полученные из нетрадиционных источников информации для успешного осуществления межкультурной коммуникации. Мы выделяем ее как компетенцию, так как в наши дни иметь просто знания компьютерных технологий профессионалу уже недостаточно;

— экстралингвистическая компетенция — «динамическое единство разноуровневых декларативных (имплицитных и эксплицитных) предметных, энциклопедических знаний о фактах объективно существующей действительности, лежащих вне структуры языка и включающих в себя знания о контексте речевого акта, проблеме коммуникации, ее участниках, и другие знания об окружающем мире, в том числе, знания об актуальных событиях» [1];

— интегративная компетенция — способность мобилизовать знания, умения и навыки, полученные по своей основной технической специальности, успешно применять их в процессе перевода профессионально ориентированных текстов. Для переводчиков профессионально ориентированных текстов эта компетенция является одной из фундаментальных» [6].

Как уже было сказано ранее, компетентный специалист должен обладать набором профессиональных компетенций, без которых его профессиональная деятельность не будет возможной, однако просто соответствовать квалификации и ожиданиям работодателя сейчас уже недостаточно. Современные работодатели ожидают эффективной или выдающейся деятельности от своих подчиненных. Таким образом, мы говорим о обязательном наличии у современных переводчиков профессионально ориентированных текстов определенных поведенческих компетенций, которые позволят молодому специалисту правильно пользоваться своими знаниями, умениями и навыками и которые помогут сделать результаты его работы эффективными или даже выдающимися, а данные поведенческие аспекты рассматривает уже компетентный подход, представляя собой поведенческий подход, предопределяющий эффективную или выдающуюся деятельность [19], активно развивающийся и пользующийся популярностью во всем мире. Применяя компетентный подход к креативности, мы выделяем креативные компетенции или кластер креативных компетенций как поведенческий подход, предопределяющий эффективную учебную деятельность и способствующий дальнейшей профессиональной деятельности.

Креативные компетенции — это врожденные и развиваемые виды поведения, способствующие творческому типу мышления, проявляемому в деятельности,

в результате которой создается не только инновационный продукт, имеющий ценность, но который, способствует также и инновационному преобразованию самой личности. С точки зрения обучения переводчиков профессионально ориентированных текстов мы выделяем следующие компетенции, необходимые молодому специалисту в будущем: саморефлексия, самосовершенствование и самообразование, адаптивность, гибкость, воздействие, работа в коллективе, компетенция отбора информации (критическое мышление), технологическая компетенция, а также постоянная модернизация моделей поведения и стратегий эффективного использования опыта в решении новых задач.

Личностные качества подразумевают широкий спектр различных личностных качеств, способствующих успешному выполнению профессиональной деятельности: коммуникабельность, чувство такта, стремление к постоянному пополнению знаний, многообразие интересов, любознательность, логическое мышление, сосредоточенность, умение обрабатывать различные объемы информации, грамотно распределять внимание, быстрая реакция, хорошая переключаемость с одного задания на другое. Переводчик профессионально ориентированных текстов должен также обладать широким научным и культурным кругозором, иметь знания в смежных областях науки, быть наблюдательным, сосредоточенным, самокритичным, физически выносливым, так как ему часто приходится работать в тяжелом режиме, уметь быстро мобилизовать ресурсы своей памяти, продуктивно распределять свое время, быть эрудированным [6].

Рассуждая об успешном компетентном профессиональном переводчике профессионально ориентированных текстов, важно обратить внимание на то, что формирование профессиональной компетентности должно происходить в процессе целенаправленной учебной деятельности, в креативной дидактической среде, способствующей формированию и развитию не только профессиональных компетенций, но и поведенческих, таких как креативность, способствующих не только компетентности будущего профессионала, но и его дальнейшей эффективной деятельности. Креативность — это «не только основа всех профессиональных действий переводчика, но и его основная привилегия. Креативность напрямую связана с личностно-психологическим портретом переводчика, с его жизненными устоями и накоплениями» [5. С. 14]. В процессе обучения переводу профессионально ориентированных текстов студенты должны изучать методы решения типичных переводческих задач и вырабатывать стратегии поиска индивидуальных творческих решений. М.Я. Цвиллинг отмечает, что успех при подготовке переводчиков может быть достигнут только за счет одновременного использования трех взаимосвязанных факторов, которые условно можно обозначить терминами «социальная практика», «профессиональная подготовка», «самосовершенствование» [16. С. 132].

Таким образом, чтобы стать компетентным переводчиком профессионально ориентированных текстов, будущий специалист должен очень хорошо владеть иностранным языком, переводческими стратегиями и приемами, разбираться в культурных особенностях социального и речевого поведения носителей ино-

странного языка, уметь правильно и точно выбирать речевую стратегию согласной коммуникативной ситуации, создавать тексты в соответствии с коммуникативной задачей общения, хорошо владеть информационными технологиями, быть компетентным специалистом по своей основной технической специальности и уметь применять эти знания в процессе переводческой деятельности, быть внимательным, эрудированным и грамотным посредником коммуникации, а также креативной личностью, способной к саморазвитию и самосовершенствованию.

Для того чтобы выпускник обладал всеми перечисленными профессиональными и поведенческими компетенциями, необходимо четкое понимание роли и места каждой из них в учебном процессе, структуру и классификацию центральных понятий «компетенция» и «компетентность». Предложенная в данной статье концепция, выработанная в ходе проведенного нами исследования, на наш взгляд, способна помочь сформировать продуктивный подход к формированию образовательной стратегии подготовки переводчиков профессионально ориентированных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аликина Е.В., Швецова Ю.О.* Формирование экстралингвистической компетентности устных переводчиков // *Электронный журнал «Современные проблемы науки и образования»*. — 2012. — № 2. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.science-education.ru/102-6037/>
- [2] *Белкин А.С.* Компетентность. Профессионализм. Мастерство. — Челябинск, 2004.
- [3] *Бермус А.Г.* Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // *Интернет-журнал «ЭЙДОС»* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>
- [4] *Гавриленко Н.Н.* Лингвистические и методические основы подготовки переводчиков с иностранного языка на русский в области науки и техники (на примере перевода с французского на русский): Дисс. ... докт. пед. наук. — М., 2006.
- [5] *Гакова Е.В.* Роль креативности в процессе формирования профессиональной компетентности переводчика // *Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность»*. — 2012. — № 1. — С. 11—18.
- [6] *Гакова Е.В.* Формирование профессиональной компетенции будущих переводчиков профессионально ориентированных текстов // *Сб. научных трудов по материалам 8-й Международной научно-методической конференции: Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы*. — М.: РУДН, 2013. — С. 185—193.
- [7] *Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э.* Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: Учеб. пособие. — М., 2005.
- [8] *Зимняя И.А.* Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // *Высшее образование сегодня*. — 2005. — № 11.
- [9] *Игнатенко А.А.* Компетентностный подход в системе ВПО [Электронный ресурс]. — URL: <http://do.teleclinica.ru/375047/>
- [10] *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2001.
- [11] Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html
- [12] *Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. — М.: Московский Лицей, 1996.
- [13] *Семин Ю.Н.* Интегративность знаний и педагогическая модель ее измерения // *Проблемы теории и методики обучения*. — 1999. — № 4. — С. 14—17.

- [14] *Филатова Л.О.* Компетентностный подход к построению содержания обучения как фактор развития преемственности школьного и вузовского образования // *Дополнительное образование*. — 2005. — № 7. — С. 9—11.
- [15] *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Интернет-журнал «ЭЙДОС» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>
- [16] *Цвиллинг М.Я.* Требования к личности устного переводчика и проблемы профессиональной подготовки // *Перевод и лингвистика текста*. — М.: ВЦП, 1994. — С. 128—135.
- [17] *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. — М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007.
- [18] *Beeby A., Ensinger D.* PACTE Acquiring Translation Competence: hypotheses and methodological problems in research project // *Investigating Translation*. — Amsterdam: John Benjamins, 2000. — P. 99—106.
- [19] *Boyatzis Richard E.* Competencies in the 21st century // *Journal of Management Development*. — 2008. — Vol. 27. — No. 1. — P. 5—12.
- [20] *Delisle J.* Enseignement de la traduction et traduction dans l'enseignement. — Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. — P. 242.

LITERATURA

- [1] *Alikina E.V., Shvetsova U.O.* Formirovanie ekstralingvisticheskoy kompetentnosti ustnuy perevodchikov. *Elektronniy zhurnal Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012. № 2. [Elektronniy resurs]. — URL: <http://www.science-education.ru/102-6037/>
- [2] *Belkin A.S.* Kompetentnost. Professionalizm. Masterstvo. Tseliabinsk, 2004.
- [3] *Bermus A.G.* Problemi i perspektivi realizatsii kompetentnostnogo podhoda v obrazovanii. *Internet-zhurnal Eidos* [Elektronniy resurs]. — URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>
- [4] *Gavrilenko N.N.* Lingvisticheskie i metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov s inostrannogo yazyka na russkiy v oblasti nauki i tekhniki (na primere perevoda s frantsuzskogo na russkiy): Duss. ... dokt. ped. nauk. M., 2006.
- [5] *Gakova E.V.* Rol kreativnosti v protsesse formirovaniya professionalnoy kompetentnosti perevodchika // *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost'*. 2012. № 1. S. 11—18.
- [6] *Gakova E.V.* Formirovanie professionalnoy kompetenzii buduschikh perevodchikov professionalno orientirovannukh tekstov // *Sb. nauchnykh trudov po materialam 8-y Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii: Professionalno orientirovanniy perevod: realnost i perspektivy*. Moskva, RUDN, 2013 — S. 185—193.
- [7] *Zeer E.F., Pavlova A.M., Syimanuk E.E.* Modernizatsia professionalnogo obrazovaniya: kompetentnostniy podhod: Ucheb. posobie. M., 2005.
- [8] *Zimnyaya I.A.* Obschaya kultura i sotsialno-professionalnaya kompetentnost cheloveka // *Vushee obrazovanie cegodna*. — 2005. — N 11.
- [9] *Ignatenko A.A.* Kompetentnostniy podhod v sisteme VPO [Elektronniy resurs]. — URL: <http://do.teleclinica.ru/375047/>
- [10] *Komissarov V.N.* *Sovremennoe perevodovedenie*. — M.: ETS, 2001.
- [11] *Kontseptsiya modernizatsii Rossiyskogo obrazovaniya na period do 2010 goda* [Elektronniy resurs]. — URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html
- [12] *Minyar-Beloruhev R.K.* *Teoria i metody perevoda*. — M.: Moskovskiy Litsey, 1996.
- [13] *Semin U.N.* Integrativnost znaniy i pedagogicheskaya model ee izmereniya // *Problemy teorii i metodiki obucheniya*. — 1999. — № 4. — S. 14—17.
- [14] *Filatova L.O.* Kompetentnostniy podhod k postroeniю siderzaniya obucheniya kak faktor razvitiya preemstvennosti shkolnogo i vuzovskogo obrazovaniya // *Dopolnitelnoe obrazovanie*. — 2005. — № 7. — S. 9—11.
- [15] *Hutorskoy A.V.* Kluchevie kompetentsii i obrazovatelnie standarty. *Internet-zhurnal EDOS* [Elektronniy resurs]. — URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>

- [16] *Tsviling M.Y.* Trebovaniya k lichnosti ustnogo perevodchika i problemi professionalnoy podgotovki // *Perevod i lingvistika teksta*. — M.: VZP, 1994. — S. 128—135.
- [17] *Schukin A.N.* Lingvodidakticheskiy enziklopedicheskii slovar. — M.: Astrel; AST; Khranitel, 2007.
- [18] *Beeby A., Ensinger D.* PACTE Acquiring Translation Competence: hypotheses and methodological problems in research project // *Investigating Translation*. — Amsterdam: John Benjamins, 2000. — P. 99—106.
- [19] *Boyatzis Richard E.* Competencies in the 21st century. *Journal of Management Development* Vol. 27. No. 1, 2008. — P. 5—12.
- [20] *Delisle J* Enseignement de la traduction et traduction dans l'enseignement. Ottawa: University of Ottawa Press, 1998.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF TRANSLATORS OF PROFESSIONALLY ORIENTED TEXTS

E.V. Gakova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article outlines the concepts of the competence-based approach in education and tries to define the professional translators' competence. It shows the necessity to use the competency-based approach in education as the determiner of future effective professional activity. While analyzing the literature on the question the author suggests the idea of professional competences of translators of professionally oriented texts.

Key words: competence-based approach, competency-based approach, competence, competencies, translator, professionally oriented texts.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

И.И. Молчанова

Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

В статье говорится о применении электронного учебно-методического пособия на занятиях по английскому языку у студентов инженерных специальностей. Анализируются структура и результаты разработанного электронного учебно-методического пособия, основой которого является работа с проектами. Доказана эффективность использования электронного учебно-методического пособия на занятиях.

Ключевые слова: электронное учебно-методическое пособие, метод проектов, коммуникативная компетенция, студенты инженерных специальностей, английский язык.

Современное образование представляет собой непрерывный процесс, так как информация быстро устаревает и требует в информационном обществе постоянно обновления. Активное развитие новых информационных технологий и внедрение их в нашей стране наложили отпечаток на развитие личности современного студента. Одной из основных частей информатизации образования является использование информационных технологий в образовательных дисциплинах. В связи с этим особое внимание уделяется созданию условий для развития творческого личностного потенциала учащихся и расширения возможностей углубленного образования, в том числе языкового.

Сочетание традиционного обучения с использованием передовых технологий является необходимым условием качественного современного образования, целью которого является развитие активной, ответственной, сознательной, конструктивной личности. Применение электронных учебно-методических пособий (ЭУМП) на занятиях по английскому языку позволяет поднять учебный процесс на новый уровень, студент сам становится главной действующей фигурой и открывает путь к усвоению знаний. Преподаватель же выступает в этой ситуации активным помощником, и его главная функция — организация и стимулирование учебного процесса.

В настоящее время студенты прекрасно осознают необходимость применения компьютера в процессе обучения и в своей будущей профессиональной деятельности. Формирование основных общекультурных и профессиональных компетенций происходит быстрее в том случае, если учебные задачи, решаемые в рамках информационных технологий обучения, связаны с практической деятельностью будущего специалиста или представляют интерес в его сегодняшней учебной работе.

Однако в настоящее время наблюдается дефицит электронных учебно-методических пособий, разработанных для изучения английского языка для студентов инженерных специальностей.

С целью формирования коммуникативных умений, активизации самостоятельной работы студентов, развития их творческих сил и способностей нами было разработано и внедрено в учебный процесс ЭУМП «Разработай свой проект. Enjoy your projects!», которое проходило экспериментальную проверку на кафедре иностранных языков инженерного факультета Российского университета дружбы народов в течение нескольких лет. Опытное обучение проводилось в рамках однодичного модуля в Российском университете дружбы народов в 2006—2011 гг., а также в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в 2012—2013 гг. В эксперименте участвовали студенты, имевшие различный уровень языковой подготовки, учащиеся выполняли коллективные проекты.

Электронный текст пособия представляет собой линейную структуру логически и методически организованного текста, которая соответствует структуре «классического» печатного учебного пособия. Студенты могут работать с ЭУМП в следующих режимах: «Раздел», «Подраздел», «Приложение», «Грамматические тесты», «Лексические тесты», «Ключи», «Список литературы». Навигация в левой части экрана позволяет выбирать необходимый режим. Режим «Раздел» предназначен для полного ознакомления с тем или иным разделом. Студент может выбрать режим «Подраздел» в зависимости от своего выбора заданий. После ознакомления со II подразделом рекомендуются варианты ссылок на блоки упражнений, тестовый контроль или переход к III подразделу для разработки своих собственных проектов. Режим «Приложение» ориентирован на проведение практических занятий для разработки проектов. «Литература» представляет собой список основной и дополнительной литературы, рекомендованной к изучению по данному разделу или теме. Обратная связь в пособии реализуется через режим «Грамматические тесты» и «Лексические тесты», позволяющий осуществить контроль полученных знаний. Студентам предлагается пройти тест по текущей теме, существует также возможность выбора другого теста по любой теме курса. Доступность и простота в освоении и использовании пособия при обучении не требует специальной подготовки пользователя. Структура учебника, удобная система быстрой навигации позволяют свободно перемещаться по изучаемому материалу [5. С. 10].

Нами были поставлены задачи формирования коммуникативных умений и повышения мотивации к изучению английского языка в учебных группах на инженерном факультете посредством работы с использованием проектной методики.

При организации процесса обучения студентов-инженеров иноязычному общению с использованием ЭУМП основой которого является использование метода проектов, мы руководствовались системой упражнений, направленных на введение и усвоение лексики; системой заданий на формирование умений вести диалог; использованием активных форм и видов защиты проектов (дискуссий, оппонирования, ролевых игр и т.д.) с учетом речевого и поведенческого этикета.

Опыт работы показал, что применение данного пособия дает огромные преимущества перед традиционными методами преподавания английского языка. Прежде всего повышается интерес к изучаемому языку, студенты с удовольствием работают самостоятельно, с интересом разрабатывают проекты, изучают теорети-

ческий материал, выполняют грамматические и лексические тесты, применяя при этом интерактивные технологии получения знаний — компьютерные технологии.

Основное отличие и преимущество ЭУМП «Разработай свой проект. Enjoy your projects!» — в его интерактивности, в способности активизировать мышление студента в разработке проекта без особых усилий, а также заинтересованностью процессом самостоятельного добывания знаний, способностью создать на занятиях творческую атмосферу.

Особый интерес вызывают у студентов приложение с краткой дополнительной информацией по каждому проекту. Все это: и интерес к темам проекта, и желание работать самостоятельно, и просьбы студентов, бывших школьников, «разработать еще больше проектов» — легко объяснимо: за одиннадцать лет учебы в школе им настолько надоели «традиционные» методы преподавания, что они, получив право выбора, возможность думать, самостоятельно принимать решение и т.д., проявляют удивительное трудолюбие и добиваются результатов обученности, о которых в школе они и не мечтали.

При организации работы студентов на занятиях по английскому языку с применением ЭУМП не возникало особых затруднений. Студенты свободно оперировали соответствующими лексическими единицами; осуществляли выбор языковых единиц (ЯЕ) в соответствии с контекстом высказывания; правильно употребляли их в зависимости от характера общения и того впечатления, которое может быть оказано на собеседника; вели диалог, полилог, высказывали свою точку зрения с учетом профессионального компонента, а также выслушивали мнения оппонентов, реагируя на их реплики и высказывания; логично строили свое выступление, спокойно изучали новый и повторяли старый грамматический материал, с удовольствием решали кроссворды, направленные на пройденную лексику и т.п. Однако, чтобы на занятии данный метод работы был эффективным, необходима определенная быстрота работы. Предложенные в пособии таблицы значительно облегчали и ускоряли работу над проектом. Особый интерес у студентов вызвала презентация проекта.

Анализ применения данного пособия с использованием метода проектов свидетельствует о повышении интереса к освоению нового материала, активизации внимания, абстрактного мышления, росту эффективности освоения учебной информации.

Эксперимент показал, что работа с данным ЭУМП дает особенно хорошие результаты. Учащимися было отмечено удобство того, что каждый мог в своем режиме просматривать весь процесс, а при возникновении затруднений вернуться назад и повторить фрагмент заново.

Подводя итоги, мы доказываем, что использование ЭУМП позволяет нам сделать занятие по английскому языку современным. Использование компьютерных технологий в процессе обучения влияет на рост профессиональной компетентности преподавателя, это способствует значительному повышению качества образования, что ведет к решению главной задачи образовательной политики.

Опираясь на практические результаты использования электронного учебно-методического пособия с применением метода проектов, можно отметить, что ме-

тод проектов является дидактическим средством повышения мотивации в обучении иностранным языкам, хорошей формой развития коммуникативных умений (при этом за отправную точку дискуссии принимался текст) [6. С. 127]. Проектная методика позволяет сформировать эффективную внешнюю и внутреннюю мотивацию к изучению английского языка для специальных целей, которая определяется осмыслением задач учебной деятельности в условиях учебно-профессионального дискурса будущего инженера, а также формированием основных навыков, необходимых специалисту для успешной профессиональной деятельности. Работа с предложенными ситуациями в ходе разработки проектов доказала, что при этом происходит совершенствование умений профессиональной коммуникации, повышение уровня общей и профессиональной коммуникативной компетенции будущих инженеров.

Практические результаты подтверждают, что те учащиеся, которые систематически работают с ЭУМП и занимаются проектной деятельностью, повышают качество знаний. Учащиеся проявляют устойчивый интерес к изучению английского языка, участвуют в различных конкурсах и показывают хорошие результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вохрышева Е.В., Стрельников В.Н.* Обучение диалогическому взаимодействию на английском языке с помощью новых компьютерных технологий / Самар. гос. акад. культуры и искусств // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: Электрон. науч.-практ. конф. — Самара, 2001. — С. 124—130.
- [2] *Галиуллина Т.Н.* Обучение иностранному языку с помощью новых информационных технологий // Материалы региональной научно-практической конференции «Английский язык в системе «Школа — Вуз». — Новосибирск, 2003.
- [3] *Иванова Л.И.* Сетевой англоязычный инженерный дискурс. — VI Степановские чтения. Язык и культура. На материале романо-германских и восточных языков: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. — М.: РУДН, 2007. — С. 91—93.
- [4] *Кобыльская И.И.* Разработай свой проект. Enjoy your projects!: Учебно-методическое пособие. — М.: РУДН, 2007.
- [5] *Кобыльская И.И.* Проектная методика обучения английскому языку студентов инженерных специальностей на базе электронного учебно-методического пособия: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — М.: РУДН, 2008.
- [6] *Михеева Н.Ф.* О роли коммуникативных информационных технологий в современном мире // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики: Материалы I Межд. науч. конф. — М.: МГЛУ, 2002. — С. 14—20.

LITERATURA

- [1] *Vohrysheva E.V., Strelnikov V.N.* Obuchenie dialogicheskomy vzaimodejstviu na anglijskom yazyke s pomoshju novyh kompjuternyh tehnologij // Vuz kulturey i iskusstv v obrazovatelnoj sisteme regiona: materialy elektronnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Samara: Samar-skaya gosudarstvennaya akademiya kulturey i iskusstv, 2001. — S. 124—130.
- [2] *Galiulina T.N.* Obuchenie inostrannomu yazyku s pomoshju novyh informatsyonnyh tehnologij // Anglijskij yazyk v sisteme «Shkola — Vuz»: Materialy regionalnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Novosibirsk: Arta, 2003. — S. 15—18.

- [3] *Ivanova L.I. Setevoy angloyazychnyj inzhenernyj diskurs // VI Stepanovskie chteniya. Yazyk i kultura. Na materiale Romano-Germanskih i vostochnyh yazykov: Materialy dokladov i soobshenij Mezhdunarodnoj konferentsii. — M.: RUDN, 2007. — S. 91—93.*
- [4] *Kobylskaya I.I. Razrabotaj svoj proekt. Enjoy your projects!: Uchebno-metodicheskoe posobie. — M.: RUDN, 2007.*
- [5] *Kobylskaya I.I. Proektnaya metodika obucheniya anglijskomu yazyku studentov inzhenernyh spetsialnostej na baze electronnogo uchebno-metodicheskogo posobija: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. — M.: RUDN, 2008.*
- [6] *Mikheeva N.F. O roli kommunikativnyh informatsionnyh tehnologij v sovremennom mire // Metody sovremennoj kommunikatsii: problemy teorii i sotsialnoj praktiki: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. — M.: MGLU, 2002. — S. 14—20.*

EFFICIENCY OF USE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL MATERIAL FOR STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALTIES

I.I. Molchanova

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419

The article says about the use of electronic educational material during English lessons for students of engineering specialties. The structure and the results of the electronic educational material, which basis is elaboration projects, were analysed. The efficiency of use of electronic educational material was proved.

Key words: electronic educational material, project method, communicative competence, students of engineering specialties, English language.

НАШИ АВТОРЫ

Бекеева Анна Рапкатовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: annabeck@radio.fm)

Бирюкова Юлия Николаевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков инженерного факультета РУДН, соискатель кафедры иностранных языков инженерного факультета РУДН (e-mail: yu.birukova@yahoo.com)

Воркина Ксения Сергеевна — ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН

Гакова Елена Васильевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков инженерного факультета РУДН, аспирант МГПУ (e-mail: lenicas@yandex.ru)

Гишкаева Луиза Нахидовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (e-mail: adv88-02@mail.ru)

Горбатенко Ольга Григорьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета РУДН (e-mail: vegera2009@yandex.ru)

Капарушкина Диана Игоревна (Чанг Диана) — аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН, преподаватель русского языка в университете «Тэджон» (Южная Корея) (e-mail: diana_jang@daum.net)

Карпина Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (e-mail: elenaespan@hotmail.com)

Костромин Алексей Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета РУДН

Маслова Ольга Владимировна — соискатель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова

Михеева Анастасия Валерьевна — соискатель кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (e-mail: nastyamikheeva@mail.ru)

Михеева Наталья Федоровна — заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ (e-mail: mikheeva_rudn@mail.ru)

Моисеенко Лилия Васильевна — кандидат филологических наук, доцент (ВАК), профессор МГЛУ, зав. кафедрой лингвистики и проф. коммуникации в области права (e-mail: liliamoisenko@gmail.com)

Молчанова Ирма Игоревна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков инженерного факультета РУДН

Смирнова Ирина Владимировна — преподаватель кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России (e-mail: iria-smirnova1402@yandex.ru)

Тележко Ирина Владиленовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков инженерного факультета РУДН

Яковлева Светлана Анатольевна — кандидат филологических наук, преподаватель-исследователь Центра иностранных языков факультета Арагон Национального автономного университета Мексики (e-mail: svietaiak@yahoo.com)